ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 1 (843)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

1

выпуск 843

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
“MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY”

The year of foundation – 1940

VESTNIK OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

1

Issue 843

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук профессор ***Г. Г. Бондарчук***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р, д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Василюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Артюхова Д. Т.
Сохранение ритмической структуры английских многосложных слов в канадском дискурсе 9

Борисова Л. А.
Заголовок статута в аспекте перевода 19

Бурая Е. А.
Новозеландский акцент в синхронии и диахронии 34

Вареник Е. С.
Фокусные жесты в устном повествовательном и описательном дискурсе 46

Горбылева А. В., Шевченко Т. И.
Смена реплик в дружеской беседе: пересматривая американские гендерные стереотипы 57

Долгих З. Б., Писанова Т. В.
Функционально-семантические особенности португальских операторов предельной меры 67

Дунашова А. В.
Фоностилистическая вариативность языковой личности: просодический аспект 77

Зимарин Д. А., Соколова Г. А., Калашникова Е. А.
Просодический анализ рекламных видеороликов (на материале немецкой рекламы 1960–2015 гг.) 88

Костарнова О. С.
Специфика объективации гендерных ролей в современных английских и итальянских бытовых сказках 98

Куликова К. С.
Реализация зияния на стыках морфем и слов носителями британского варианта английского языка 107

Леонтьева А. В.
Полимодальная смена перспективы в судебном дискурсе 117

Манукян Г. В.
Концепт «красота» в романе Ф. М. Достоевского
«Братья Карамазовы» 128

Романова Е. Ю.
История формирования и фонетические особенности
базовых диалектов английского языка в Юго-Восточной Азии 138

Сокорева Т. В., Шевченко Т. И.
Скорость артикуляции в чтении на китайском и английском языках:
переключение кодов в академическом билингвизме 151

Чубарова М. А.
Структура и частотность тонов как ключи
к национальной идентичности 162

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мосейчук Д. В., Солдатова М. В.
Особенности содержания южнокорейской прозы о Корейской войне
(1950–1953) как отражение коллективной памяти 173

Яковлева Л. Н., Солдатова М. В.
Отражение проблемы гендерной дискриминации
в Республике Корея в произведении Чо Намджу
«Ким Джиён, рожденная в 1982 году» 192

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Барышева Ю. С., Волжанцева Е. В.
Социокультурная адаптация детей мигрантов в России:
интеграционные культурные мероприятия 207

Перова Е. Ю.
Принципы и практики сохранения культурного наследия
в России начала XX века 220

CONTENTS

LINGUISTICS

Artyukhova D. T.
Retention of Rhythmic Structure in English Polysyllabic Words in Canadian Discourse 9

Borisova L. A.
Short Title of a Statute: Translation Aspect 19

Buraya E. A.
New Zealand English Accent in Synchrony and Diachrony 34

Varenik E. S.
Focal Gestures in Spoken Descriptive and Narrative Discourse 46

Gorbyleva A. V., Shevchenko T. I.
Turn-Taking in a Friendly Conversation: American Gender Stereotypes Revisited 57

Dolguikh Z. B., Pisanova T. V.
Functional-Semantic Features of Portuguese Operators of the Ultimate Measure 67

Dunashova A. V.
Phonostylistic Variation of a Linguistic Persona: Prosodic Aspect 77

Zimarin D. A., Sokolova G. A., Kalashnikova E. A.
Prosodic Analysis Of Advertising Videos (based on the material of German advertising in 1960–2015) 88

Kostarnova O. S.
Specifics of the Objectivation of Gender Roles in Modern English and Italian Domestic Tales 98

Kulikova K. S.
Hiatus at Morpheme- and Word-Junctions as Implemented by British Native Speakers 107

Leontyieva A. V.
Multimodal Viewpoint Shifts in Courtroom Discourse 117

Manukyan G. V.
The Concept «Beauty» in the Novel by F. M. Dostoevsky «The Karamazov Brothers» 128

Romanova E. Y.
The History of Formation and Phonetic Peculiarities of the Basic English Dialects in Southeast Asia 138

Sokoreva T. V., Shevchenko T. I.
Articulation Rate of Reading in Chinese and English: Code-Switching in Academic Bilingualism 151

Chubarova M. A.
Structure and Frequency of Tones as Cues to National Identity 162

LITERARY STUDIES

Moseichuk D. V., Soldatova M. V.
South Korean Literature about the Korean War. Aspects of Content as a Reflection of Collective Memory 173

Yakovleva L. N., Soldatova M. V.
Gender Discrimination Problem in the Republic of Korea in «Kim Jiyoung, born 1982» by Cho Nam-Joo 192

CULTUROLOGY

Barysheva Yu. S., Volzhantseva E. V.
Socio-Cultural Adaptation of Children of Migrants in Russia: Intergrative Cultural Activities 207

Perova E. Yu.
Principles and Practices for the Preservation of Cultural Heritage in Russia at the Beginning of the 20th Century 220

УДК 81.34 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_9

Д. Т. Артюхова

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета
da_pozdeeva@mail.ru

СОХРАНЕНИЕ РИТМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛИЙСКИХ МНОГОСЛОЖНЫХ СЛОВ В КАНАДСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье приводятся результаты комплексного исследования, направленного на изучение ритмической структуры многосложных слов в речи англофонного и франкофонного населения Канады. Помимо частотности акцентных моделей мы также рассматриваем акустические ключи, используемые для выделенности слогов с главным, предтоническим и посттоническим ударением, в результате чего приходим к выводу о том, что частота основного тона играет большую роль в выделении слогов в речи англофонов, а длительность – в выделении слогов в речи франкофонов.

Ключевые слова: ритмическая структура слова; канадский дискурс; акустический ключ; частота основного тона; длительность.

D. T. Artyukhova

PhD (Philology), Senior Lecturer at the Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
da_pozdeeva@mail.ru

RETENTION OF RHYTHMIC STRUCTURE IN ENGLISH POLYSYLLABIC WORDS IN CANADIAN DISCOURSE

The article presents the results of complex research aimed at studying the rhythmic structure of polysyllabic words in the speech of Canadian Anglophones and Francophones. Along with the frequency of stress patterns we look at the acoustic cues used for highlighting the main, pretonic and posttonic stresses, which results into the basic conclusion that fundamental frequency is more significant when highlighting

stressed syllables in the speech of Anglophones, and duration is more significant when highlighting stressed syllables in the speech of Francophones.

Key words: rhythmic word struture; Canadian discourse; acoustic cue; fundamental frequency; duration.

Введение

В отечественной и зарубежной лингвистике не раз затрагивался вопрос о правилах локализации словесного ударения в английских многосложных словах. Учитывая то, что применение правил для объяснения позиции ударения часто влечет за собой возникновение множества исключений из этих же правил, наиболее обобщающей уместно считать теорию Г. П. Торсуева и В. А. Васильева [Торсуев 1977; Vassilyev 1970], постулирующей не правила, а более «гибкие» тенденции постановки словесного ударения. В рамках теории определяются следующие тенденции: рецессивная (смещение ударения ближе к началу слова), ритмическая (чередование ударных и безударных слогов), ретентивная (сохранение ударения на том же месте, что и в слове-источнике).

Речь в данном случае идет выделенности слогов в слове, но, как известно, локализация фразового ударения обусловлена позицией словесного; таким образом, уместно говорить о корреляции этих понятий, когда речь идет об устном дискурсе.

Кроме того, было доказано, что в 97% исследованных случаев наблюдалось сохранение позиции словесного ударения в устной речи в том же месте, что и в словаре [Pozdeeva, Shevchenko, Abyzov 2019], и в 98% случаев аудиторы отметили одинаковые позиции ударений в словах, отсегментированных и неотсегментированных из потока речи [Поздеева 2017], что в очередной раз свидетельствует о соотношении словесного и фразового ударений в устном дискурсе. При этом акцентная структура изолированных слов (т. е. изначально представленных вне контекста, например, список слов) может изменяться относительно той, что представлена в словаре.

Средства выделенности ударных слогов варьируются в различных мировых языках в зависимости от их типологической принадлежности. Для английского языка наиболее уместным является подход, который рассматривает иерархию четырех основных акустических ключей – частоты основного тона, длительности, интенсивности

и качества гласного [Шевченко 2020], каждый из которых может оказывать большее или меньшее влияние на выделенность слога.

Д. Б. Фрай по итогам серии лабораторных экспериментов, в которых были использованы изолированные слова, доказал, что и длительность, и интенсивность являются акустическими ключами, служащими для выделения ударного слога [Fry 1955]. В дальнейшем достаточно широко была распространена идея силового ударения, когда выделенность слога достигалась в основном за счет изменения высоты тона [Bolinger 1989; Ladd 2008; Шиханцов, Магидова 2014]. А. Катлер, Н. Купер и Р. Вэйлз приходят к выводу, что для носителей английского языка использование сверхсегментных характеристик при распознавании слов не является типичным, поскольку основная информация о месте ударения в слове извлекается из анализа свойств гласного звука в ударных слогах [Cooper, Cutler, Wales 2002]. Авторы предполагают, что английский язык (по сравнению с другими языками, например, испанским и нидерландским) использует и сегментные, и сверхсегментные характеристики для выделения слога, причем первые играют более значительную роль.

Очевидным недостатком лабораторных экспериментов, по сравнению с исследованием живой неподготовленной речи, является то, что степень и способ выделенности может варьироваться в зависимости от позиции слова относительно синтагмы. Кроме того, слова во фразе выделяются благодаря структуре предложения (степени актуальности информации), части речи, которой конкретное слово выражается, и прагматике высказывания. Неоднократно устанавливалось, что наибольшей выделенностью характеризуются слоги и слова, расположенные ближе к концу синтагмы [Potapov, Potapova 2014; Шевченко, Сибилева 2010]. Таким образом, акцентно-ритмическая структура слова может претерпевать некоторые изменения в зависимости от того, в какой части синтагмы оно расположено, и к какому типу речи относится исследуемое высказывание.

В настоящей работе предпринимается попытка описать и проанализировать акустические ключи, за счет которых достигается выделенность ударных слогов в речи канадцев, проживающих в двух регионах – Онтарио и Квебек, с целью установить, является ли влияние французского языка решающим при выборе тех или иных акустических ключей или же более сильным фактором является позиция в синтагме.

Методология исследования

Для того чтобы понять, существует ли различие в акустических ключах выделенности у англофонов и франкофонов, проживающих в Канаде, мы провели аудиторский и акустический анализ речи 10 жителей провинции Онтарио и 10 жителей провинции Квебек, сбалансированных по полу (по 4 женщины и 6 мужчин) и возрасту (от 28 до 53 лет).

По итогам аудиторского анализа из речи были отсегментированы многосложные слова, в которых, помимо главного, присутствует также ритмическое предтоническое или посттоническое ударение. Отсегментированные слова были сгруппированы по принципу расположения внутри синтагмы: инициальная, срединная и финальная.

По итогам акустического анализа, проведенного при помощи программы PRAAT, были измерены показатели частоты основного тона и длительности для слогов с ритмическим предтоническим, посттоническим и главным ударением. Полученные данные были обработаны при помощи однофакторного дисперсионного анализа ANOVA с целью установить значимость различий в проявлении акустических ключей в отсегментированных словах.

Результаты

По итогам аудиторского анализа было отсегментировано 192 многосложных слова, из них 110 – из речи жителей Квебека, и 82 – из речи жителей Онтарио. Распределение слов по типу ударения выглядит следующим образом: Квебек – 67 слов с предтоническим, 43 слова с посттоническим ударением; Онтарио – 40 слов с предтоническим, 42 слова с посттоническим ударением. Соответственно процентное соотношение предтонического и посттонического ударений для речи жителей Квебека – 60,9 % (*To*ˌ*ron*ˈ*to,* ˌ*sum*ˈ*mer*) и 39,1 % (ˈ*total*ˌ*ly,* ˈ*navi*ˌ*gation*), для речи жителей Онтарио – 48,8 % (ˌ*south*ˈ*east,* ˌ*compe*ˈ*titions*) и 51,2 % (ˈ*bath*ˌ*tub,* ˈ*conse*ˌ*quence*) соответственно.

Из всех отсегментированных слов лишь 2,7 % занимают начальную позицию в синтагме в речи жителей Квебека и 3,6 % – в речи жителей Онтарио. Таким образом, в силу недостаточного количества данных многосложные слова, имеющие ритмическое ударение и расположенные в начале синтагмы, были исключенные из дальнейшего статистического анализа.

Примерно одинаково распределились многосложные слова, расположенные в середине и в конце синтагмы. 32,8 % всех слов, отсегментированных из речи жителей Квебека, и 43,9 % слов, отсегментированных из речи жителей Онтарио, расположены в середине синтагмы. Самой многочисленной стала группа многосложных слов, расположенных в конце синтагмы: в Квебеке 64,5 %, в Онтарио 52,5 %.

Неравнозначно распределены и типы ударений. В речи франкофонов как в срединной, так и в финальной позиции преобладают предтонические ударения: в срединной 52,8 % предтонических и 47,2 % посттонических ударений, в финальной 64,8 % предтонических, 35,2 % посттонических ударений. В речи англофонов незначительно больше слов с посттоническим ударением: в срединной позиции 47,2 % предтонических и 52,8 % посттонических ударений, в финальной позиции 48,8 % предтонических ударений, 51,2 % посттонических ударений.

Помимо количественной обработки был также проведен статистический анализ данных, конкретно – однофакторный дисперсионный анализ, в котором в качестве зависимой переменной был выбран анализируемый акустический параметр (ЧОТ или длительность), в качестве категориального предиктора – тип слога (с главным ударением, с ритмическим предтоническим или ритмическим посттоническим ударением), по итогам которого получены следующие результаты:

- в речи англофонов (мужчин-информантов) значимым оказалось различие по частоте основного тона в словах с главным и посттоническим ритмическим ударением, расположенных в конце синтагмы: $p = 0.006$, при этом медиана показателей ЧОТ выше для посттоничского ударения (97,5 Hz для главного vs. 133 Hz для посттонического). Во всех остальных позициях и сочетаниях типов ударений показатель p свидетельствует о незначимости различий в акустических данных главного и ритмического ударений;
- в речи информантов-франкофонов наблюдаются более интересные явления. Так, установлено, что значимо различие по длительности в словах с предтоническим ритмическим ударением в срединной позиции в синтагме в речи как мужчин, так и женщин: $p = 0.003$ и $p = 0.025$ соответственно; показатели длительности выше для главного ударения в обоих случаях. В словах в финальной позиции длительность также оказалась наиболее важным акустическим ключом: в речи мужчин-информантов в словах с предтоническим ритмическим

ударением p=0.0001, показатели длительности выше для главного ударения; в словах с посттоническим ритмическим ударением p = 0.0002, показатели длительности выше для посттонического ударения. Единственный случай, когда значимыми оказались оба исследуемых параметра – в речи женщин-информантов в словах с предтоническим ритмическим ударением: различие по ЧОТ p = 0.003, показатели ЧОТ выше для главного ударения; различие по длительности p= 0.002, показатели длительности выше для главного ударения.

Дискуссия

Как мы видим, распределение и использование акустических ключей в речи канадских англофонов и франкофонов различаются: контакт с французским языком проявляется в увеличении длительности слога, на котором локализуется главное ударение, и который расположен ближе к правому краю слова. Это типичное проявление выделенности для французского основного ударения, которое падает на последний слог лексического слова, определяется лексическими и морфосинтаксическими условиями и выражается в значительном увеличении длительности гласного [Белавина 2016]. Очевидно, что этим же объясняется более частотное использование слов с акцентной структурой «предтоническое + главное ударение» в речи жителей Квебека, поскольку ранее было экспериментально доказано, что показатели длительности выше для слогов, на которых реализуется главное ударение [Поздеева 2018].

Не стоит также недооценивать значимость расположения слова относительно границ синтагмы. Как было ранее установлено Л. Н. Сибилевой и Т. И. Шевченко, «независимо от новизны слова в дискурсе и его семантико-прагматической значимости определенная позиция в ритмической структуре обеспечивает тот или иной уровень просодической выделенности» [Шевченко 2016, с. 189]. Кроме того, авторы исследования доказывают, что максимумы ЧОТ и длительности с наибольшей вероятностью реализуются в словах, занимающих финальную позицию в интонационной фразе-синтагме [там же, с. 198].

Представленные выше выводы соотносимы с полученными нами результатами аудиторского эксперимента, демонстрирующими более частотную реализацию ритмического ударения в медиальной

и финальной позициях в синтагме в речи как англофонов, так и франкофонов. Реализации ритмической выделенности в начале синтагмы в разных группах информантов или представлены единичными случаями, или же вовсе отсутствуют.

В настоящей работе также обнаружено различие в частотности типов ритмического ударения: в речи англофонов чуть более частотно посттоническое ритмическое ударение, в речи франкофонов – предтоническое ритмическое ударение. Полученные данные интересно сравнить с итогами опроса, проведенного на материале изолированных слов, в котором трем группам информантов предлагалось проставить ударения (главное и второстепенное, в дальнейшем второстепенное ударение было сгруппировано по позиции относительно главного) в многосложных словах так, как они бы их произнесли [Поздеева 2017]. В группе англофонов насчитывалось наибольшее количество слов с посттоническим ритмическим ударением вне зависимости от количества слогов в слове, тогда как в группе франкофонов в основном встречались акцентные структуры без ритмического ударения. Опираясь на полученные выводы мы предположили, что англофоны стремятся к отмежеванию от британской и американской произносительных норм, что отражается в использовании ритмического ударения, а франкофоны, в свою очередь, больше равняются на британскую норму, долгое время выступавшую в роли произносительного стандарта в Канаде. Последние данные, полученные по итогам тщательной работы с живой неподготовленной речью, наглядно демонстрируют, что у англофонов нет разрыва между ментальными репрезентациями акцентной выделенности и ее выражением в речи, в то время как у франкофонов такой разрыв существует, и если в когнитивном аспекте происходит подсознательное выравнивание по норме, то в речи интерференция с французским языком оказывается сильнее и проявляется в большей выделенности финальных слогов.

Выводы

Продолжительный и тесный контакт английского и французского языков в Канаде обусловливает процессы интерференции языковых явлений разных уровней, что проявляется в степени и способах выделенности ударных слогов. Несмотря на существующие

прескриптивные нормы постановки ударения в словах, при сопоставлении речи англофонного и франкофонного населения наблюдаются различия не только в частотности использования акцентных моделей, но и в том, при помощи каких акустических ключей происходит выделение ударного слога.

По итогам комплексного исследования, включающего в себя аудиторский, электронно-акустический и статистический виды анализа, мы обнаружили, что:

- ритмические ударения с большей вероятностью идентифицируются в многосложных словах, расположенных ближе к концу интонационной фразы-синтагмы, что подтверждает предшествующие выводы о реализации там максимумов ЧОТ и длительности;
- в речи франкофонов более частотны слова с предтоническим ритмическим ударением, в то время как в речи англофонов наблюдается примерно одинаковое количество слов с предтоническим и посттоническим ударениями с незначительным преобладанием посттонического;
- различие установлено также и для способов выделенности ударных слогов. В речи франкофонов в роли самого продуктивного акустического ключа выступает длительность, которая увеличивается ближе к правому краю слова – соответственно, длительность слогов с посттоническим ритмическим ударением превышает длительность слогов с главным ударением;
- в речи англофонов наибольшее различие наблюдается в показателях частоты основного тона в многосложных словах, расположенных в конце синтагмы: слоги с посттоническим ударением выделены больше, чем слоги с главным ударением. Таким образом, основным акустическим ключом выделенных слогов в речи франкофонов выступает длительность, а в речи англофонов – частота основного тона.

Безусловно, для создания более полной картины необходимо рассмотреть также образцы подготовленной речи, которая, как правило, характеризуется большим количеством многосложных слов по сравнению с неподготовленной речью. Тем не менее полученные выводы, на наш взгляд, представляют ценность и дополняют данные, полученные в ходе предшествующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белавина Е. М. Типы ударений во французском языке: полемика литературоведов и лингвистов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук 4–2. 2016. С. 134–139. [Belavina, E. M. (2016). Types of word stress in French: polemics of literary scholars and linguistsю *Actual problems of humanitarian and natural sciences 4*-2, 134–139. (In Russ.)].

Поздеева Д. Т. Выбор акустических ключей при восприятии словесного ударения // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. М-во науки и высш. образования Рос. Федерации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2018. С. 66–70. [Pozdeeva, D.T. (2018). Choice of acoustic cues used for word stress perception. In *Actual problems of philology and foreign languages teaching: materials of I international workshop*. Ministry of science and higher education RF (pp. 66–70). Ekaterinburg: Ural State Economical University. (In Russ.)].

Поздеева Д. Т. Канадская идентичность в словесном ударении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 3 (771). С. 67–80. [Pozdeeva, D. T. (2017). Canadian identity in word stress. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3*(771), 67–80. (In Russ.)].

Торсуев Г. П. Константность и вариативность в фонетической системе. М.: Наука. 1977. [Torsuev, G. P. (1977). Konstantnost' i variativnost' v foneticheskoy sisteme. (*Constance and variability in the phonetic system*). Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Шевченко Т. И. Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. Изд. 2-е, доп. М.: Ленанд, 2016. [Shevchenko, T. I. (2016). Sotsiofonetika. Natsional'naya i sotsial'naya identichnost' v angliyskom proiznoshenii. (*Sociophonetics. National and social identity in English pronunciation*). 2nd ed. Moscow: Lenand. (In Russ.)].

Шевченко Т. И. Теоретическая фонетика английского языка: учебное пособие. 3-е изд. М.: Высшее образование, 2020. [Shevchenko, T. I. (2020). Teoreticheskaya fonetika angliyskogo yazyka. (*Theoretical phonetics of English*). Textbook. 3rd ed. Moscow: Vyssheye obrazovaniye. (In Russ.)].

Шевченко Т. И., Сибилева Л. Н. Фонетика и фонология просодии делового дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 1 (508). С. 186–204. [Shevchenko, T. I., Sibileva, L. N. (2010). Fonetika i fonologiya prosodii delovogo diskursa (*Phonetics and phonology of business discourse prosody). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 1*(508), 186–204. (In Russ.)].

Шиханцов А. С., Магидова И. М. Особенности словесного ударения в английской публичной речи: Исследование на материале британского варианта

современного английского языка. М.: Ленанд, 2014. [Shikhantsov, A. S., Magidova, I. M. (2014). Osobennosti slovesnogo udareniya v angliyskoy publichnoy rechi: Issledovaniye na materiale britanskogo varianta sovremennogo angliyskogo yazyka (*Specifics of word stress in public speech: based on modern British English*). Moscow: Lenand. (In Russ.)].

Bolinger D. Intonation and its Uses: Melody in Grammar and Discourse. Stanford: Stanford University Press, 1989.

Cooper N., Cutler A., Wales R. Constraints of Lexical Stress on Lexical Access in English: Evidence from Native and Non-native Listeners // Language and Speech Vol. 45 (3). Los Angeles: Sage Publishing, 2002. P. 207–228.

Fry D. B. Duration and Intensity as Physical Correlate of Linguistic Stress // The Journal of the Acoustical Society of America. Melville, NY, 1955. P. 765–768.

Ladd D. R. Intonational Phonology. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Potapova R., Potapov V. Auditory and Visual Recognition of Emotional Behaviour of Foreign Language Subjects (by native and non-native speakers) // LNAI. Springer, 2014. P. 62–69.

Pozdeeva D., Shevchenko T., Abyzov A. New perspectives on Canadian English digital identity based on word stress patterns in lexicon and spoken corpus // Lecture Notes in Computer Science. 2019. T. 11658 LNAI. C. 401–413.

Vassilyev V. A. English Phonetics. A Theoretical Course. M.: HSPH, 1970.

УДК 811.111 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_19

Л. А. Борисова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации
Воронежского государственного университета
borisova_la@rgph.vsu.ru

ЗАГОЛОВОК СТАТУТА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается проблема перевода заголовка статута на русский язык. Материалом исследования выступают переводы законов, представленные на сайтах бюро переводов, энциклопедии, информационные сообщения, судебные решения, научные статьи. Автором проводится сравнительный анализ переводческих решений. Полученные результаты говорят об отсутствии единообразия при оформлении заголовка в переводе, что, однако, не влияет на смысл. Сохранение культурной специфики заголовка важно в сравнительном правоведении.

Ключевые слова: статут; перевод законов; законодательная техника; юридический перевод.

L. A. Borisova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Translation
and Professional Communication, Voronezh State University
borisova_la@rgph.vsu.ru

SHORT TITLE OF A STATUTE: TRANSLATION ASPECT

The article focuses on the issue of translating a short title of a statute from English into Russian. The comparative analysis of translation decisions is based on the texts comprising translations of statutes available on web-sites of translation agencies, encyclopedias, news items, court decisions and scientific papers. It is concluded that the form of the short title of a statute often differs in Russian translations, which does not affect the meaning, however. Preserving the cultural specifics of the short title in translation is relevant in comparative law.

Key words: statute; translation of laws; legislative drafting; legal translation.

Введение

Законодательный текст является объектом изучения в целом ряде лингвистических исследований. Языку права (главным образом – законодательства) посвящены работы таких ученых, как Т. В. Губаева (2007), Е. С. Шугрина (2000), Н. А. Власенко (1997) и др. Пристальное

CC BY

внимание языку законодательства уделяют ученые-юристы, занимающиеся вопросами законодательной техники: Д. А. Керимов (1998), Ю. А. Тихомиров (2000), Д. В. Чухвичев (2006). Среди зарубежных исследователей, изучающих язык английского законодательства, можно выделить Питера Батта и Ричарда Касла (Peter Butt, Richard Castle, 2006), Френсиса Бенниона (Francis Bennion, 1990), Винсента Крэбба (Vincent Crabbe, 1994), Дэвида Эллиотта (David C. Elliott, 1990) и др.

Что касается перевода законодательных текстов с английского языка на русский и наоборот, то это сфера пока недостаточно разработанная. Особую актуальность перевод законов, безусловно, имеет в тех государствах, где существует несколько официальных языков. Также можно привести в качестве примера Европейский союз, страны-участницы которого должны гармонизировать свое законодательство с нормативными актами Европарламента, в связи с чем перевод таких актов на национальные языки становится крайне востребованным. Однако существуют ситуации, когда перевод если не всего закона, то его части необходим при работе с другим жанром текста. Наша собственная практика юридического переводчика позволяет утверждать, что перевод выдержек из законодательства и ссылок на него востребован, к примеру, при переводе отчетов международных организаций, материалов Европейского суда по правам человека, научных статей.

Как отмечает Дебора Као (Deborah Cao), юридический перевод может осуществляться не только для нормативных целей, как в случае с законодательством Евросоюза, но и для целей информирования, с констатирующей или дескриптивной функцией. Имеется в виду «перевод законов, судебных решений, научных работ и других юридических документов, если целью перевода является предоставление информации целевой аудитории. Это характерно главным образом для моноязычных юрисдикций» [Cao 2007, с. 11][1].

Знание жанровых конвенций в исходном языке (ИЯ) и переводящем языке (ПЯ) составляет, на наш взгляд, неотъемлемую часть профессиональной компетенции переводчика. Наше неоднократное обращение к уже имеющимся переводам с английского языка на русский каких-либо законодательных текстов свидетельствует о том, что далеко не всегда специфика, особенно культурная, текста британского

[1] Перевод наш. – *Л. Б.*

или американского закона (статута) находит точное отражение в переводе. С другой стороны, не стоит забывать о цели перевода, определяющей выбор переводчиком конкретной стратегии и соответствующей тактики.

В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать перевод одного из элементов законодательного текста – заголовка – с английского языка на русский на материале текстов различных жанров. В качестве материала исследования нами были выбраны тексты из различных источников, а именно: с сайтов бюро переводов, энциклопедий, новостных порталов, решений Европейского суда по правам человека, научных статей. Такой выбор материала неслучаен. Мы ставили перед собой цель выявить, насколько единообразен подход к переводу заголовков статутов с английского языка на русский и, если единообразия не наблюдается, существует ли зависимость между принадлежностью текста к определенному жанру и переводческим решением в отношении заголовка, иными словами, насколько цель перевода того или иного текста обусловливает переводческое решение в части передачи заголовка средствами ПЯ.

Заголовок статута

Целесообразным считаем начать с правил формулирования заголовка.

По нормам британской законодательной техники заголовок статута представляет собой short title – краткое наименование (в отличие от long title – полного наименования). Он состоит из слова *Act*, атрибутивной группы в препозиции к нему и цифры, обозначающей год принятия закона, в постпозиции. Например, *Offensive Weapons Act 2019* или более развернутый *National Insurance Contributions (Termination Awards and Sporting Testimonials) Act 2019*.

Похожие правила законодательной техники применительно к заголовку действуют в США и странах Британского Содружества Наций, с разницей лишь в том, что перед указанием года может использоваться предлог *of* или формулировка может быть весьма развернутой. Например, *Never Forget the Heroes: James Zadroga, Ray Pfeifer, and Luis Alvarez Permanent Authorization of the September 11th Victim Compensation Fund Act*.

Заголовки статутов в полнотекстовых переводах законодательства на сайтах бюро переводов

Бюро переводов предлагают услуги по полному письменному переводу текстов законов. По тематике это, как правило, законы, связанные с ведением бизнеса в той или иной стране. Представляется, что такой перевод выполняется для предпринимателей, которые планируют осуществлять коммерческую деятельность за рубежом и которым необходимо знать, каким образом такая деятельность регулируется.

На сайте центра переводов «Juris facto»[1] представлены выдержки из полнотекстовых переводов британского законодательства. Нас интересуют заголовки, и в переводе они имеют следующий вид:

- The Banking Act 2009 of the United Kingdom – Закон Великобритании «О банковской системе» 2009 года
- The Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 of the United Kingdom – Закон Великобритании «О санкциях и противодействии отмыванию денег» 2018 года
- The Companies Act 2006 of the United Kingdom – Закон Великобритании «О компаниях» 2006 года

В самих текстах этих законов встречаются отсылки на другие статуты, например:

- закон «О финансовых услугах и рынках» 2000 года
- закон «О строительных обществах» 1986 года
- закон «О малом бизнесе, предприятиях и трудовых правоотношениях» 2015 года
- закон «О доходе, полученном преступным путем» 2002 года
- закон «Об иммиграции» 1971 года
- закон «О компаниях (аудит, следственные действия и социальные предприятия)» 2004 года
- закон «Об объединении законов о компаниях (положения о внесении изменений в нормативные правовые акты)» 1985 года

Как видим, при переводе собственно заголовком оказывается словосочетание, заключенное в кавычки, тогда как само слово *закон* и год принятия статута в состав заголовка не входят. Это нарушает традиции законодательной техники Великобритании, однако не искажает содержания.

[1] URL: https://perevodzakonov.ru/

Аналогичным образом переведены заголовки статутов переводческим обществом «Осип Непея»[1]:

- The Bribery Act 2010 of the United Kingdom –
  Закон «О взятках» Великобритании, 2010 год

В его тексте встречаются:

- закон «О партнерствах» 1890 года
- закон «О партнерствах с ограниченной ответственностью» 1907 года
- закон «О правосудии (Северная Ирландия)» 2002 года
- закон «Об уголовном правосудии» 2003 года
- закон «О британском гражданстве» 1981 года

На сайте бюро юридического перевода «G.S.L. translation agency»[2] перевод заголовков британских статутов и законов стран офшорных зон выглядит следующим образом:

- Companies Act 2006 – Закон о компаниях, 2006
- Trusts of Land and Appointment of Trustees Act 1996 – Закон Великобритании о трастах недвижимого имущества и назначении доверительных собственников от 1996 года
- Trustee Act 2000 – Закон Великобритании о доверительных собственниках от 2000 года
- British Virgin Islands the Business Companies Act, 2004 (as amended 2009) – Закон Британских Виргинских островов о коммерческих компаниях от 2004 года (с поправками от 2009 года)
- Belize International Foundations Act, 2010 – Закон Белиза о международных фондах от 2010 года
- Seychelles Foundations Act, 2009 (as amended, 2011) – Закон республики Сейшелы о фондах от 2009 года (с поправками от 2011 года)

В самих текстах находим ссылки на:

- Закон о международной комиссии по финансовым услугам
- Закон о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 2008 года
- Закон о валютном контроле

[1] URL: www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=2ahUKEwiPhq3Ng6HoAhXEXJoKHYCiBu0QFjACegQIAxAB&url=https%3A%2F%2Fwww.nornickel.ru%2Ffiles%2Fru%2Fcorporate_documents%2Fothers%2FZakon_Velikobritanii_O_bor_be_so_vzyatochnichestvom._UK_Bribery_Act.pdf&usg=AOvVaw1tsO8XHRGcSoltSFdtV2AC

[2] URL: http://translations.gsl.ru/russian/

В приведенных примерах прослеживается тенденция отразить при переводе специфику законодательной техники страны ИЯ. Слово *закон* и год принятия входят в состав заголовка, однако сам заголовок не заключается в кавычки, что противоречит пунктуационным нормам русского языка.

Как видим, переводческие решения в отношении заголовков статутов, предлагаемые бюро переводов, отличаются с точки зрения формы. Представляется, однако, что для целевой аудитории перевода – бизнесменов – форма не имеет принципиального значения и не отражается на восприятии текста с содержательной точки зрения. Юриста, который может консультировать бизнесмена по вопросам открытия бизнеса за рубежом, а значит – тоже являться потенциальной целевой аудиторией перевода в данном случае, будет интересовать скорее правовая сторона вопроса, т. е. содержание самого закона, нежели форма заголовка. Безусловно, ему важно знать, на какие нормативные акты делается ссылка, но традиция оформления заголовка вряд ли способна оказать существенное влияние на восприятие текста перевода юристом и понимание им такого текста.

Заголовки статутов в энциклопедии

Рассмотрим примеры из текстов другого функционального стиля – научного, в частности, из свободной энциклопедии «Википедия»[1]. Целевой аудиторией является широкий круг читателей, которые хотят получить информацию по конкретному вопросу.

Анализ статей в указанной энциклопедии позволяет говорить об отсутствии единообразия при оформлении заголовка британских / американских законов. Иногда в названии можно встретить слово *Акт* вместо слова *Закон*, например, *«Акт о полномочиях следствия»* (*Investigatory Powers Act*). Иногда заголовок оформляется в традициях российской законодательной техники, например, «*О противодействии противникам Америки посредством санкций*» (*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act*) или закон «*О Федеральном резерве*» (*Federal Reserve Act*).

В подавляющем большинстве случаев тенденция сохранить специфику формулирования заголовка в англоязычных странах сохраняется,

[1] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki.

однако сам заголовок не заключается в кавычки, что нарушает нормы русского языка. К примеру:

- United Kingdom Bribery Act – Закон Великобритании о взяточничестве
- British Nationality Act 1948 – Закон о Британском гражданстве 1948 года
- Fraudulent Mediums Act, 1951 – Закон о лже-медиумах
- Indian Citizenship Act – Закон о гражданстве индейцев
- Freedom of Information Act – Закон о свободе информации
- IRCA 1986 – Закон о реформе и контроле за иммиграцией в США

Представляется, что для читателя энциклопедического текста, а именно, Википедии, рассчитанной на массовую аудиторию, форма заголовка закона в переводе несущественна. Ведь текст такого рода читается с целью извлечения информации по конкретному вопросу. Это может быть как информация про сам закон, так и какой-либо вопрос, в контексте которого всплывают ссылки на соответствующие нормативные акты. Например, при поиске информации о перечне прав задержанного (так называемом правиле Миранды) (Miranda Warning) в энциклопедическом тексте читатель встретит указание на *«Закон о полиции и доказательствам в уголовных делах» от 1984 года*. Данная часть статьи рассказывает о том, как работает схожее правило в Великобритании, а не в США, где оно зародилось, поэтому, как нам кажется, читателю не принципиально, каким образом выглядит заголовок в русскоязычной версии статьи: *«Закон о полиции и доказательствам в уголовных делах» от 1984 года* или *«Закон о полиции и доказательствам в уголовных делах 1984 года»*, или *закон 1984 года «О полиции и доказательствам в уголовных делах»*.

Заголовки статутов в информационных сообщениях

Далее обратимся к текстам газетно-публицистического характера, а именно к новостным блокам, опубликованным на авторитетных порталах («Русская служба Би-Би-Си», ТАСС, «Russia Today»). Целевая аудитория представляет собой широкий круг людей, заинтересованных в получении официальной информации о событиях в мире. Отметим, что вышеуказанные порталы являются авторитетными источниками и относятся к категории «информационное агентство / служба новостей / информационный канал» и не являются так называемой желтой прессой. Это влияет на характер публикуемых новостей.

На сайте «Русской службы Би-Би-Си»[1] встречаются, например, следующие ссылки на британские и американские законы:

- Премьер-министр Великобритании намерена отозвать *«Закон о европейских сообществах 1972 года»*…
- Парламент Великобритании одобрил *закон о создании специальной комиссии для проверки расходов депутатов*…
- Британия приняла *закон против принуждения к браку*…
- При ее участии был написан *Закон о защите прав граждан с ограниченными возможностями*…
- Москва возмущена принятым обеими палатами американского конгресса *законом «О поддержке свободы на Украине»*, заявил официальный представитель МИД России Александр Лукашевич…

Приведенные примеры свидетельствуют о различиях в оформлении заголовков законов. В одних случаях он прослеживается именно как заголовок (заключен в кавычки), в других же он таковым не является (написан со строчной буквы и без кавычек), и журналист передает основное содержание закона.

Похожая практика используется и информационным агентством ТАСС[2]. Например:

- Заместитель министра иностранных дел КНР Лэ Юйчэн вызвал в четверг американского посла в Пекине Терри Бранстеда и выразил ему протест в связи с подписанием президентом США Дональдом Трампом так называемого *закона о демократии и правах человека в Гонконге*...
- 2 августа 2017 года президент США Дональд Трамп подписал *закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций»*…
- В среду президент США Барак Обама подписал закон, запрещающий тотальный сбор данных об электронных коммуникациях американцев. Ранее в тот же день документ, получивший название *«Акт о свободе США»*, был принят Сенатом американского Конгресса 67 голосами против 32…
- *Закон США о регистрации иностранных агентов* истолковывают в России неправильно…

[1] URL: https://www.bbc.com/russian
[2] URL: https://tass.ru/

Примеры с сайта «Russia Today»[1] также подтверждают отсутствие единообразия при оформлении заголовков британских и американских законов:

- Соединенные Штаты столкнутся с контрмерами, если перейдут к применению подписанного Дональдом Трампом *закона «О защите прав человека и демократии в Гонконге»*….
- Королева Великобритании Елизавета II подписала одобренный ранее парламентом *закон о слежке за гражданами в целях национальной безопасности*…

Таким образом, можно сделать вывод, что в авторитетных текстах газетно-публицистического характера заголовки британских и американских законов не имеют единообразного оформления, что, однако, не препятствует выполнению такими текстами их функций – информирования и воздействия. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в новостных сообщениях может быть указан не только, и, возможно, даже не столько сам заголовок закона, сколько его содержательная характеристика, в связи с чем более частотным оказывается словосочетание *закон о*…, не заключаемое в кавычки.

Обратим также внимание на то, что в некоторых переводах в названии закона используется слово *Акт*, а не *Закон*. Например, в переводе *«Закона им. Сергея Магнитского о верховенстве закона и ответственности от 2012 года»*, представленного на сайте «Эхо Москвы», встречается ссылка на *«Акт об иммиграции и национальности»*. С другой стороны, в этом же тексте находим и *«Закон об иммиграции и национальности»* и *«Закон о чрезвычайных международных экономических полномочиях»*. Во-первых, отметим, что переводчик должен быть последователен в выборе переводного эквивалента. И если изначально эквивалентом *Act* был выбран *Акт*, то именно эта лексическая единица должна использоваться в аналогичных контекстах на всем протяжении перевода. Во-вторых, прокомментируем выбор самого слова *Акт* как переводческого решения. С нашей точки зрения, такое решение является попыткой переводчика отразить культурную специфику англоязычного текста в части заголовка. Британский парламент и Конгресс США по итогам обсуждений принимают документ, обозначаемый по-английски *Act of Parliament*, *Act of Congress*. Как уже указывалось выше, в названии документа используется именно слово

[1] URL: https://russian.rt.com/

Act. В этой связи можно рассматривать *Акт* в переводе как элемент калькирования, используемый в целях передачи реалии, каковой можно считать документ, принимаемый в иноязычной культуре. Двуязычные словари фиксируют вариант *акт парламента* / *акт конгресса* как переводной эквивалент, наряду с *закон парламента*, *закон конгресса* [ABBYY Lingvo x5].

Заголовки, которые начинаются со слова *Акт*, можно встретить и на сайте информационных агентств:

- В 2011 году в Британии был принят *«Акт о фиксированном сроке полномочий парламента»…* (*Русская служба Би-Би-Си*),

и в энциклопедии:

- *Акт о половых преступлениях, 2003* (*англ*. Sexual Offences Act 2003) – акт парламента Великобритании, принятый в 2003 году)… (*Википедия*),

и в переводах самих законов:

- Несмотря ни на какие другие положения настоящей главы или параграфа 705 или 706 *Акта о средствах связи 1934 г.* …

Заголовки статутов в судебных решениях

Для анализа вариантов перевода заголовков обратимся также к текстам официального характера – решениям Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Поскольку практика ЕСПЧ является прецедентной, важность перевода решений Суда на другие языки очевидна. Целевая аудитория таких текстов – это, прежде всего, юристы, представляющие интересы клиентов в этой инстанции. Переводы на русский язык, представленные в базе данных ЕСПЧ HUDOC[1], имеют разное авторство и опубликованы в официальных изданиях, что предполагает авторитетность таких переводов и их выполнение квалифицированными специалистами.

Рассмотрим конкретные примеры из переводов постановлений по различным делам в отношении Соединенного Королевства.

1. Переводы, опубликованные в журнале «Права человека. Практика Европейского суда по правам человека» при финансовой поддержке совместной программы Европейской комиссии и Совета Европы:

[1] https://hudoc.echr.coe.int/eng

- Закон «О финансах»
- Закон «Об однополых браках» 2004 года
- Закон «О налоге на наследство» 1984 года
- Закон «О правах человека» 1998 года (дело «Бёрдены против Соединенного Королевства»)
- Закон о пенитенциарных учреждениях 1952 года
- Закон «Об оплодотворении и эмбриологии человека (в случае смерти отца)» 2003 года (дело «Диксоны против Соединенного Королевства»)
- Закон 1990 года «Об оплодотворении человека и эмбриологии»
- Закон 1998 года «О правах человека» (дело «Эванс против Соединенного Королевства»)
- Закон «О неуважении к суду» 1981 года
- Закон «О конституционной реформе» 2005 года
- Закон «О финансовых услугах» 1986 года (дело «Компания “Файненшл Таймс Лтд” и другие заявители против Соединенного Королевства»)

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что заголовки в переводе оформлены в стиле российской законодательной техники, т. е. в кавычки заключается предложная фраза, а слово *закон* и год его принятия в состав заголовка не входят. Однако в деле Диксонов есть и формулировка (*Закон о пенитенциарных учреждениях 1952 года*), правда, не заключенная в кавычки, внешняя форма которой выдержана в духе британской законодательной техники.

2. Переводы, опубликованные в «Бюллетене Европейского суда по правам человека»:

- Закон «О терроризме» 2000 года
- Закон «О полиции и доказательствах по уголовным делам» 1984 года
- Закон «О правосудии по уголовным делам и общественном порядке» 1994 года (дело «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства», перевод ООО «Развитие правовых систем» под ред. Ю. Ю. Берестнева);
- Закон о реформе полиции 2002 года,
- Закон по охране здоровья и обеспечению безопасности на рабочем месте 1974 года
- Закон об уголовной юстиции и иммиграции 2008 года (дело «Армани да Сильва против Соединенного Королевства», перевод ООО «Развитие правовых систем» под ред. Ю. Ю. Берестнева)
- Закон (Акт) о защите данных 1998 года

- Акт о правах человека 1998 года (дело «Мосли против Соединенного Королевства», перевод к. ю. н. М. Т. Тимофеева)
- Закон об уголовном праве (Северная Ирландия) 1967 года
- Закон о правах человека 1998 года (дело «Брекнелл против Соединенного Королевства»)

Можно сделать вывод о двояком оформлении заголовков в переводе в этом журнале: по образу и подобию российской традиции и с сохранением британских особенностей. Переводы указанных дел выполнялись разными переводчиками, однако нельзя не отметить, что каждый из них последователен в своих решениях. Кроме того, в переводах, выполненных юристом, наряду со словом «закон» также используется слово «акт».

3. Переводы, подготовленные в рамках проекта «Инициатива повышения качества предоставления систем убежища в странах Восточной Европы и Южного Кавказа» для русскоязычной версии веб-портала УВКБ ООН Refworld:

- Закон об иммиграции 1971 г.
- Закон о гражданстве, иммиграции и убежище 2002 г. (*дело «Суфи и Элми против Соединенного Королевства»*)

Оформление заголовка отражает специфику британской законодательной техники, однако нарушает нормы русского языка в части заключения заголовка в кавычки.

Интересно отметить четыре варианта оформления заголовка одного и того же закона в разных источниках: *Закон «О правах человека» 1998 года, Закон 1998 года «О правах человека», Акт о правах человека 1998 года, Закон о правах человека 1998 года*. Потенциальное содержание статута понятно, независимо от варианта оформления заголовка в переводе. Смеем предположить, что разные варианты используются в связи с отсутствием на практике каких-либо единых руководящих указаний по переводу решений ЕСПЧ на русский язык, в том числе в отношении заголовков, поэтому каждый переводчик принимает решение самостоятельно.

Выше уже говорилось, что практика ЕСПЧ носит прецедентный характер и юристу важно знать фактические обстоятельства дела и мотивировочную часть решения суда. Отсылка к нормативным актам национального законодательства представляет собой лишь одну из смысловых составляющих текста судебного решения, положения

национального законодательства не могут быть использованы в практике других стран, они могут выступать лишь в качестве тех средств правовой защиты, которые предусмотрены в той или иной стране. Это означает, что то, каким образом оформлен заголовок в переводе текста судебного решения ЕСПЧ, не влияет на восприятие смысла получателем перевода и не искажает содержания оригинала. Переводчику необходимо обратить внимание на единообразное оформление заголовков британских законов во всем тексте переводимого решения.

Заголовки статутов в научных статьях по сравнительному правоведению

Наконец, в качестве материала для исследования возьмем научные статьи по сравнительному правоведению. Мы считаем, что именно в данном случае форма заголовка британского или американского закона в переводе оказывается крайне важной. Целью сравнительного правоведения является изучение правовых систем, законов, правовых явлений разных государств для выявления новых закономерностей в развитии права. Ученым, занимающимся сравнением законодательной техники разных стран, будет интересен вопрос о том, каким образом формулируется текст закона в другой стране, на другом языке. Это означает, среди прочего, пристальное внимание к внешней форме выражения. Отметим, что на сегодняшний день существует большое количество научных статей ученых-юристов об особенностях того или иного права или правового явления в Великобритании и США, однако подобные статьи вряд ли могут служить для нас материалом исследования, поскольку авторы в данном случае делают акцент именно на самом явлении и, даже когда и ссылаются на британские или американские законы, то исключительно с той точки зрения, как регулируется в них анализируемое явление. Нас же интересует техника написания законов в разных странах, значит, интерес для нас представляют статьи по сравнительному правоведению, а именно, те, в которых объектом выступает законодательная техника Великобритании, США и России. Отметим, что число таких исследований невелико. Среди них можно выделить статью О. Г. Соловьева и М. И. Гешелина, в которой авторы обращают внимание на вопросы применения языковых (лингвистических) средств законодательной

техники в английском уголовном законодательстве в сфере экономической деятельности [Соловьев Гешелин 2016].

В указанной статье встречаются следующие примеры заголовков статутов:

- Закон о фальшивомонетничестве и подделках 1981 г. (Forgery and Counterfeiting Act 1981)
- Закон о мошенничестве 2006 г. (Fraud Act 2006)
- Закон о компаниях 2006 г. (Companies Act 2006)
- Закон об азартных играх 2005 г. (Gambling Act 2005)
- Закон о финансовых рынках и услугах 2000 г. (Financial Services and Markets Act 2000)
- Закон о банковской деятельности 1987 г. (Banking Act 1987)
- Закон об авторских правах, образцах и патентах 1988 г. (Copyright, Designs and Patents Act 1988)

Анализ этого материала позволяет сделать вывод, что при переводе заголовков статутов особенности британской законодательной техники сохранены. Как видим, в состав заголовка при переводе на русский язык входит и слово *закон*, о чем свидетельствует прописная буква, и год принятия статута. Единственным нарушением норм русского языка является отсутствие кавычек.

Заключение

Подведем итоги проведенного исследования. Анализ материала, а именно: полнотекстовых переводов британского / американского законодательства или выдержек из него, энциклопедических текстов, информационных сообщений, судебных решений и научных статей, позволяет утверждать, что не существует единообразного подхода к переводу заголовков статутов с английского языка на русский. По большей части наблюдается их оформление в традициях российской законодательной техники. С учетом того, что перевод выполняется для целей информирования, а не для нормативных целей, когда документ имеет юридическую силу, внешняя форма заголовка статута не влияет на смысловую сторону перевода и в любом случае позволяет судить об основном содержании закона. Отражение традиций формулирования заголовка британского / американского статута в переводе является актуальным в ситуации написания статей по сравнительному

правоведению, объектом исследования в которых выступает законодательная техника Великобритании / США. В этом случае в поле зрения исследователя находится лингвистический аспект, в связи с чем план выражения оказывается столь же важным, что и план содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Соловьев О.Г., Гешелин М.И. Технико-юридические особенности использования языковых средств в уголовном праве Англии (на примере экономических преступлений) // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 89–92. [Solov'ev, O. G., Geshelin, M. I. (2016). *Application of linguistic means of legislative technique in English criminal law in the sphere of economic activity*. *Legal Science*, 3, 89–92. (In Russ.)].

Электронный словарь ABBYY Lingvo x5. [Ehlektronnyj slovar' ABBYY Lingvo x5. (*Electronic Dictionary Lingvo x5*)].

Cao D. Translating Law. Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd., 2007.

УДК 81.34 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_34**

Е. А. Бурая

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета
e-mail: helen812@list.ru

НОВОЗЕЛАНДСКИЙ АКЦЕНТ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

В статье приводятся сведения о развитии английского языка на территории Новой Зеландии. Дается хронология развития отношения новозеландцев к своему варианту. Отмечается, что новозеландский вариант демонстрирует фонетическую однородность, однако приводятся примеры региональной вариативности. Стратификация общества в Новой Зеландии проявляется в существовании трех социолектов: новозеландского просторечья, общего новозеландского и культивированного. Новозеландцы воздерживаются от признания своего акцента моделью и продолжают придерживаться RP.

Ключевые слова: английский язык; новозеландский вариант английского языка; RP; американский вариант; региональная вариативность; социальная вариативность.

E. A. Buraya

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of English Phonetics, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University
e-mail: helen812@list.ru

NEW ZEALAND ENGLISH ACCENT IN SYNCHRONY AND DIACHRONY

The article provides information on transplanting the English language onto the territory of New Zealand (NZ). It describes how NZers' attitude towards their English has been changing over time. The article notes that NZ English displays phonetic uniformity. There is, however, tentative evidence of regional variation which signals the beginning of dialectal differentiation. Social stratification in NZ is displayed as a continuum of three sociolects: Broad, General and Cultivated NZ. NZers are still looking abroad for prestige models rather than to their own accent as RP continues to have considerable prestige.

Key words: the English language; New Zealand English; RP; the American variant of the English language; regional variation; social variation.

Культурно-исторические предпосылки возникновения новозеландской разновидности английского языка

Голландцы были первыми европейскими мореплавателями, которые в 1642 году достигли берегов Новой Зеландии. Они не высадились на берег, но нанесли координаты новой территории на карты, так что ее названием, Новая Зеландия, мы обязаны голландцам. Англичане впервые прибыли на новозеландские острова через сто с лишним лет, в 1769 году и сразу заявили о претензиях Британии на эту территорию. Там быстро стали возникать их поселения, поэтому можно сказать, что английский язык пустил корни в новозеландской земле в конце XVIII века. Большинство ранних переселенцев были выходцами из Британии [Warren 2012].

Начиная с 1830-х годов, английский стал языком колониальной администрации и большинства эмигрантов, которые начали быстро заселять Новую Зеландию. На рубеже XIX и XX веков на английском языке говорило большинство миссионеров, моряков, торговцев, обосновавшихся на этой территории, а также иммигрантов из других европейских государств: Дании, Германии, Норвегии [Bell, Kuiper 2000].

В наше время большинство лингвистов полагают, что новозеландский английский (НЗА) – это автономный национальный вариант (autonomous national variety), который возник и развился на территории Новой Зеландии за очень короткий промежуток времени, очевидно, между 1870 и 1890 годами [Gordon 2009; Marsden 2013]. Поэтому НЗА – самая молодая разновидность английского языка из тех, что составляют внутренний круг.

Эволюция восприятия новозеландской речи

Люди начали выражать свое отношение к английской речи в Новой Зеландии с конца XIX века. Тогда акцент, максимально приближенный к RP, и являлся в стране образцом для подражания. Одним из любопытных источников информации о том, как говорили в Новой Зеландии, были доклады школьных инспекторов. В начале XX века они неизменно указывали на недостатки в произношении детей. Среди наиболее серьезных дефектов называли нечеткое произношение дифтонгов, а также чрезмерную гнусавость. Очень грубой и широко распространенной ошибкой считалась централизация

гласного звука [ɪ]. В связи с этим в отчетах за 1900 год отмечалось, что учителя, которые произносят *systum* вместо *system* или *ut* вместо *it*, не должны таковыми работать [Woods 2000].

Мнение простых новозеландцев и путешественников находило отражение в журналах и газетах. В начале XX столетия в них регулярно появлялись критические статьи, в которых речь новозеландцев описывалась, как калечащая стандартный английский язык, мерзкая (vile), неразборчивая (muddy), неприятная (evil sounding), небрежная (slovenly), чудовищная (unspeakably bad), в которой используются отвратительные (wretched) согласные и искаженные (mangled) гласные [Gordon 2009]. Британский журналист отметил, что новозеландцы «звучат как овцы» [Hay at al. 2008].

Письма и заметки с отрицательными комментариями продолжают поступать и по сей день. Тем не менее даже в начале 1900-х годов стали говорить о самобытном характере новозеландского варианта, и постепенно отношение населения к своей речи стало меняться. В 40-х годах XX столетия в средствах массовой информации стали появляться статьи в защиту НЗА. Отмечалось, что у него есть свои идиомы и присущее ему произношение. Он столь же самостоятелен, как и тот, на котором говорят в Америке, Канаде или Австралии, и все попытки заставить население произносить по правилам Оксфордского словаря обречены на провал. Постепенно школьные учителя, настаивающие на британской норме, были заменены на членов новозеландской ассоциации по речевой коммуникации [Gordon, Abel 1990]. Хотелось бы отметить, что аналогичная ситуация сложилась в Австралии, где вплоть до середины XX века сами австралийцы полагали, что говорят на искаженном, грубом, уродливом английском. И только во второй половине XX столетия в общественном сознании нации сформировалось представление о своей речи как об отдельной разновидности английского языка [Бурая 2016].

Серьезное изучение английского языка в Новой Зеландии началось только в 1980-х годах. В 1986 году состоялась первая конференция по НЗА и был основан новозеландский лингвистический журнал «New Zealand English Newsletter», позднее переименованный в «New Zealand English Journal». Конференция наметила программу исследования варианта по нескольким направлениям. Изыскания, которые начались в конце XX столетия, базировались на убеждении лингвистов, что

новозеландский вариант – самостоятельная разновидность английского языка. В 1997 году появился первый словарь новозеландского английского – «Dictionary of New Zealand English» [Bell, Kuiper 2000].

Начиная с 1990-х годов в лингвистике отмечается повышенный интерес к новозеландскому варианту [Gordon 2009]. Этому немало способствовал выход фильма «Властелин колец», в котором были показаны живописные пейзажи Новой Зеландии и который расширил представление об этой стране во всем мире.

Фонетические маркеры

Система фонем НЗА включает те же сегменты, что и RP. Наблюдаемые различия имеют, главным образом, реализационный характер. В своем исследовании Е. Ю. Романова представила детальный обзор своеобразной артикуляции новозеландских гласных, которую можно считать индикатором новозеландского произношения на сегментном уровне [Романова 2020]. Тембровая окраска их гласных столь специфична, что, находясь в других англоязычных странах, жители Новой Зеландии испытывают трудности в общении. Так, новозеландский доктор, работавший в Австралии, был удивлен отрицательным ответом своей пациентки на вопрос, чувствует ли она себя лучше (*Are you feeling better?)* Но, к счастью, ответив отрицательно, женщина продолжила: *I am not feeling bitter* [Hay et al. 2008].

Е. Ю. Романовой были также описаны современные произносительные тенденции этого варианта. В области консонантизма, например, к таковым следует отнести слияние [ʍ] и [w], выпадение [h], вокализацию [l], аффрицирование [tr] и [dr], флэппированный вариант [t], продвинутую артикуляцию дентальных [θ] и [ð] [там же].

Эти процессы относятся к инновациям и в той или иной степени наблюдаются во всех англоязычных разновидностях. В Новой Зеландии, однако, эти тенденции развиваются быстрее, и они начались задолго до того, как лингвисты обратили на них внимание. Описанные изменения ассоциируются с социальным положением говорящих, а именно, представители более высоких классов стремятся их избегать [Hay et al. 2008].

К настоящему времени реализационные особенности сегментного уровня новозеландской разновидности описаны достаточно подробно, что нельзя сказать об остальных уровнях фонологической

системы: ударении, темпоральном компоненте, интонации. Сведения о них пока не систематизированы и имеют фрагментарный характер, многие основаны на слуховых впечатлениях. В основном данные об особенностях этих уровней сводятся к следующему: считается, что в случае британо-американских несоответствий на уровне лексического ударения новозеландцы предпочитают британский вариант. Тактосчитающий ритм, присущий английскому языку, постепенно сдвигается в сторону слогового под влиянием моросчитающего ритма языка маори, коренного населения Новой Зеландии [Marsden 2013]. Скорость чтения новозеландцев оказалась выше, чем американцев и дикторов BBC [Hay et al. 2008]. Мелодически речь новозеландцев признается как достаточно монотонная. Употребление высокого восходящего тона в повествовательных предложениях было впервые замечено в новозеландском варианте, откуда оно было позднее перенесено в другие англоязычные страны. Его частотность в новозеландском варианте зависит от возраста (двадцатилетние новозеландцы употребляют его в 4,5 раза чаще, чем семидесятилетние) и от гендера (женщины употребляют его чаще, чем мужчины) [Ainsworth 2004].

При исследовании процентного соотношения ядерных тонов в чтении новостей на RP и на НЗА оказалось, что новозеландские дикторы чаще употребляют восходяще-нисходящие и реже ровные тоны, чем британские дикторы [там же].

Региональная вариативность новозеландского произношения

Региональная вариативность языка в НЗА минимальна. Лингвисты объясняют это двумя причинами: 1) английский язык развивается на территории Новой Зеландии очень непродолжительное время (начиная с середины XIX века), в отличие от США и в особенности Великобритании, а для формирования диалектов необходимо более продолжительное время; 2) между районами страны всегда была хорошая связь [Hay et al. 2008].

Е. Шнейдер полагает, что формирование диалектов происходит тогда, когда начинает вырабатываться региональная идентичность. До сих пор общество в Новой Зеландии, полагает он, было озабочено

созданием коллективной национальной идентичности, но сейчас новозеландский вариант достиг такого уровня в своем развитии, когда уже созданы социокультурные предпосылки для его региональной диверсификации [Schneider 2007]. Это предположение подкрепляется наблюдениями, пока еще разрозненными и несистематизированными. Так, на уровне лексики отмечается, что в разных районах были заметны различия в вокабуляре. В области фонетики пишут о поствокальном [r], который распространен на юге. Обычно это связывают с шотландским влиянием, так как в этом районе проживает много выходцев из Шотландии. Последние исследования, однако, свидетельствуют, что поствокальный [r] также присутствует и в центральных районах северного острова, составляющего Новую Зеландию. В южных регионах часто можно услышать [æ] вместо [ɑː] в словах, типа *dance*, *bath.* Там также сохраняется различие между [w] и [ʍ] [Warren 2012].

Некоторые территориальные различия наблюдаются и в области интонации. В городских районах западной части северного острова отмечают более ровный мелодический контур, чем в сельских районах, где можно услышать достаточно изрезанную мелодику [Warren 2012].

Социальная вариативность новозеландского произношения

Лингвисты отмечают, что в Новой Зеландии отсутствует строгая стратификация населения на социальные классы, наподобие той, что существует в Великобритании. Здесь нет крупных землевладельцев, ассоциируемых с аристократией, также нет и бедных слоев рабочего класса. Новая Зеландия является страной с более эгалитарным обществом, чем большинство западных государств [Bell, Kuiper 2000].

В силу особенностей социального состава населения страны к нему вряд ли можно применить шкалу П. Традгила, выделявшего Middle Middle Class, Lower Middle Class, Upper Working Class, Middle Working Class, Lower Working Class [Trudgill 1974]. Всё же в Новой Зеландии наблюдается некая стратификация общества, которая, как и везде, отражается в речи, и это проявляется в существовании социолектов.

При описании социальной вариативности НЗА лингвисты, как правило, опираются на классификацию австралийского национального

варианта английского языка, предложенную А. Митчелом и А. Делбриджем [Mitchell, Delbridge 1964]. Они описывают его, как континуум, представленный тремя социолектами: австралийское просторечье (Broad Australian), общеавстралийский вариант (General Australian) и культивированный австралийский вариант (Cultivated Australian). Именно эта классификация применяется лингвистами для описания социальной вариативности новозеландской разновидности, то есть выделяют новозеландское просторечье (Broad New Zealand), общеновозеландский (General New Zealand) и культивированный (Cultivated New Zealand) социолекты. При этом культивированный вариант максимально приближен к RP, а просторечье максимально от него удалено. В настоящее время численность говорящих на общеновозеландском варианте постоянно увеличивается за счет тех, кто говорит на культивированном варианте и просторечье [Hay et al. 2008].

Различия между социолектами проявляется на уровне гласных, в основном дифтонгов и некоторых кратких монофтонгов в таких словах, как *face*, *price*, *goat mouth*, *trap*, *dress, kit* [Warren 2012].

Влияние американского акцента

В 1970-е годы в Новой Зеландии была только одна национальная телестанция и две радиостанции, на которых ведущим предписывалось придерживаться RP. Американский акцент в те годы можно было услышать только от иностранцев, и к нему относились настороженно. Первые контакты между Новой Зеландией и США были отмечены в 1860-х годах, когда там было обнаружено золото, и затем усилились во время Второй мировой войны, когда солдаты обеих стран вместе сражались в Тихом океане. После войны культурные связи с Америкой укреплялись фильмами, радио- и ТВ-передачами. В 1970-х годах в Новой Зеландии открылся второй телеканал, и влияние американских СМИ резко возросло. До этого времени объем американского контента в новозеландских СМИ составлял всего 5%, а в 1985 году он поднялся уже до 23%. В дальнейшем количество американских программ только возрастало. Прежде всего, влияние американского акцента отразилось на вокабуляре: новозеландцы всё чаще стали употреблять американские слова, например, *guy*, *stove*, *truck* вместо британских *fellow*, *cooker*, *lorry* [Bayard 2000; Hay et al. 2008].

Появление большего количества американских программ в медийном пространстве Новой Зеландии изменило отношение населения к американскому акценту. Д. Байард провел исследование по произношению четырех слов: *lieutenant*, *schedule*, *clerk*, *Z* (название буквы). Оказалось, что в течение одного десятилетия процент новозеландцев, употребляющих американский вариант, существенно увеличился [Bayard 2000].

Современное отношение новозеландцев к своей речи

Сейчас нет сомнения в том, что в Новой Зеландии говорят на новозеландском варианте английского языка, но отношение к этому факту всё еще расходится. Дискуссии о его особенностях и отличиях от RP продолжаются вот уже более 100 лет. Ситуация обострилась в 1970–1980-е годы, когда, как уже было отмечено, на новозеландском ТВ резко увеличилось количество американских программ, и безоговорочный ранее престиж RP постепенно стал сдавать позиции перед напором североамериканского акцента.

В 1980-е годы Д. Байард провел исследование по восприятию новозеландскими студентами разновидностей своего акцента (Cultivated-General-Broad New Zealand), а также других акцентов – RP, австралийского и американского. Участникам эксперимента было предложено оценить говорящих по 11 параметрам: 1) приятность акцента (pleasantness of accent), 2) надежность (reliability), 3) честолюбие (ambition), 4) чувство юмора (sense of humour), 5) способность к лидерству (leadership ability), 6) уровень дохода (likely annual income), 7) образование (educational level), 8) уверенность (self-confidence), 9) интеллект (intelligence), 10) способность расположить к себе (likeability), 11) приемлемость (acceptability) [Bayard 1990]. Аналогичные опросы проводились в Великобритании и в США [Бурая и др. 2018, Шевченко 2020].

Результаты исследования показали, что RP занимает лидирующее положение в таких позициях, как надежность, честолюбие, лидерство, уровень дохода, образование, уверенность. Американский акцент занимает второе место по большинству из этих параметров. В таких характеристиках, как приемлемость, чувство юмора, способность расположить к себе RP значительно проигрывает. Самые низкие

показатели по всем позициям получило новозеландское просторечье. Удивительными оказались результаты по восприятию культивированного социолекта: этот вариант занимает предпоследнее место по большинству показателей.

Через 10 лет автор повторил эксперимент [Bayard 2000]. Оказалось, что RP всё еще считается престижным вариантом, и его часто используют на ТВ для рекламы товаров высокого качества. Общеавстралийская разновидность также весьма благосклонно принята в новозеландском обществе. Американский акцент очень быстро завоевывает расположение молодых женщин среднего класса. Культивированный новозеландский вариант постепенно вытесняется из континуума социолектов.

Этот анализ показал, что новозеландцы всё еще воздерживаются от признания своего акцента в качестве престижной модели, и RP продолжает сохранять тот авторитет, который он имел всегда за время использования английского языка в Новой Зеландии. Вместе с тем необходимо признать, что быстро растет популярность американского варианта, который опережает RP и любой из новозеландских социолектов по некоторым позициям, а именно, способности расположить к себе и приемлемости. Очевидно, что в недалеком будущем американский акцент сравняется по популярности с RP, а может, и превзойдет его.

Трудно не согласиться с мнением лингвистов, что отношение новозеландцев к своей речи зависит от влияния ТВ и других СМИ. Дело в том, что большинство телепрограмм в стране не демонстрируют новозеландский акцент, в то время как доля американских программ постоянно растет. В 80–90-е годы около 45–50 % всех передач были американские, 25 % – британские и около 10 % – австралийские. Лишь 25–30 % программ представляли новозеландский акцент. Для сравнения: в Австралии, согласно закону, не менее 55 % всего медийного контента на государственных каналах должно быть местного производства. Для BBC эта доля составляет 90 % [Bayard 2000].

Выводы

Новозеландский вариант является относительно молодой разновидностью английского языка. Он возник и развился на территории Новой Зеландии за очень короткий промежуток времени, очевидно, между 1870 и 1890-ми годами.

В начале XX века и много позднее престижным вариантом бесспорно считался RP, и серьезные отклонения от него были недопустимы. Сейчас ситуация изменилась, и в настоящее время нет сомнения в том, что в Новой Зеландии говорят на автономном национальном варианте, имеющем целый ряд специфических фонетических отличий. К таковым, прежде всего, относят своеобразную артикуляцию гласных. Остальные уровни фонологической системы изучены мало, но можно отметить менее акцентный, чем для RP, характер ритма, монотонную мелодику и относительно частотное употребление восходящее-нисходящего тона.

НЗА не демонстрирует диалектической однородности. Одна из причин – недостаточный промежуток времени его существования. Однако отмечается, что в стране уже созрели предпосылки для его региональной дифференциации.

Многие новозеландцы предпочитают думать, что живут в обществе, лишенном классовых различий, однако в стране наблюдается некая стратификация общества, которая отражается в речи. При описании социальной вариативности НЗА лингвисты выделяют три социолекта: новозеландское просторечье (Broad New Zealand), общеновозеландский (General New Zealand) и культивированный новозеландский (Cultivated New Zealand).

За последние два-три десятилетия на новозеландском телевидении резко увеличилось количество программ американского ТВ, что привело к популяризации американского варианта английского языка. Эксперименты показали, что, хотя RP продолжает сохранять тот авторитет, который он имел всегда, его престиж постепенно сдает позиции в пользу американского акцента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бурая Е. А. Словесное ударение австралийского варианта английского языка в мультикультурном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. Вып. 1 (740). Фонетическая полифония звучащей речи. С. 19–34. [Buraya, E. A. (2016). Australian English words-stress in a multicultural society. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. 1*(740), 19–34. URL: www.vestnik-mslu.ru/vest16-740z (retrieved on 1 August 2020). (In Russ.)].

Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс. 5-е изд., испр. М.: Издательский центр

«Академия», 2018. [Buraya, E. A., Galochkina, I. E., Shevchenko, T. I. (2018). Fonetika sovremennogo angliyskogo yazyka. Teoreticheskiy kurs. 5-e izd., ispr. (*Phonetics of Modern English. A theoretical course. 5th ed., rev.*). Moscow: Izdatelskiy tsentr «Akademiya». (In Russ.)].

Романова Е. Ю. Фонетика новозеландского английского: история развития и современные тенденции в произношении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1 (830). С. 164–177. [Romanova, E.Yu. (2020). Phonetics of New Zealand English: historical background and modern tendencies in pronunciation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1*(830), 164–177). URL: www.vestnik-mslu.ru/vest20-830z (retrieved on 1 August 2020). (In Russ.)].

Шевченко Т. И. Теоретическая фонетика английского языка. 3-е изд., стереотип. М.: Юрайт, 2020. [Shevchenko, T. I. (2020). Teoreticheskaya fonetika angliyskogo yazyka. *(Theoretical Phonetics of the English Language. 3rd ed., stereotyped*). Moscow: Yurayt. (In Russ.)].

Ainsworth H. Regional variation in New Zealand English: the Taranaki sing-song accent. Unpublished PhD thesis. Victoria University of Wellington, 2004. URL: Researchgate.net>…variation…Taranaki_sing…accent (retrieved 15 June 2020).

Bayard D. ‘God help us if we sound like this’: attitudes to New Zealand and other English accents // New Zealand ways of speaking English / Bell, A., Holmes, J. (eds.). Bristol: Multitudinal Matters. 1990. P. 67–96.

Bayard D. The cultural cringe revisited: changes through time in Kiwi attitudes towards accents // New Zealand English / Bell A., Kuiper K. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. P. 297–324.

Bell A, Kuiper K. New Zealand and New Zealand English // New Zealand English / Bell A., Kuiper K. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. P. 11–22.

Gordon E. The New Zealand accent: a clue to New Zealand identity? // New Zealand English Journal. 2009. Vol. 23. P. 40–54.

Gordon E., Abel M. This objectionable colonial dialect: historical and temporary attitudes to New Zealand speech // New Zealand ways of speaking English / Bell A., Holmes J. (eds.). Bristol: Multitudinal Matters. 1990. P. 21–48.

Hay J., Maclagan M., Gordon E. New Zealand English. Edinburg: Edinburg University Press, 2008.

Marsden Sh. Phonological variation and the construction of regional identities in New Zealand English. Unpublished PhD thesis. Victoria University of Wellington, 2013. URL: https://www.semanticscholar.org> (retrieved 20 July 2020).

Mitchel A.G., Delbridge A. The speech of Australian adolescents. Sydney: Angus and Robertson, 1965.

Shhneider E. Postcolonial English: varieties around the world. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Trudgill P. The social differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

Warren P. Origins and development of New Zealand English // International Journal of Language, Translation and Intellectual Communication. 2012. Vol. 1. P. 87–102.

Woods N. J. New Zealand English across the generations: an analysis of selected vowel and consonant variables // New Zealand English / Bell A., Kuiper K. (eds.). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. P. 84–110.

УДК 81.139 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_46**

Е. С. Вареник

аспирантка кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

katushka063@mail.ru

ФОКУСНЫЕ ЖЕСТЫ В УСТНОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ И ОПИСАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ[1]

В статье исследуются фокусные жесты в устном нарративном и дескриптивном типах дискурса. Для проверки гипотезы был проведен анализ, который включал сравнение двух корпусов видеозаписей на русском языке с повествованиями и описаниями, собранными в ходе экспериментов. Результаты проведенного анализа показали, что чувствительное к типу дискурса смещение фокуса в репрезентативных жестах позволяет рассматривать данный тип жестов в качестве невербального дискурсивного маркера.

Ключевые слова: жестовая функция; фокусные жесты; мультимодальность; нарративный дискурс; дескриптивный дискурс.

E. S. Varenik

Post-graduate student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University;

katushka063@mail.ru

FOCAL GESTURES IN SPOKEN DESCRIPTIVE AND NARRATIVE DISCOURSE

The article is devoted to the studying of focal gestures functioning in the oral narrative and descriptive types of discourse and to the comparative analysis of two video corpora established in the course of experiments. The results of the analysis showed that the shift of focus in representative gestures, which is sensitive to discourse types, allows us to consider this type of gestures as a non-verbal discursive marker. Therefore it is possible to consider gestures as an important nonverbal indicator of a discursive type.

Key words: gesture function; focal gestures; multimodality; narrative discourse; descriptive discourse.

---

[1] Исследование выполнено в МГЛУ в рамках государственного задания Минобрнауки России (№ 0703-2020-0021; тема НИР АААА-А20-120071690041-3).

CC BY

Вступление

В то время как распределение внимания является одной из ключевых тем в лингвистике, психологии и когнитивных науках в целом, нельзя не заметить недостаточную изученность фокусирования как полимодального феномена, в котором участвуют жесты и речь. Этот «дисбаланс» в изучении фокуса можно объяснить тем, что жесты являются одной из составляющих устной коммуникации, которая начала изучаться сравнительно недавно. Тем не менее мы полагаем, что в условиях современного изучения устного общения, когда нам доступны различные средства фиксации данных разного рода, жестовая сторона коммуникации должна изучаться наряду с вербальными единицами речи.

Настоящее исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики и представляет собой полимодальное исследование процесса фокусирования, достигаемого через соотнесение фокусных жестов с фокусными элементами речи. Другими словами, мы изучаем жесты, которые помогают выдвинуть на первый план некоторую важную информацию, выраженную вербально.

Что такое фокус в речи

Вопрос о фокусировании в речи впервые возник в процессе изучения особенностей физиологии человека. Наше внимание избирательно. Как никто не может одновременно сосредоточиться на всех объектах окружающей среды и вынужден смотреть на них один за другим, так говорящие не могут одновременно выделить все языковые элементы, которые они используют в своей речи. В процессе производства фрагмента дискурса говорящий акцентирует важную информацию и, наоборот, опускает незначительные факты посредством использования целого ряда лингвистических стратегий, исходя из контекста ситуации общения и нередко прибегая к средствам, принадлежащим разным модальностям. Фокус и фон можно рассматривать как «парные продукты» фокусировки в речи, поскольку «фокусирование всегда сопровождается дефокусированием» [Ирисханова 2014, с. 60].

Далее необходимо было решить, какую информацию считать фокусной. Стоит сказать, что данный вопрос рассматривался с точки зрения теорий актуального членения предложения и в рамках вопроса

о структуре информации. Многие ученые предлагали свои теории в попытке найти универсальный режим распределения старой и новой информации. Мы знаем такие контрастные термины, как тема – рема [Mathesius 1929; Halliday 1967], фигура – фон [Talmy 1975], фокус – пресуппозиция [Chomsky 1971], старое / данное – новое, уже активированное – вновь активированное [Chafe 1976] и т. д. Однако, хотя упомянутые подходы и обнаруживают ряд отличий, все они выражают идею информационной дихотомии, прослеживаемой в любом предложении.

В своей работе О. Н. Прокофьева вводит некоторые принципы разграничения фокуса – фона в устном дискурсе [Прокофьева 2018]:

– принцип остатка (если мы можем различить фокус, мы можем различить фон и наоборот);
– принцип новизны (фокусное высказывание содержит новую, не упоминавшуюся ранее информацию);
– фонологический принцип (новая информация фонологически выделяется).

Итак, мы рассматриваем высказывание как носителя фокусной информации, если оно 1) противопоставлено фоновой информации; 2) содержит новую, не упоминавшуюся ранее информацию; 3) акцентировано голосом, содержит фразовое ударение или фонологически маркировано каким-либо другим способом.

Что такое коррелирующий с речью жест

Наше исследование посвящено фокусным жестам в устном нарративном и описательном дискурсе. Речь и жест рассматриваются как взаимно дополняющие друг друга элементы в процессе распределения фокуса. Как известно, речь и сопровождающие ее жесты рассматриваются как модусы общения. Они кажутся независимыми друг от друга, но в реальной коммуникации речь никогда не изолирована от других модусов и всегда находится в определенном полимодальном контексте. Таким образом, если речь сопровождается жестами, то следует изучать всю полимодальную ситуацию общения в целом, а не отдельные ее элементы [Cienki 2010].

Термин «жест, сопровождающий речь» был предложен Ф. Мариккиоло. Ученый указывает, что «такой жест – это использование рук и

движений рук в качестве средства повышения качества общения путем содействия семантическому пониманию речи»[1] [Maricchiolo et al. 2014, с. 1461]. Жест с речью помогает выделить определенный аспект объекта или «создать различную иллюзию реальности запомнившегося объекта, ... показать различную форму видения и осмысления реального [объекта]» [Müller 2014, с. 1691]; «...один жест передает лишь некоторые аспекты объекта, подлежащие выражению» [Lis 2013, с. 1]. Основные аспекты речи определяют конечную форму жеста.

Таким образом, жесты с речью являются осмысленными и в большинстве случаев спонтанными движениями рук, связанными с вербальными высказываниями, с которыми они синхронизируются во времени и по смыслу. В силу специфики своей природы вербальные и невербальные модусы могут сосуществовать, объединяться и коррелировать, образуя семиотический комплекс или комбинацию. В то же время жесты с речью имеют важное значение в процессе фокусирования. Во-первых, они согласуются с речью, главным образом, через просодию и ритм, что помогает интонационно выделить главную информацию. Во-вторых, сами жестовые единицы могут способствовать выделению важной информации, поскольку основная функция сопровождающего речь жеста заключается в акцентировании и выдвижении на передний план тех или иных аспектов референта.

Что такое фокусный жест

Как было сказано выше, многие исследователи утверждают, что сопровождающие речь жесты помогают выдвигать на первый план важную информацию и акцентировать невербально фокусы вербальных компонентов речи.

Следуя К. Мюллер и С. Тэгу [Müller, Tag 2010], мы считаем, что процесс фокусирования происходит не только на вербальном, но и на невербальном, в частности, жестовом уровне. По мнению ученых, есть три параметра, которые необходимо учитывать при принятии решения о том, является ли жест фокусным или нет:

1) амплитуда жеста (достаточное использование периферийного пространства, согласно модели Д. Макнила [McNeil 1992]);

[1] Зд. и далее перевод наш. – *Е. В.*

2) производство жеста в поле зрения говорящего;
3) соотношение жеста с вербально маркированными элементами речи (т. е. отмеченными использованием просодического ударения или использованием ключевых слов для данной темы).

Исходя из этих параметров, мы утверждаем, что фокусирование – это двусторонний процесс, происходящий в коммуникативном сознании говорящего и слушающего. «Фокусирование является интерактивным процессом в том смысле, что в его порождении и восприятии участвуют все участники коммуникации» [Müller, Tag 2010, с. 4]. Лингвисты также отмечают, что уровень фокализации в жестах поддается измерению. Таким образом, жесты могут быть более или менее фокусными.

Похожее представление о процессе фокусирования в жестах имеют А. Ченки и И. Миттельберг, которые в своей статье «Творчество в формах и функциях спонтанных жестов с речью» называют фокусные жесты творческими. По их мнению, они имеют двойственную природу: с одной стороны, они используются для определенной цели, например, для изображения референта. С другой стороны, это жесты, которые требуют больших усилий, и как таковые, они требуют большего участия говорящего в их производстве [Cienki, Mittelberg 2013].

Мы связываем фокусные жесты с жестами переднего плана [Müller, Tag 2010] и с творческими жестами [Cienki, Mittelberg 2013]. После пересмотра параметров для различения этих типов жестов мы сформировали общий список критериев, которые использовали при отнесении жеста к категории фокусных:

– жест реализуется в результате хорошо заметного движения руки;
– жест выполняется в фокусном пространстве внимания;
– жест обращает на себя внимание собеседника;
– жест сопровождается фокусными элементами словесного высказывания.

Если конкретный жест удовлетворял хотя бы одному из этих параметров, он классифицировался как фокусный.

Материалы и методы

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о дискурсивном характере фокусных жестов. Чтобы проверить достоверность этого предположения, мы сравнили данные, полученные в ходе

сравнительного анализа устного повествовательного и описательного типа дискурса. Эксперименты по исследованию данных дискурсивных типов были проведены в лаборатории «Полимод» Центра социокогнитивных исследований дискурса СКоДис Московского государственного лингвистического университета.

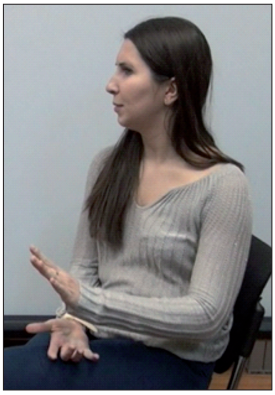
Мы проанализировали 71,14 минуты из каждого видеокорпуса и подсчитали количество жестов, сопровождающих речь. Общее количество жестов из нарративного и описательного корпусов составило 1 017 и 1 020 соответственно.

Все жесты были собраны в группы в соответствии с их функциями. Следует заметить, что иногда довольно сложно объяснить, почему человек делает тот или иной жест. Как показывает обзор работ на данную тему, существующие классификации частично или полностью совпадают, хотя термины и определения могут различаться [Cienki 2010; Kendon 2004; Прокофьева 2018]. Некоторые классификации более детализированы, другие, как правило, носят более общий характер, что упрощает всю систему. Кроме того, исследователи часто делают акцент на различных характеристиках жестов. Поскольку никакая классификация не могла полностью отразить наш взгляд на функции жестов, мы решили предложить свою собственную типологию.

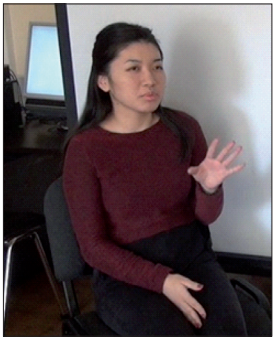
В качестве основы для нашей классификации мы использовали типологию жестов, предложенную А. Ченки в его работе «Грамматика, речь, жест и познание» [Cienki 2013]. Исследователь выделяет три категории жестов: референциальные, прагматические и структурирующие дискурс. Однако не все примеры жестов, полученные в ходе анализа данных, попадали под данные категории. Следовательно, мы решили изменить данную классификацию, уточнив и разграничив некоторые функциональные группы:

1) прагматические:
   а) обращены к собеседнику;
   б) помогают выразить эмоции и чувства говорящего;
   в) помогают выразить отношение говорящего к тому, о чем он(а) говорит.

Например, на иллюстрации 1 говорящий не уверен в том, что описываемая картина принадлежит сюрреалистическому направлению, и совершает колебательный жест как будто говорящий «что-то вроде этого»:



Ил. 1.
– В стиле сюрреализм



Ил. 2. – Что-то… напоминает… море

2) формулирующие дискурс:
   а) помогают подбирать нужные слова;
   б) помогают формулировать мысли.

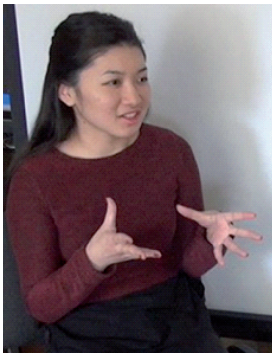
Например, на иллюстрации 2 изображена девушка, которая долго подбирает слово, чтобы точнее описать увиденное на картине и совершает повторяющиеся движения рукой, как бы помогающие ей говорить. Наконец, она сравнивает изображение с морем:

3) структурирующие дискурс:
   а) используются для перечисления объектов;
   б) для противопоставления объектов друг другу.

На иллюстрации 3 мы видим девушку, которая начинает свой рассказ об отдыхе. Она собирается описать несколько его значимых аспектов и выделяет слова, вводящие новую мысль, жестами:

– репрезентирующие:
   а) вещественные характеристики: форма, размер, объем, вес в буквальном и метафорическом значении;

Ил. 3. – Прежде всего мне понравилось…



Ил. 4. – Какой-то монстр

б) процессуальные характеристики: событие, действие, манипуляция, траектория движения;
в) пространственное расположение: как отношение компонентов картины друг к другу или в пространстве реального мира;
г) жесты-эмблемы

Иллюстрация 4 демонстрирует, как девушка иллюстрирует своими руками изображение на картине. Она как будто держит в руках существо, изображенное на картине.

Данные, полученные в результате сравнения видеокорпусов, были обработаны с помощью количественного (коэффициент корреляции Пирсона) и качественного (классификация жестов; семантический анализ языковых выражений; полимодальный анализ соотнесенности семантики вербального и жестового компонентов; сопоставительный анализ употребления жестов в двух типах дискурса) анализа.

Результат подсчета коэффициента корреляции подтвердил статистически значимое распределение функциональных типов фокусных жестов в двух типах дискурса.

Однако качественный анализ результатов лишь частично подтвердил гипотезу (см. табл. 1):

Таблица 1

Распределение фокусных жестов в устном повествовательном и описательном типах дискурса

	Описательный дискурс	Повествовательный дискурс
Прагматические жесты	228	339
Жесты, помогающие формировать дискурс	43	49
Жесты, помогающие структурировать дискурс	402	323
Жесты, репрезентирующие именные конструкции	292	184
Жесты, репрезентирующие глагольные конструкции	55	122

Исходя из данных, приведенных в таблице, можно сделать вывод о том, что фокусные прагматические жесты в описательном типе дискурса встречаются значительно реже, чем в повествовательном. Однако данное различие мы связываем не с различием в типах дискурса, а с коммуникативной ситуацией. В эксперименте, посвященном нарративному типу дискурса, собеседники были однокурсниками и хорошо знали друг друга. Напротив, в эксперименте, посвященном описательному типу дискурса, участники говорили с ассистентом, которого видели в первый раз, поэтому они были более сдержанны в невербальном общении. Фокусные дискурс-формулирующие жесты были использованы почти одинаково в обоих корпусах. Количество фокусных дискурс-структурирующих жестов в дескриптивном корпусе незначительно превышает таковое в нарративном корпусе. Что касается фокусных репрезентативных жестов, то они подтвердили нашу гипотезу о дискурсивном характере жестов. В нарративном типе дискурса фокусные репрезентативные жесты чаще сочетались с глагольными фразами, а в описательном дискурсе такие жесты чаще иллюстрировали существительные и именные словосочетания.

Заключение

Результаты проведенного анализа подтвердили, что репрезентативные жесты можно рассматривать в качестве маркеров дискурсивного типа. В нарративном типе дискурса преобладают глагольные части речи, которые сосуществуют с фокусными жестами (122 примера по сравнению с 55 примерами в описательном дискурсе), в то время как в описательном корпусе эти жесты сопровождают именные части речи значительно чаще (292 примера по сравнению с 184 примерами в повествовательном дискурсе). Однако следует отметить, что в обоих корпусах репрезентативные жесты, используемые с именными фразами (292 и 184 примера), встречаются чаще, чем репрезентативные жесты, используемые с глагольными фразами (55 и 122 примера). Это можно объяснить таким дискурсивным феноменом, как овеществление через жесты (показ абстрактных понятий как объектов, которые можно держать или изображать [Ирисханова 2015], своеобразной онтологической метафорой в жесте – показ абстрактного как конкретного [Cienki 2008]), а также неформальным регистром разговорного

дискурса, содержащим большое количество глаголов-связок и мало смысловых глаголов, которые обычно сопровождаются жестами, их репрезентирующими.

В целом данное исследование выявило некоторые особенности функционирования фокусных репрезентативных жестов в устном нарративном и дескриптивном типах дискурса, что устанавливает определенную взаимозависимость между двумя модусами – вербальным (типы дискурса) и невербальным (жесты). Для анализа дальнейших сдвигов фокуса и корреляции между особенностями дискурса и использованием жестов следует учитывать большее число языков и типов дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Iriskhanova, O. K. (2014). Focus games in language: semantics, syntax, and pragmatics of defocusing. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Ирисханова О. К. Реификация как свойство познания и коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2015. № 23. С. 216–226. [Iriskhanova, O. K. (2015). Reification as a property of cognition and communication. *Kognitivnye issledovaniya yazyka, 23*, 216–226. (In Russ.)].

Прокофьева О. Н. Специфика языковой и жестовой передачи зрительного восприятия (описательный дискурс) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 257–267. [Prokofyeva, O. N. (2018). Visual, Verbal, and Gestural Focusing in Russian Descriptive Discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 18*(816), 257–267. (In Russ.)].

Chafe W. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View // Subject and Topic. New York: Academic Press, 1976. Pp. 25–55.

Chomsky N. Deep Structure, Surface Structure, and Semantic Representation. *Semantics*. Eds. Steinberg D. D., Jakobovitz L. A. Cambridge: CUP, 1971. Pp. 193–217).

Cienki A., Mittelberg I. Creativity in the forms and functions of spontaneous gesture with speech // The agile mind: A multi-disciplinary study of a multi-faceted phenomenon / T. Veale, K. Feyaerts, & C. Forceville (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 231–252.

Halliday M. Notes on Transitivity and Theme in English. Part 1 and 2 // Journal of Linguistics 3. 1967. Pp. 37–81; 199–244.

Lis M. Gestural Representation in the Domain of Animates' Physical Appearance // Proceedings of the Tilburg Gesture Research Meeting. Tilbur, the Netherlands, 2013.

Maricchiolo C., Milella P. P., Pini A., Sessa M. Co-speech Gestures: Structures and Functions // Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / Müller, C., Cienki, A., Frickle, E., Ladewig, S., McNeill, D., Bressem, J. (Eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Vol. 2. Pp. 1461–1473.

Mathesius V. Zur Satzperspektive im modernen Englisch. Archiv für das Studium der modernen Sprachen und Literaturen 155. 1992. Pp. 200–210.

McNeill D. Hand and mind: What gestures reveal about thought. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Müller C. Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction // Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / Müller, C., Cienki, A., Frickle, E., Ladewig, S., McNeill, D., Bressem, J. (Eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. Vol. 2. Pp. 1687–1701.

Müller C., Tag, S. The Dynamics of Metaphor: Foregrounding and Activating Metaphoricity in Conversational Interaction. Cognitive Semiotics. 2010. Vol. 10 (6). Pp. 85–120.

Talmy L. Figure and Ground in Complex Sentences. Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1975. Pp. 419–430.

УДК 81.34 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_57**

А. В. Горбылева, Т. И. Шевченко

Горбылева А. В., аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета, старший преподаватель Дипломатической академии МИД РФ
nastyagorbyleva@gmail.com

Шевченко Т. И., доктор филологических наук, профессор;
профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета
e-mail: tatashevchenko@mail.ru

СМЕНА РЕПЛИК В ДРУЖЕСКОЙ БЕСЕДЕ: ПЕРЕСМАТРИВАЯ АМЕРИКАНСКИЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Исследование посвящено типам смены реплик, особое внимание уделяется гендерным стереотипам. На материале дружеских бесед жителей США установлено: в каждой диаде лидер занимает большую часть совокупного времени; оба гендера могут доминировать; в смешанных диадах женщины доминируют по времени говорения; более частотны плавные смены реплик. Гендерные различия: женщины больше говорят, а мужчины активнее перебивают партнера. Данные свидетельствуют о регулировании длительности совместного говорения собеседников.

Ключевые слова: американский вариант английского языка; смена реплик; гендерные стереотипы; длительность; координация.

A. V. Gorbyleva, T. I. Shevchenko

Gorbyleva A. V., Postgraduate Student, Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University; Senior Lecturer, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

nastyagorbyleva@gmail.com

Shevchenko T. I., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

tatashevchenko@mail.ru

TURN-TAKING IN A FRIENDLY CONVERSATION: AMERICAN GENDER STEREOTYPES REVISITED

The study is concerned with turn-taking modes, with special reference to gender stereotypes. Based on friendly talks of twelve American speakers the results are

CC BY

as following: a leader in each dyad takes up to two thirds of the speaking time; both genders are favored; a woman could be the dominant speaker in a mixed dyad. Smooth modes of turn-taking prevail over interruptions. Gender differences: women talk for a longer time while men are more active in interrupting the partner. The data also demonstrated online temporal coordination between the interlocutors within each dyad.

Key words: American English; turn-taking; gender stereotypes; duration; coordination.

Введение

Гендерные особенности социального взаимодействия интересовали американских лингвистов, включая фонетистов, начиная с конца 80-х годов прошлого столетия. Рассматривались такие аспекты, как речевая стратегия в публичных выступлениях и в межличностном диалоге, способность быть лидером, контролировать ситуацию, что проявлялось в агрессивном поведении, настойчивости в выражении своего мнения, доминировании в разговоре и стремлении перебить собеседника [Zimmerman, West 1983]. Эти качества приписывались мужчинам, в то время как женское речевое поведение характеризовалось проявлением сотрудничества, выражением дружеского расположения и эмпатией. Сохранение таких стереотипов иллюстрировали фактами из жизни детей школьного возраста и взрослых [Swann 1988]. И даже появление таких женщин-политиков, как Кондолиза Райс и Хилари Клинтон, а также целого ряда женщин-ведущих американских телепередач, избравших агрессивный стиль поведения, не поколебало эти выводы.

Фонетически, проявлением доминирования в разговоре считается совокупное время реплик одного человека, значительно превышающее время говорения собеседника. Важным способом смены реплик, отражающим агрессивное поведение человека, служит перебив, т. е. прерывание реплики собеседника. При этом спорным оказывается поведение женщин, которые в качестве сигнала обратной связи повторяют за собеседником конец фразы или самостоятельно договаривают конец фразы за партнера [James, Drakich 1993; Namy et al. 2002]. Что означает данная манера речевого поведения? Многое в ее интерпретации зависит от позиции собеседника, взаимопонимания партнеров и конечного итога такого поведения: реплика партнера продолжается либо прерывается. Согласованное взаимодействие партнеров

в дружеской беседе может показать, как часто и с каким эффектом реально происходит передача слова собеседнику, т. е. смена реплик.

С точки зрения плавности таких переходов при полной согласованности действий двух партнеров в разговоре, на наш взгляд, самым успешным можно считать смену реплик без длительных пауз и перебивов, когда второй собеседник вступает сразу после завершения реплики первого говорящего. При этом, как известно, сигналами готовности отдать это право являются замедление темпа, падение высотно-мелодического уровня и громкости, чему может сопутствовать ряд паралингвистических визуально воспринимаемых сигналов [Wennerstrom, Siegel 2003]. Это правило не выполняется при запросе информации, который, напротив, характеризуется повышением высотно-мелодического уровня как всего предложения, так и его завершения.

Вторым типом смены реплик следует считать присутствие паузы, необходимой собеседнику для переработки информации и обдумывания ответной реплики [Wilson, Zimmerman 1986].

И, наконец, третьим способом будет упомянутый выше перебив, когда слушающий не может сдержать свое желание высказаться. Можем ли мы считать такую смену реплик признаком рассогласованности действия партнеров или, напротив, признаком большой вовлеченности в разговор при обсуждении взаимно интересующей темы? Мы обращаемся к материалу спонтанных диалогов, выполненных знакомыми, дружески настроенными друг к другу собеседниками, чтобы ответить на этот вопрос.

Методология

Материал исследования

Материалом исследования послужили диалоги Корпуса разговорной американской речи университета Санты-Барбары (Santa Barbara Corpus of Spoken American Speech) [Du Bois et al. 2000], состоящего из 60 записей спонтанной естественной речи. В подавляющем большинстве случаев представлено непосредственное общение двух собеседников. Корпус содержит дополнительную информацию о социальных факторах собеседников, таких как гендер, возраст, штат происхождения, уровень образования, профессия, этническая

и расовая принадлежность (белый, черный, чикано, индейское племя кроу, латиноамериканцы). В целях сохранения анонимности собеседников, личные имена и любая другая информация, потенциально способная привести к идентификации личности, были изменены.

В целях нормализации по гендеру и возрасту говорящих, для нашего исследования были отобраны шесть записей диалогов, общей длительностью около 2 часов. Выбранные пары собеседников включают три комбинации по гендеру (мужчина – мужчина, женщина – женщина, мужчина – женщина) и имеют схожий уровень образования, аннотированный как «B.A.», или «college» (в российской системе соответствует степени бакалавра). Все говорящие являются носителями американского варианта английского языка, географически происходят из разных регионов США: западное побережье (Калифорния), Северо-Восток (Монтана) и восточное побережье (Массачусетс). Диалоги, включенные в узкий корпус, были записаны в ходе свободной дружеской беседы людей, знакомых друг с другом или имеющих родственные связи и заинтересованных в теме беседы.

Параметры акустического и статистического анализов

С целью определения лидера в паре собеседников и установления характера смены реплик в дружеской беседе, диалоги были проанализированы с помощью компьютерной программы PRAAT [Boersma, Weenink 2018]. Измерения включают следующие параметры:

- *длительность реплик* – длительность времени говорения между сменами реплик собеседников;
- *общая длительность реплик* – совокупное время, затраченное собеседником на говорение в течение всей беседы;
- *длительность паузы* – время между репликами двух собеседников. Внутренние паузы (в пределах реплики одного собеседника) не учитывались в данном исследовании. Внешние паузы (между репликами двух собеседников) были классифицированы на две группы: краткие, или неслышимые, паузы (менее 200 мс) и средние, или долгие, паузы (более 200 мс);
- *длительность наложения реплик* – длительность одновременного говорения двух собеседников, включая сигналы обратной связи, при котором один партнер предвосхищает завершение

реплики другого, но не мешает ему закончить высказывание [Шевченко 2016, с. 209];

- *длительность перебивов* – длительность одновременного говорения двух собеседников, при котором один партнер предвосхищает завершение реплики другого и не позволяет ему завершить реплику;
- *длительность совместного говорения* – время одновременного говорения двух собеседников, включая наложения реплик и перебивы;
- *количество наложений реплик и перебивов* – число, отображающее сколько раз собеседник говорил одновременно со своим партнером, включая положительный (наложение реплик) и негативный (перебив) результат.

Общая длительность звучания узкого корпуса составляет 6 918,8 секунд (около двух часов), в течение которых было зарегистрировано 939 случаев смены реплик.

С целью определения статистически значимых различий в шести диалогах и двух гендерных группах, результаты исследования подверглись однофакторному дисперсионному анализу (ANOVA) [Woods et al. 1986]. Статистическая обработка данных произведена с помощью компьютерной программы «Jamovi» [The jamovi project 2020].

Результаты

Далее рассмотрим результаты, полученные при изучении темпоральных характеристик речи в диалогах.

1. *Доминирующий собеседник*

Сравнивая параметры шести диалогов, мы обнаружили, что в пяти случаях из шести в беседе выделяется доминирующий говорящий, который говорит вдвое дольше своего собеседника. Как показывают результаты, лидерство характерно для любой пары говорящих, независимо от гендера, т. е. лидером может выступать как мужчина, так и женщина. Однако одним из неожиданных открытий исследования стал тот факт, что в обеих смешанных парах по времени говорения лидируют женщины. В целом из двух часов общего звучания шести диалогов, женщины заняли 72 мин, а мужчины – 52 мин.

2. *Способы смены реплик*

В ходе слухового и электронно-акустического анализов отобранных диалогов мы идентифицировали три типа смены реплик: краткие, или неслышимые, паузы (менее 200 мс), средние, или длительные, паузы (более 200 мс) и перебивы, которые являются следствием наложения реплик. Важно отметить, что при личной беседе смены реплик сопровождаются также паралингвистическими визуальными сигналами. В качестве примера были проанализированы три диалога, в которых представлены все сочетания пар по гендеру (мужчина – мужчина, женщина – женщина, мужчина – женщина). Из 392 смен реплик 96 случаев проходит беспаузально (24,5 %) – паузы отсутствуют или это сверхкраткие паузы (от 0 до 200 мс) и 218 с паузами средней и большой длительности (55,6 % – паузы более 200 мс). Оставшиеся 78 смен реплик (19,9 %) происходят в результате перебива собеседника (см. рис. 1).

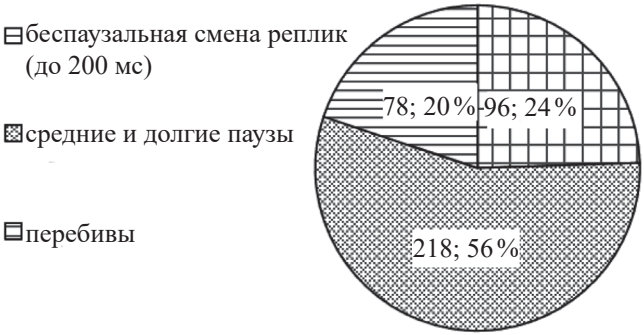


Рис. 1. Типы смены реплик

3. *Координация онлайн*

Известно, что в хорошо скоординированном диалоге и при высоком уровне взаимопонимания собеседников переходы от реплики одного участника к реплике другого происходят плавно, исключены затянувшиеся паузы и перебивы, которые являются признаками слабо скоординированных диалогов [Nenkova et al. 2008]. В нашем материале проявилась такая функция перебивов, как регуляция длительности реплик: большая часть перебивов была инициирована собеседником, доля которого в общем времени звучания диалогов – наименьшая.

Еще один параметр, подвергшийся координации, это время одновременного говорения собеседников, которое завершается перебивом, когда второй партнер вступает, не давая завершить реплику первому говорящему. Как уже отмечалось, наложение реплик может иметь два исхода: положительный (первый говорящий продолжает свою реплику) или негативный (переход реплики к другому говорящему). По результатам дисперсионного анализа ANOVA оказалось, что средняя длительность перебива статистически значительно отличается в шести диалогах ($p < 0.001$), т. е. время, затраченное на совместное говорение перед перебивом, значительно отличается от пары к паре. Однако в пределах одной беседы партнеры скоординировали временной лимит совместного говорения, который служит сигналом передачи реплики собеседнику. В разговоре двух друзей или родственников средние показатели длительности перебивов максимально близки, среднее отклонение составляет 10,7 %.

4. *Гендерные предпочтения*

Параметр длительности перебивов также показал статистически значимые различия по гендерному аспекту. В результате исследования было установлено, что мужчины намного чаще вступают в разговор параллельно с собеседником, не позволяя ему закончить высказывание: из 139 случаев перебивов 96 были совершены мужчинами и лишь 43 – женщинами. Более того, оказалось, что мужчины готовы дольше терпеть параллельное говорение со стороны своего партнера, прежде чем оно завершится перебивом, т. е. мужчины более неохотно уступают право перехода реплики (см. рис. 2).

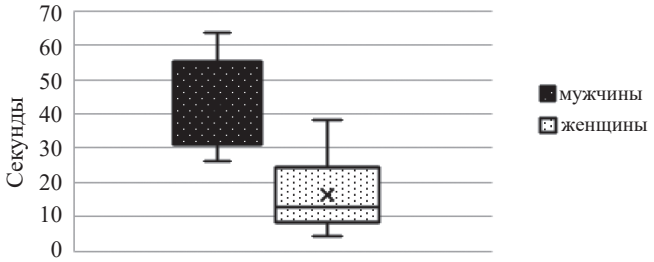


Рис. 2. Средняя длительность наложений реплик и перебивов (сек)

Дисперсионный анализ ANOVA показал статистически значимые отличия в двух гендерных группах по следующим параметрам:

- длительность наложений реплик (p=.025)
- длительность перебивов (p=.025)
- количество наложений реплик, совершенных в ходе разговора (p = .037)
- количество перебивов, совершенных в ходе разговора (p = .016)
- общая длительность наложения реплик и перебивов (p=.016)
- общее количество наложений реплик и перебивов, совершенных в ходе разговора (p = .03).

Таким образом, дисперсионный анализ подтверждает то, что в мужской речи чаще встречаются наложения реплик и перебивы, а также то, что мужчины способны дольше говорить параллельно с собеседником.

Выводы и дискуссия

Проведенное исследование методами электронно-акустического и статистического анализов дало возможность сделать следующие выводы:

1) при любом гендерном составе собеседников в дружеском диалоге может быть доминирующий по времени звучания говорящий, мужчина или женщина;
2) три типа смены реплик (без паузы, с паузой, с наложением реплик и перебивом) распределяются в определенной пропорции, когда плавный переход доминирует;
3) каждая пятая смена реплик связана с наложением реплик, которое завершается перебивом. Собеседники в каждом диалоге демонстрируют согласованность по времени совместного говорения, которое завершается либо продолжением первой реплики, либо перебивом, посредством которого происходит регуляция времени говорения собеседников в процессе взаимодействия;
4) женщины, согласно стереотипу, больше говорят; мужчины чаще перебивают собеседника, что также соответствует стереотипу. Кроме того, мужчины могут проводить больше времени в совместном говорении, не уступая слова собеседнику. Тем

не менее не исключено доминирование женщин в диалоге, по крайней мере, по времени звучания.

Переоценивая стереотипы мужского и женского поведения, которые были частично развенчаны как мифы и предрассудки в литературе 1980–1990-х годов, мы вынуждены признать, что для их сохранения есть объективные основания, по крайней мере, на материале дружеской беседы. Вместе с тем мы отмечаем, вслед за другими авторами [Holmes 1998; Karpf 2006], что не существуют взаимоисключающие характеристики речевого поведения одного пола, ибо в наше время уместно говорить о более предпочтительных, ожидаемых характеристиках мужского и женского поведения [Johnson 2008; Meyerhoff 2011].

Важные наблюдения, полученные в данном исследовании, раскрывают признаки и параметры координации собеседников по выравниванию времени звучания, по согласованным способам смены реплик в дружеском диалоге по правилам, которым следуют и мужчины, и женщины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд, доп. М.: ЛЕНАНД, 2016. [Shevchenko, T. I. (2016). Sotsiofonetika: Natsional'naya I sotsial'naya identichnost' v angliiskom proiznoshenii. 2-e izd, dop. (Sociophonetics: National and social identity in English pronunciation). Moscow: LENAND Press. (In Russ.)].

Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer (Version 6.0.14) [Computer Software]. URL: http://www.praat.org/.

Du Bois J. W., Chafe W. L., Meyer Ch., Thompson S. A. Santa Barbara corpus of spoken American English // Philadelphia: Linguistic Data Consortium, 2000. URL: www.linguistics.ucsb.edu/research/santabarbaracorpus.

Holmes J. Women Talk Too Much // Language Myths / L. Bauer, P. Trudgill (eds.). London: Penguin Books, 1998. Pp. 41–49.

James D., Drakich J. Understanding Gender Differences in Amount of Talk: A Critical Review of Research // Gender and Conversational Interaction / D. Tannen (ed.). New York: Oxford University Press, 1993. Pp. 281–312.

Johnson F. L. Discourse Patterns of Males and Females // Language: Introductory Readings / V. Clark, P. Eschholz, A. Rosa, B. L. Simon (eds.). 7th ed. Boston–New York: Bedford/St. Martin's, 2008. Pp. 517–530.

Karpf A. (2006). The Human Voice: How this Extraordinary Instrument Reveals Essential Clues about who we are. New York: Bloomsbury.

Meyerhoff M. Introducing Sociolinguistics. Second edition. London–New York: Routledge, 2011.

Namy L., Nygaard L., Sauertei D. Gender differences in vocal accommodation: The role of perception. Journal of Language and Social Psychology. 2002. Vol. 2. Pp. 422–432.

Nenkova A., Gravano A., Hirschberg J. High frequency word entrainment in spoken dialogue. Proceedings of ACL/HLT. 2008. Pp. 169–172.

Swann J. Talk Control: an Illustration from the Classroom of Problems in Analyzing Male Dominance of Conversation // Women in Their Speech Communities / J. Coates, D. Cameron (eds.). London: Longman, 1988. Pp. 122–140.

The jamovi project. jamovi (Version 1.2) [Computer Software]. 2020. URL: https://www.jamovi.org.

Wennerstrom A., Siegel A. F. (2003). Keeping the floor in multiparty conversations: Intonation, syntax, and pause. Discourse Processes. 2003. Vol. 36. Pp. 77–107.

Wilson T., Zimmerman D. (1986). The structure of silence between turns in two-party conversation. Discourse Processes. 1986. Vol. 9. Pp. 375–390.

Woods A., Fletcher P., Hughes A. Statistics in Language Studies. Cambridge: Cambridge University, 1986.

Zimmerman D. H., West C. Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversations // Language, Gender, and Society / B. Thorne, N. Henley (eds.). Boston: Heinle and Heinle, 1983. Pp. 105–129.

УДК-81'32 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_67

З. Б. Долгих, Т. В. Писанова

Долгих З. Б., старший преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
zoyazoyazoya@gmail.com

Писанова Т. В., доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета
ptp1@bk.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОРТУГАЛЬСКИХ ОПЕРАТОРОВ ПРЕДЕЛЬНОЙ МЕРЫ

В статье анализируются особенности функционирования операциональных средств градуирования, относимых к группе операторов предельной меры, в португалоязычных текстах. На основе сопоставления случаев сочетаемости португальских операторов предельной меры с теми или иными лексико-грамматическими опорными единицами авторы демонстрируют возможность выявить дифференциальные семы и выдвигают предположение о том, что, выражая одну и ту же предельность признака, операторы предельной меры различаются категоричностью утверждения данной предельности.

Ключевые слова: мера; степень; предельность; категоричность; оператор; градуирование.

Z. B. Dolguikh, T. V. Pisanova

Dolguikh Z. B., Moscow State Linguistic University,
Portuguese Language Department, Senior Lecturer,
applicant for a degree of candidate of Philology
zoyazoyazoya@gmail.com

Pisanova T. V., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the Spanish Language and Translation Department,
Moscow State Linguistic University
e-mail: ptp1@bk.ru

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF PORTUGUESE OPERATORS OF THE ULTIMATE MEASURE

The article is devoted to the analysis of the features of the functioning of the operational means of graduation that can be attributed to the group of operators

CC BY

of the utmost measure in Portuguese-language texts. Based on a comparison of the cases of compatibility of Portuguese limit measure operators with various lexical and grammatical reference units, the authors demonstrate the possibility of identifying differential semes and put forward the assumption that, expressing the same limit of a sign, limit measure operators differ in the categorical nature of the statement of this limit.

Key words: measure; degree; limit; categoricity; operator; graduation.

Введение

Основной характеристикой операторов градуирования предельной меры в португальском языке является наличие у них семантического компонента «предельность» и одновременное отсутствие семантического компонента «градуальность». Соотнесенность же на аксиологической шкале градуирования с зоной (площадкой), которую можно обозначить как «предел в развитии признака», обусловливает отсутствие четких и ясных различий, собственно, по уровню градуирования между самими операторами рассматриваемой группы. Однако стоит отметить, что разная сочетаемость с опорными прилагательными свидетельствует в пользу наличия в семантике градуаторов предельной меры дифференциальных компонентов, что, в свою очередь, ограничивает сочетаемостные возможности рассматриваемых операторов.

К вопросу об особенностях функционирования операторов градуирования предельной меры в португалоязычных текстах

На основании собранного нами эмпирического материала можно отметить тот факт, что португальские градуаторы предельной меры зачастую используются в португалоязычных текстах в сочетании с предельными градуируемыми прилагательными:

> A proposta foi aceite por nós pois quisemos fazer parte da equipa neste momento *absolutamente histórico* e de *enorme responsabilidade* para Portugal (*Sol. 2016. №531*). – Мы приняли предложение, так как хотели стать частью команды в такой абсолютно исторический, крайне ответственный момент для Португалии.

> Desde aí, garante, fez «dezenas de milhares de eletrochoques» a doentes portugueses, mas de um modo *completamente diferente* (*A Revista do Expresso.*

2016. №2256). – Он утверждает, что с тех пор десятки тысяч раз применял в лечении португальцев электрошок, но делал это совершенно по-другому, совершенно другим способом.

Ele ficou *completamente confuso*, e eu *completamente humilhada* (*Sol. 2016. №531*). – Он был абсолютно смущен, я же – до крайности унижена.

В этом контексте особенно любопытны сочетания анализируемых нами операторов с прилагательными, в принципе не предполагающими возможность градуирования:

De repente materializou-se ao lado da mesa dele um negro jovem, mas de cabelos *completamente brancos* (*Abreu*). – Неожиданно рядом со столом возник молодой темнокожий парень с совершенно белыми волосами.

Foi nesta altura que o visconde se sentiu *completamente incapaz* de a magoar (*Ferro*). – Именно в этот момент виконт почувствовал, что совершенно неспособен обидеть ее.

Слова, включающие отрицание, ввиду того, что отрицаемый признак, как правило, всегда пределен, наилучшим образом сочетаются с операторами градуирования предельной меры, о чем свидетельствует их частое использование в португалоязычных текстах. Отрицание в таких случаях может выражаться эксплицитно при помощи отрицательного префикса в составе прилагательного:

completamente desaconselhável – совсем нецелесообразно / нецелесообразный;
perfeitamente inútil – совершенно бесполезный;
completamente incapaz – абсолютно неспособный;
totalmente desconhecido – совершенно неизвестный.

Однако часто отрицание выражено не эксплицитно, а входит в толкование самого слова:

totalmente errada – абсолютно неправильная, ошибочная;
absolutamente alheias – совершенно чуждые.

Прилагательные в приведенных нами примерах можно толковать как:

errada – лишенная всяких ошибок;
alheias – чуждые / не имеющие ничего общего.

Предельность признака может быть выражена не только прилагательными, включающими в себя элемент отрицания, но и другими прилагательными и сочетаниями. С этой точки зрения весьма интересны примеры употребления с подобными прилагательными, причастиями, наречиями и существительными португальского наречия *completamente*:

O espaço ficou *completamente preparado* (*Sábado. 2016. №621*). – Место было абсолютно готово, подготовлено.

Completamente absurdo... atravessar o país todo sozinho (*Guerreiro*). – Это абсолютно немыслимо, чтобы вы путешествовали по стране в одиночку.

Ele nunca se sentiu *completamente à vontade* junto deles (*Veríssimo*). – Он никогда не ощущал себя по-настоящему спокойно и комфортно рядом с ними.

Примеры контекстов употреблений с градуаторами *inteiramente – полностью*, *perfeitamente – совершенно* или *totalmente – целиком* также весьма красноречивы:

Eu, bem o sabes, estou *perfeitamente de acordo* com ela (*Sol. 2016. № 531. P. 41*). – Я, как ты знаешь, абсолютно согласна с ней.

Estou *inteiramente ao seu dispor* (*Saramago. Memorial do Convenr*). – Я целиком и полностью в вашем распоряжении.

Um conflito entre *perfeitamente naturais* mas instintos *opostos* (*Veríssimo*). – Конфликт двух абсолютно естественных, но противоречащих инстинктов.

Mas, é justo afirmá-lo, a professora não estava a ser inteiramente cínica (*Correia*). – Но, справедливости ради, стоит отметить, что преподаватель была не такой уж циничной дамой.

Необходимо отметить, что наречие *absolutamente* в меньшей степени допускает подобную сочетаемость, так как зачастую используется с прилагательными, включающими отрицание.

Значение операторов предельной меры в португалоязычных толковых словарях обычно объясняется через толкование семантики схожих с ними единиц, что, к сожалению, не всегда проливает свет на семантические различия между ними, а также на ограничения по их сочетаемости. Симбиоз частных оценок, лежащих в основе

градуирующих суждений, не может быть механически сведен к сумме, так как рассматриваемые параметры разворачиваются в речи как некая задача воспринимающему, а для решения поставленной задачи требуется преодоление ряда противоречий, которые абсолютно неизбежно появляются в процессе восприятия как невероятно сложного и комплексного процесса [Писанова 1997].

Несомненно, операторы предельной меры включают семантические компоненты (например, «предельность» признака), общие для всех единиц рассматриваемой группы. Однако любопытен тот факт, что в их семантику входят и некоторые дифференциальные компоненты. Сопоставление того, каким образом разные португальские операторы градуирования рассматриваемой группы сочетаются, к примеру, с одним и тем же прилагательным, делает возможным определение и выявление упомянутых дифференциальных сем. Например:

Não era *inteiramente insignificante* (*Amaral*). – Это не было совсем (так уж) незначимо, неважно.

Só as coisas *absolutamente insignificantes* dão a sensação do passado (*Rio*). – Только совершенно незначимые вещи дают нам ощущение прошлого.

Некоторые исследователи относят такие единицы, как *абсолютно*, *всецело*, *совсем*, *определенно*, *непременно*, *разумеется* и др., к показателями «категорической достоверности» [Марюхин 2010; Пляскина 2001]. В португальском языке такими единицами являются, к примеру: *absolutamente*, *amplamente*, *completamente*, *plenamente*, *naturalmente*, *verdadeiramente*, *de facto*, *indubitavelmente* и т. п. Анализ примеров сочетаний этих единиц с прилагательными в португальском языке показывает, что каждый оператор данной группы регистрирует и маркирует определенный уровень категоричности в утверждении предельности, что, в свою очередь, иногда осложняет нахождение русскоязычных эквивалентов. Выстраивание рассматриваемых операторы в некую линейную последовательность возрастания категоричности слабо облегчает ситуацию. Решение проблемы лежит в понимании того, что лишь входящий в состав семантики модальный компонент, связанный с выражением ложности и истинности, закладывает основу определения различий между перечисленными градуаторами в португальском языке:

Os olhos eram *mesmo verdes* (*Abreu*). – Ее глаза были и правда зелеными.

Ela está mesmo, *mesmo emocionada* por estares aqui (*Rio*). – Она по-настоящему, действительно взволнована тем, что ты здесь.

E julguei-me, até, *definitivamente fria, indiferente, cruel* (*Ventura*). – Я считала себя действительно холодной, безразличной, жесткой.

Pensou também que os loucos, se *realmente loucos*, nunca reconhecem a loucura (*Pires*). – Он подумал, что безумцы, если они действительно сошли с ума, никогда не признают этого.

Модальное значение португальских операторов *inteiramente*, *completamente* – *целиком*, *совсем*, *вообще* может трактоваться как «не стоит думать, что меньше».

A morte daquelas pessoas é *inteiramente da vossa responsabilidade* (*Correia*). – Смерть людей полностью на вашей совести.

Единицы *absolutamente* и *perfeitamente* – *абсолютно*, *совершенно*, *прекрасно* получают несколько иную интерпретацию своей модальности: *не стоит думать, что я ошибаюсь* [Wierzbicka 1972; Червенкова 1975].

As pessoas costumavam rir, mas ele estava sendo *absolutamente verdadeiro* (*Amaral*). – Обычно все над этим смеялись, но это было абсолютной правдой / он был абсолютно правдивым.

На основании сказанного выше, мы можем сделать вывод о том, португальский градуатор предельной меры *absolutamente* фиксирует и регистрирует большую категоричность, модальность возражения. Контекстным употреблением для этого оператора являются высказывания, в которых говорящий предъявляет обвинение или же отстаивает свое мнение. В таких случаях внимание фокусируется на выражении и правильности предикации именно этого признака, предъявляемого говорящим как нечто важное:

absolutamente inocente – абсолютно невиновный;
absolutamente contra – совершенно, совсем против;
absolutamente determinante – действительно определяющий.

Таким образом, подобные градуаторы в португалоязычных текстах можно отнести к единицам, реализующим тактику создания эвиденциальности. Они используются как средство отождествления позиции автора с позицией читателя или слушателя, что позволяет

создать иллюзию его причастности к той или иной группе людей (возрастной, социальной, политической) и, в свою очередь, происходит в результате «отсылки» к некому личному и / или коллективному опыту [Долгих URL]:

> Mas isso não se faz com a tese do «turismo com conta, peso e medida», do «queremos turistas até um certo nível», que é algo que fica bem em qualquer debate ou artigo, mas que é *absolutamente inconsequente* (*Visão. 2016. №1225*). – Но это не то же самое, что «масштабный туризм, приносящий весомые деньги» или «туристы нам нужны, но до определенного момента», подобное хорошо для каких-нибудь дебатов или статьи, но, на самом деле, все это абсолютно непоследовательно.

> Era *absolutamente essencial* para manter a autenticidade (*Visão. 2016. №1225*). – Это было чрезвычайно важно для сохранения аутентичности.

Для усиления отрицания в португальских художественных и газетно-публицистических текстах также используются конструкции, состоящие из глагола в отрицательной форме (с отрицательной частицей *não*) и отрицательных местоимений и наречий:

> O assunto *não nos agrada nada* (*Expresso. 2016. № 2256*). – Этот вопрос нас абсолютно не устраивает.

Так называемые конструкции двойного отрицания также могут быть отнесены к операторам предельной меры. Интересно отметить, что в русском языке их эквивалентами являются наречия *абсолютно*, *совершенно* и *совсем* (*не*):

> *Não me custa nada* (*Guerreiro*). – Мне это совсем ничего не стоит.

> *Não me admirei nada* com a inesperada visão que passei a considerar normal (*Pires*). – Я отнюдь не удивился тому, что увидел, а потом и вовсе стал считать это нормальным.

> *E facto não lhe adiantou nada* vir cá (*Correia*). – На самом деле не за чем, совершенно не за чем было ему сюда приезжать.

> Tenho a certeza que me entregar não *foi nada pessoal* (*Pires*). – Я уверен, что в том, что она меня подставила, не было ничего личного.

> Foi interessante e *nada surpreendente* (*Visão. 2016. №1225*). – Это было интересно и вовсе не удивительно.

Consegui retirar todas as acusações criminais e não foi *nada fácil* (*Visão. 2016*). – Мне удалось снять с него все обвинения, и это было не так уж просто.

Nada permanente, mas... demonstrou umas habilidades intrigantes (*Abreu*). – Ничего особенного, но она продемонстрировала несколько необычных способностей.

Eu também estou desapontado! – *Não! Não estou nada desapontado!* – disse ele (*Melo*). – Я тоже очень расстроен! Нет! Ничего я не расстроен! – сказал он.

Таким образом, можно отметить, что португальский язык предоставляет два возможных способа градуирования предельных признаков: путем выражения предельности (абсолютности) признака и через указание на полноту охвата носителя самим признаком (интегентный и экстенсивный способы соответственно) [Григоренко 1987]. При экстенсивном усилении признак тесно связан с его носителем как одним из основополагающих элементов модальной рамки градуирования. К тому же экстенсивное усиление имеет большую связь с глаголом, и в этих случаях ориентация на актанты находит более эксплицитное выражение [Убин 1976]. Любопытно, что в ряде случаев градуирования прилагательных некоторые операторы предельной меры португальского языка обнаруживают способность участвовать в экстенсивных моделях. Это можно заметить на примере употребления, например, кванторного местоимения *todo*, *toda* – *весь*, *вся*. Однако, по нашему мнению, детальный анализ функционирования этой единицы заслуживает отдельного исследования.

Заключение

Сопоставление случаев сочетаемости португальских операторов предельной меры с опорными прилагательными дает нам возможность выявить дифференциальные семы и предположить, что они регистрируют сходный уровень предельности признака, однако имеют существенные различия с точки зрения выражения категоричности данной предельности. Суть отличий заключается в модальном компоненте, связанном с утверждением истинности всего высказывания. Общий анализ сочетаемости операторов предельной меры позволяет нам выделить два способа градуирования в рамках этой группы

единиц: через выражение абсолютности признака (ингерентный тип) и при помощи указания на полноту охвата признаком его носителя (экстенсивный тип).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Григоренко Т. Н. Способы интенсификации в португальском языке: Дис. … канд. филол. наук. М.: 1987 [Grigorenko, T. N. (1987) Sposoby intensifikacii v portugal'skom yazyke (Means of intensification in Portuguese). Moscow, 1987. (In Russ.)].

Долгих З. Б. Операционализм как мыслительная стратегия и эффективный способ анализа процессов градуирования (на материале португальского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 12 (805). С. 18–27. [Dolguikh, Z. B. (2018). Operationalism as a mental strategy and an effective way of analyzing gradation processes. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12*(805), 18–27. (In Russ.)]. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/12_805.pdf

Марюхин А. П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. [Maryuhin, A. P. (2010). Nepryamaya kommunikaciya v nauchnom diskurse (na materiale russkogo, anglijskogo, nemeckogo yazykov) (Indirect communication in scientific discourse (on the material of Russian, English, German). Moscow. (In Russ.)].

Пляскина М. В. Модальные слова группы категорической достоверности: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2001. [Plyaskina, M. V. (2001). Modal'nye slova gruppy kategoricheskoj dostovernosti: strukturno-semanticheskij i funkcional'nyj aspekty (Modal words of the group of categorical reliability: structural-semantic and functional aspects). Novosibirsk. (In Russ.)].

Писанова Т. В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки. М.: Московский государственный лингвистический университет: ИКАР, 1997. [Pisanova, T. V. (1997). Nacional'no-kul'turnye aspekty ocenochnoj semantiki: Esteticheskie i eticheskie ocenki (National-cultural aspects of evaluative semantics: Aesthetic and ethical assessments). Moscow: Moscow State Linguistic University: IKAR. (In Russ.)].

Убин И. И. Лексические средства усиления и ослабления слов в тексте // Вычислительная лингвистика. М.: Наука, 1976. С. 160−165. [Ubin, I. I. (1976). Leksicheskie sredstva usileniya i oslableniya slov v tekste (Lexical means of strengthening and weakening words in the text). Vychislitel'naya lingvistika (pp. 160−165). Moscow: Nauka. (In Russ.)].

Червенкова И. В. Общие адвербиальные показатели меры признака (в современном русском литературном языке): дис. … канд. филол. наук. М., 1975. [Chervenkova, I. V. (1975). Obshchie adverbial'nye pokazateli mery priznaka (v sovremennom russkom literaturnom yazyke) (General adverbial indicators of the measure of a trait (in modern Russian literary language). Moscow. (In Russ.)].

Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.

УДК 81'34 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_77

А. В. Дунашова

аспирант кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета,
преподаватель кафедры английского языка № 8 Московского государственного
института международных отношений (университет) МИД РФ
anna.dunashova@inbox.ru

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ПРОСОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Предмет исследования – фоностилистическая вариативность просодических характеристик языковой личности Дэвида Кристала. Метод – сравнительный анализ просодических портретов языковой личности в трех фоностилях: чтение, лекция и интервью на основе акустического анализа частотного, темпорального, силового компонентов, а также параметров качества голоса. Выявлены индивидуальные черты языковой личности: широкий диапазон ЧОТ и высокий для своего возраста темп речи. Среди наиболее константных просодических черт отмечается качество голоса.

Ключевые слова: языковая личность; просодический портрет; мелодика; темп; качество голоса.

A. V. Dunashova

Postgraduate student at the Department of English Phonetics,
Moscow State Linguistic University
anna.dunashova@inbox.ru

PHONOSTYLISTIC VARIATION OF A LINGUISTIC PERSONA: PROSODIC ASPECT

The subject matter of the research is the prosodic aspect of phonostylistic variation of a linguistic persona. The study is based on comparative analysis of prosodic portraits of the linguistic persona across three phonostyles: reading, academic lecture and interview. The collected data in pitch, intensity, speech rate and voice quality parameters prove voice quality parameters to be more constant and intrinsic to the individual, while pitch range, speech tempo and resonance variation appear to be part of David Crystal's stylistic variability.

Key words: linguistic persona; prosodic portrait; articulation rate; pitch; voice quality.

Введение

Языковая личность (ЯЛ) несет в себе информацию о комплексе черт исследуемого индивидуума: социальных, биологических и психологических [Лебедева 2017]. Известно, что «речевой аппарат является и частью человеческого тела, и исполнительным органом психической деятельности» [Слепич 2008, с. 407]. Таким образом, речь отображает ЯЛ во всем разнообразии ее проявлений, а значит анализ устной речи способствует реконструкции языковой личности. Идентифицируя константные языковые и, в частности, интересующие нас просодические черты индивидуума, исследователь способен на установление ряда «обликовых» характеристик личности, а именно: половозрастных и других физиолого-антропометрических признаков; уровня образования и речевой культуры [Потапова, Потапов 2010]; психофизиологических особенностей, эмоционального состояния, социокультурного статуса, а также региональной принадлежности [Ищенко, Топорков 2000].

Помимо отличающих ее обликовых черт, ЯЛ может владеть широким спектром вариативности просодических характеристик. Так, говорим о фоностилистической, прагматической, эмотивной вариативности, а также способности личности ситуативно имитировать других индивидуумов. В данном случае имеем в виду исследования перевоплощенной языковой личности и употребление коммуникативной стратегии «речевая маска», например в актерской речи, а также изучение имитации и маскировки голоса в сфере криминалистики.

В научной литературе просодическая вариативность определенного социального типа языковой личности рассмотрена рядом ученых: Н. Г. Углова (2013), М. С. Савинова (2010), Л. В. Постникова (2003) изучили представителей различных профессий и социальных статусов; Е. Л. Фрейдина (2005) и О. П. Крюкова (1982) также изучили фоностилистическую вариативность просодии на материале академической и ораторской речи.

Проводились долговременные исследования языковой личности в диахроническом аспекте: речь английской королевы на материале рождественских обращений к нации [Harrington, Palethorpe, Watson 2000], речь судьи Верховного суда США Руты Гинзбург [Shapp, LaFave, Singler 2014], речь Ноама Хомского на основе публичных выступлений [Kwon 2013]. Акцент в вышеупомянутых работах был сделан на произошедших в речевом поведении изменениях, отражающих

возрастные, социальные и региональные обликовые изменения самой языковой личности. При этом исследования проводились на стилистически однородных текстах и не затрагивали изучение просодического аспекта качества голоса.

Очевидно, что в рамках каждого фоностиля необходимо рассматривать некую степень вариативности, обусловленную конкретным ситуативным контекстом, прагматикой, а также индивидуальным стилем говорящего. Индивидуальность, т. е. идентичность говорящего, может значительно влиять на речевое поведение в целом и на просодическую реализацию речи, в частности, особенно в жанрах дискурса, предполагающих языковое творчество [Фрейдина 2005]. В настоящее время можем констатировать недостаток исследований, посвященных фоностилистической вариативности просодических черт одной языковой личности. В связи с этим возникает необходимость описания индивидуального стиля говорящего в разных фоностилях с целью определения степени варьирования речи в ее просодическом аспекте.

В нашем исследовании мы рассматриваем фоностилисическую вариативность просодических характеристик языковой личности. Вслед за М. Я. Блохом, разделяем понятия «жанр» и «стиль» и определяем фоностиль как «жанрово определенный стиль звучания текста» [Блох, Великая 2012, с. 7]. Мы изучаем языковую личность в современном срезе ее речевого поведения, что позволяет оценить диапазон варьирования просодии говорящего при изменении его прагматической задачи в данный момент времени, без учета возрастных изменений голоса. Считаем, что составление, анализ и сопоставление речевых, в частности, просодических портретов ЯЛ в различных фоностилях, позволит выявить константные черты супрасегментного уровня, а также получить информацию о возрастных, гендерных, социальных, психологических характеристиках анализированного нами индивидуума. В исследовании мы обращаем внимание на показатели качества голоса, полагая, что они являются ключевыми в контексте идентификации константных супрасегментных черт индивидуума. Изучаемой нами ЯЛ является выдающийся лингвист Дэвид Кристал, человек с большим лекторским и артистическим опытом.

Таким образом, в нашем исследовании мы преследуем следующие цели:

– построить просодические портреты ЯЛ в трех ситуациях говорения;

– выявить границы варьирования просодических характеристик языковой личности в трех стилях на основе измерений частотных, темпоральных характеристик, а также показателей интенсивности и качества голоса;
– идентифицировать константные просодические черты ЯЛ, способствующие ее идентификации.

Методология и материал исследования

С целью выявления границ фоностилистического варьирования просодических черт мы проанализировали речевые портреты Дэвида Кристала в роли лектора, собеседника в интервью и чтеца собственной автобиографии, таким образом рассмотрев три разных стиля речевой деятельности с разными интенциями:

1) лекция «Is Control of English Shifting Away from British and American Native Speakers» (2014 г.), имеющая цель формирования определенных представлений в сознании слушателей;
2) телевизионное интервью Д. Кристала со своим сыном «Ben Crystal & David Crystal. Sunday Brunch» (2014 г.) с интенцией обмена мнениями;
3) чтение собственной автобиографии «Just a Phrase I'm Going Through» с интенцией рассказать историю своей жизни.

Общее время звучания анализируемого материала – 30 минут (длительность каждой выборки 10 минут). Основным *методом* анализа послужил акустический анализ супрасегментных характеристик с помощью компьютерной программы Praat [Boersma and Weenink 2017]. Акустические характеристики, подверженные анализу: ЧОТ (ЧОТ мин, ЧОТ макс, ЧОТ мед, диапазон ЧОТ, ЧОТ σ), интенсивность (ИЗС мак. и ИЗС мед.), длительность (СДС, количество пауз, длительность пауз), качество голоса (мерцание (Shimmer), дрожание (Jitter), соотношение гармоника / шум (Harmony / Noise).

Результаты

В первую очередь отмечаем те обликовые черты изучаемой нами личности, которые нам уже известны. Дэвид Кристал – немолодой мужчина, известный лингвист, обладающий высоким уровнем языковой культуры и многолетним опытом публичных выступлений.

Предполагаем, что обширный опыт лекторской и артистической деятельности оказал влияние на его умение владеть своим голосом, и его речевое поведение отличается большей вариативностью супрасегментных характеристик.

Начнем наш анализ с построения просодического портрета Кристала-лектора.

Просодический портрет Кристала-лектора

Начнем с наиболее выразительного просодического параметра – ЧОТ. Дэвид Кристал демонстрирует поразительно широкий диапазон для мужского голоса (33 пт при среднестатистическом показателе в 22 пт (75–200 Гц) [Шевченко 2016]) со среднестатистическим показателем нижнего порога ЧОТ, но показателем верхнего порога (499 Гц), приближающегося к женской норме. Высокий уровень стандартного отклонения (72 Гц), показателя «отклонения отдельных значений от их средней величины» [Шевченко и др. 2017, с. 88], указывает на наличие просодических контрастов между высокими и низкими тонами, а чуть заниженные значения медианы объяснены использованием лектором нижних регистров. Обе черты являются ключевыми особенностями академической речи [Фрейдина 2005].

Просодическая контрастность также проявляется в показателях интенсивности звукового сигнала (ИЗС): при средних показателях медианного значения (69 дБ) максимальные значения ИЗС достаточно высоки (89 дБ), что может объясняться желанием лектора акцентировать внимание публики на особенно важном моменте своей речи при помощи контраста по уровню громкости. Следует отметить, что интенсивность звукового сигнала сильно варьируема, зависит от интенции говорящего и не является надежным параметром при идентификации личности. Сильной внутриличностной варьируемостью отличается также и параметр длительности, будучи определяемый в значительной степени эмоциональным содержанием речевой ситуации [Потапова, Потапов 2006] и интенцией говорящего [Бабушкина 2010]. Мы оперируем двумя параметрами длительности: средней длительностью слога (СДС) и коэффициентом паузации (КП). Кристал-лектор говорит в среднем темпе. Показатель СДС полностью соответствует среднестатистическим данным (средняя длительность слога 227–170 мс [Goldman-Eisler 1968; Шевченко 2016]), паузальная насыщенность

достаточно высокая. Подобная темпоральная организация дискурса также способствует просодической контрастности речи.

Переходя к параметрам качества голоса, отмечаем, что в нашем исследовании мы рассматриваем качество голоса как наиболее константный параметр, характеризующий голос языковой личности [Шевченко и др. 2017] и помогающий ее идентифицировать. Примечателен для нас высокий показатель дрожания (jitter), который отражает изменение ЧОТ, воспринимается как вибрация и в нашем случае выдает немолодой голос лектора [Schötz 2007]. Также отмечается высокий параметр H/N (приоритет гармоник над шумами), что отражает необходимое лектору резонантное звучание голоса.

Таким образом, обобщая полученные акустические данные по просодическим характеристикам Кристала-лектора, говорим о том, что речь немолодого Дэвида Кристала далека от монотонности, резонантна и насыщена просодическими контрастами разных уровней: начиная с переходов между нижними и верхними тонами и контрастами по уровню громкости, заканчивая контрастной темпоральной организацией речи (см. табл. 1).

Таблица 1

Просодические характеристики речи Дэвида Кристала в лекции

<table>
<tr><td colspan="2">ЧОТ</td><td colspan="2">ИЗС</td><td>Качество голоса</td></tr>
<tr><td>ЧОТ мин, Гц</td><td>ЧОТ макс, Гц</td><td>ИЗС макс, дБ</td><td>ИЗС мед, дБ</td><td>Shimmer, дБ</td></tr>
<tr><td>73</td><td>499</td><td>89</td><td>69</td><td>1.22</td></tr>
<tr><td>ЧОТ мед Гц</td><td>ЧОТ σ, Гц</td><td colspan="2">Длительность</td><td>Jitter, %</td></tr>
<tr><td>104</td><td>72</td><td>СДС</td><td>КП</td><td>3.58</td></tr>
<tr><td colspan="2">Диапазон, Пт</td><td rowspan="2">197</td><td rowspan="2">1.08</td><td>H/N, дБ</td></tr>
<tr><td colspan="2">33</td><td>7.6</td></tr>
</table>

Просодический портрет Кристала в интервью

Анализируя акустические данные Кристала в интервью со своим сыном отмечаем по-прежнему широкий диапазон говорящего (33 пт).

При этом значение стандартного отклонения низкое (29 Гц), что указывает на меньшую просодическую контрастность в связи с меньшим количеством переходов между низкими и высокими тонами. Медианное значение ЧОТ стандартное.

Таблица 2

Просодические характеристики речи Дэвида Кристала в интервью

<table>
<tr><td colspan="2">ЧОТ</td><td colspan="2">ИЗС</td><td>Качество голоса</td></tr>
<tr><td>ЧОТ мин, Гц</td><td>ЧОТ макс, Гц</td><td>ИЗС макс, дБ</td><td>ИЗС мед, дБ</td><td>Shimmer, дБ</td></tr>
<tr><td>74</td><td>496</td><td>76</td><td>67</td><td>1.19</td></tr>
<tr><td>ЧОТ мед Гц</td><td>ЧОТ σ, Гц</td><td colspan="2">Длительность</td><td>Jitter, %</td></tr>
<tr><td>115</td><td>29</td><td>СДС</td><td>КП</td><td>2.52</td></tr>
<tr><td colspan="2">Диапазон, Пт</td><td rowspan="2">166</td><td rowspan="2">1.03</td><td>H/N, дБ</td></tr>
<tr><td colspan="2">33</td><td>5.65</td></tr>
</table>

Переходя к значениям интенсивности звукового сигнала, отмечаем его невысокий максимальный показатель (76 дБ), следовательно, речь говорящего не характеризуется всплесками по уровню громкости. Особым своеобразием отмечены темпоральные параметры. Темп речи сильно ускоренный (166 мс), коэффициент паузальной насыщенности низкий, т. е. паузация почти сведена на нет (см. табл. 2). При прослушивании записи перцептивно понимаем, что изучаемое интервью характеризуется частым наложением реплик говорящих, что приводит к меньшему количеству пауз. Разговор насыщенный, увлеченный. Темпоральные данные не соответствуют нашим ожиданиям, так как в научной литературе отмечается возрастная тенденция к замедлению речи и к высокой паузальной насыщенности [Шевченко 2016]. В связи с этим предполагаем, что Дэвид Кристал сумел сохранить темпоральные реализации благодаря своему многолетнему опыту публичных выступлений и высокому интеллекту.

Рассматривая качество голоса, видим, что в интервью голос Кристала не настолько резонантен, звонок, и характеризуется меньшим уровнем дрожания.

Просодический портрет Кристала-чтеца

Основная сложность, с которой сталкиваются исследователи при анализе авторского чтения – использование чтецом разных просодических портретов с целью создания звукового образа разных персонажей. Однако для исследования мы перцептивно отобрали отрывок с модальным голосом автора в качестве рассказчика. Интенция анализируемого отрывка – рассказ истории.

Из полученных данных видим, что Кристал-чтец обладает широким диапазоном (32 пт.), редко прибегает к контрастам между низкими и высокими тонами, на что нам указывает параметр стандартного отклонения (26 Гц). Интенсивность звукового сигнала средняя, максимальный показатель невелик (79 дБ).

Таблица 3

Просодические характеристики речи Дэвида Кристала в чтении

ЧОТ		ИЗС		Качество голоса
ЧОТ мин, Гц	ЧОТ макс, Гц	ИЗС макс, дБ	ИЗС мед, дБ	Shimmer, дБ
74	471	79	68	1.74
ЧОТ мед Гц	ЧОТ σ, Гц	Длительность		Jitter, %
109	26	СДС	КП	3.81
Диапазон, Пт		229	1.10	H/N, дБ
32				8.34

Примечателен темпоральный аспект просодии. Темп речи (229 мс) стандартен для пожилого возраста, но идет в разрез с отмеченной в научной литературе тенденцией увеличения скорости артикуляции в чтении по сравнению со спонтанной речью [Бабушкина 2010]. Коэффициент паузальной насыщенности выше, чем в других двух фоностилях (1.10), но по-прежнему не превышает среднестатистические показатели, что является признаком подготовленной речи ввиду отсутствий пауз хезитации.

Голос чтеца резонантен, на что указывает высокий параметр H/N (приоритет гармоник над шумами), но также отличается и высоким уровнем дрожания (3.81 %), выдавая возраст говорящего.

Дискуссия

Многогранные и целостные просодические портреты Дэвида Кристала в разных фоностилях достигаются за счет определенной комбинаторики просодических характеристик. Британский лингвист Н. Купланд сравнил речевое поведение индивидуума со шкафом, из которого человек выбирает подходящий предмет одежды к подходящему случаю [Coupland 2007]. Подобным образом языковая личность, владея определенными речевыми возможностями, подбирает языковые средства, подходящие к определенному случаю, но при этом подчеркивающие ее индивидуальный стиль.

Сравнивая полученные нами просодические портреты, отмечаем, что показатели качества голоса оказались наиболее константными характеристиками, отражающими идентичность языковой личности. Наиболее ситуативно варьируемыми оказались параметры длительности, ведь осознанное замедление темпа речи способствует концентрации внимания слушателей на данной информации [Шевченко, Садовникова, Сибилева 2012], что нашло свое отражение в голосах Кристала-лектора и Кристала-чтеца.

Индивидуальной характеристикой Дэвида Кристала является также широкий диапазон, который вместе с использованием переходов между высокими и низкими тонами помогает избежать монотонности и звучать живо и интересно.

Заключение

Составив просодические портреты и сопоставив просодическую реализацию речи языковой личности Дэвида Кристала в трех фоностилях, мы отмечаем значительную вариативность изучаемых супрасегментных характеристик. Выделяем следующие индивидуальные черты говорящего: необычайно широкий диапазон ЧОТ, сильная контрастность высоты тона, владение темпоральными характеристиками, такими как высокий для своих лет темп речи, а также способность делать свой голос более резонантным. Все эти черты указывают на высокую степень владения своим голосом благодаря огромному лекторскому и артистическому опыту. Наиболее константными просодическими характеристиками, потенциально способствующими идентификации Дэвида Кристала, оказались минимальное значение

ЧОТ, диапазон ЧОТ, а также показатели качества голоса, в особенности мерцания (shimmer). Остальные супрасегментные характеристики речи подвержены сильным изменениям при сравнении речевого поведения одной языковой личности в условиях разных фоностилей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бабушкина Е. А. Темп речи как социальный маркер // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. 2010. Вып. 11. С. 5–8. [Babushkina, E. A. (2010). Speech rate as a social marker. *Bulletin of the Buryat State University. Language, literature, culture*, 11, 5–8. (In Russ.)].

Блох М. Я., Великая Е. В. Просодия в стилизации текста. М.: Прометей, 2012. [Bloh, M. YA., Velikaya, E.V. (2012). Prosodiya v stilizaciiteksta (Prosody in Text Stylization). Moscow: Prometej. (In Russ.)].

Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник. М.: Юристъ, 2000. [Ishchenko, E. P., Toporkov A. A. (2000). Kriminalistika: Uchebnik (Forensics: Textbook). Moscow: YUrist. (In Russ.)].

Лебедева А. К. Судебно-экспертное исследование обликовых характеристик личности по фонограммам речи: правовые и методические аспекты: автореф. дис. … канд. юр. наук. М., 2017. [Lebedeva, A. K. (2017). Sudebno-ekspertnoe issledovanie oblikovyh harakteristik lichnosti po fonogrammam rechi: pravovye I metodicheskie aspekty (Forensic studies of persona characteristics based on speech phonograms: legal and methodic aspects): abstract of PhD in Law. Moscow. (In Russ.)].

Потапова Р. К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Potapova, R. K., Potapov, V.V. (2006). YAzyk, rech', lichnost' (Language, Discourse, Individual). Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Потапова Р.К., Потапов В.В. О некоторых аспектах перцептивно-слухового исследования «облик говорящего» // Речевые технологии. 2010. Вып. 4. С. 50–57. [Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2010). On a few aspects of the perceptual studies “speaker’s persona”. *Speech Technology, 4*, 50–57. (In Russ.)].

Слепич А. Н. Результаты использования речевых технологий для диагностики облика неизвестного диктора по фонограмме // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов: сб. тр. XVII Междунар. науч. конф. М.: Акад. упр. МВД России, 2008. С. 406–409. [Slepich, A. N. (2008). Results of using speech technology for identifying unknown speaker’s persona with the help of phonogram. *IT development and IT security of law enforcement: collected papers of the 18th international*

scientific conference of Academy of Management of Russia's Ministry of Internal Affairs (pp. 406–409). (In Russ.)].

Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодия. М.: Прометей, 2005. [Freydina, E. L. (2005). Publichnaya rech' i ee prosodiya. (Public speech and its prosody). Moscow: Prometej. (In Russ.)].

Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н.. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 1 (634). С. 175–187. [Shevchenko, T. I., Sadovnikova N. A., Sibileva K. N. (2012). Rhythm and meaning of discourse prosody: cognitive approach and statistics. *Vestnik of Moscow State Linguistics University, 1*(634), 175–187. (In Russ.)]

Шевченко Т. И. Социофонетика: Национальная и социальная идентичность в английском произношении. 2-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД, 2016. [Shevchenko, T. I. (2016). Sotsiofonetika: Natsional'naya i sotsial'naya identichnost' v ang-liyskom proiznoshenii. (Sociophonetics: National and Social Identity of English Pronunciation). 2nd ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)].

Шевченко Т. И. [и др.] Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты. Дубна: Феникс+, 2017. [Shevchenko, T. I. et al. (2017). Metody analiza zvuchashchey rechi: novye izmereniya i rezul'taty (Methods of Speech Acoustic Analysis: new data and results). Dubna: Feniks+. (In Russ.)].

Coupland N. Style: language variation and identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Goldman-Eisler F. Psycholinguistics: Experiments in Spontaneous Speech. London: Academic Press, 1968.

Harrington J., Palethorpe S., Watson C. Monophthongal vowel changes inreceived pronunciation: An acoustic analysis of the Queen's Christmas broadcasts // Journal of the International Phonetic Association. 2000. Vol. 30. P. 63–78.

Kwon S. Vowel change across Noam Chomsky's lifespan // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2014. Vol. 20 (2). P. 90–100.

Schötz S. Acoustic Analysis of Adult Speaker Age // Speaker Classification, Lecture Notes in Computer Science / ed. by C. Müller. 2007. Vol. 1. P. 88–107.

Shapp A., LaFave N., Singler J. V. J. Ginsburg v. Ginsburg: A Longitudinal Study of Regional Features in a Supreme Court Justice's Speech // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2014. Vol. 20 (2). P. 149–158.

УДК 811.11 **DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_88**

Д. А. Зимарин, Г. А. Соколова, Е. А. Калашникова

Зимарин Д. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
live25@yandex.ru

Соколова Г. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
e-mail: ga.sokolova@mail.ru

Калашникова Е. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка
Московского государственного лингвистического университета
e-mail: elk99@mail.ru

ПРОСОДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ ВИДЕОРОЛИКОВ (на материале немецкой рекламы 1960–2015 гг.)

В статье рассматриваются просодические особенности рекламных видеороликов и их изменение с 1960 по 2015 гг. С древних времен реклама была инструментом привлечения внимания клиентов к продукции продавцов. С течением времени она претерпевала изменения не только в технической сфере, но и в сфере подачи информации. Целью исследования стало описание просодических особенностей рекламы для различных возрастных групп, а также анализ этих изменений в рамках выбранного временного отрезка.

Ключевые слова: темп; реклама; интонация; просодия; громкость.

D. A. Zimarin, G. A. Sokolova, E. A. Kalashnikova

Zimarin D. A., PhD (Philology), Associate Professor at the Department
of German Phonetics, Faculty of the German language,
Moscow State Linguistic University
live25@yandex.ru

Sokolova G. A., PhD (Philology), Associate Professor at the Department
of German Phonetics, Faculty of the German language,
Moscow State Linguistic University
ga.sokolova@mail.ru

Kalashnikova E. A., PhD (Philology), Associate Professor at the Department
of German Phonetics, Faculty of the German language,
Moscow State Linguistic University
elk99@mail.ru

PROSODIC ANALYSIS OF ADVERTISING VIDEOS (based on the material of German advertising in 1960–2015)

This article examines the prosodic features of advertising videos and their changes from 1960 to 2015. Since ancient times, advertising has been a tool to attract customers' attention to the products of sellers. Over time, it has undergone changes not only in the technical sphere, but also in the field of information submission. The purpose of the study was to describe prosodic features of advertising for different age groups, as well as to analyse changes within the selected time period.

Key words: tempo; advertising; intonation; prosody; volume.

Введение

Реклама сопровождает нас каждый день. Мы видим, слышим и читаем рекламу повсюду: по радио, по телевизору, на улице, в Интернете, на плакатах и т. д.

Реклама уже стала неотъемлемой частью нашей жизни, поэтому в последние годы она превратилась в объект различных научных исследований. Стоит отметить, что реклама оказывает на нас как прямое, так и косвенное воздействие. Огромное количество рекламной информации воздействует на восприятие нами реальности и это воздействие мы зачастую не можем контролировать. Рекламу можно рассматривать как феномен нашего времени, развитие которого связано с прогрессом информационных технологий и Интернета. С ее помощью потребитель получает представление о всех необходимых ему продуктах и услугах, однако слишком навязчивая и агрессивная реклама может иметь негативный эффект. Для того чтобы потребитель постоянно интересовался и покупал рекламируемый товар, маркетологи постоянно находят новые способы для привлечения клиентов. Для этого исследуются аудио- и видеоособенности восприятия рекламной информации.

Целью данной статьи является анализ просодических особенностей звучащего рекламного текста, а также анализ изменения этих особенностей в рамках выбранного временного отрезка.

Историческое значение рекламы

Прежде, чем приступить к анализу рекламы, следует понять ее происхождение, цели и задачи. Слово *реклама* происходит из греческого

языка от слова reclamo, что означает «кричу, восклицаю». Толковый словарь Ушакова дает следующее определение этому понятию: «мероприятия, имеющие целью создать широкую известность чему-нибудь, привлечь потребителей к чему-нибудь». Примечательно то, что в немецком языке реклама переводится как *Werbung* (*вербовка*, *агитация*) и является производным от глагола *werben – вербовать*. Таким образом, целью рекламы является привлечение внимания к определенному продукту / событию или вербовка внимания клиента для достижения определенной цели [Толковый словарь Ушакова 1998].

Рекламная деятельность не является продуктом нового тысячелетия. Она возникла во времена Древнего Египта, Древнего Рима и Древней Греции. Первые письменные источники рекламы носили информационный характер и размещались на папирусе или камне. Устная реклама распространялась на рынках крикунами, которые зазывали покупателя в свою палатку, а также глашатаями, специальными людьми, объявляющими официальные известия [Ученова, Старых 1999].

Широкое распространение реклама получила благодаря изобретению печатного станка. Однако реклама не была доступна всем потребителям. В то время отсутствовала система распространения рекламы. Ситуация изменилась в XVII веке, когда была напечатана первая в мире газета. Помимо рекламы в газетах стали появляться небольшие рекламные проспекты, где торговцы описывали свои товары и цены к ним. Во второй половине XIX века изменилось не только количество рекламы, но и ее содержание. Рекламные объявления были направлены на конкретные социальные группы. Популярность рекламы возросла, со временем ей стали выделять всё больше места в газетах [Duden 1964].

С 1950–1960 годов рекламный бизнес пережил стремительный рост благодаря экономическому процветанию. Рекламный акцент сместился на стереотипы общества и клише. Например, женщинам всегда отводилась второстепенная роль. В последующие годы рекламный бизнес обретал всё больше влияния через средства массовой информации. В эпоху развития интернет-технологий реклама появилась не только на улице, телевизоре и радио, но и в Интернете и на мобильных устройствах [Bußman 1990].

В условиях растущей конкуренции маркетологи исследуют и создают новые и новые способы привлечения внимания потребителей. Для этого вырабатываются четкие критерии и языковые средства.

Важнейшими критериями, которым должна соответствовать реклама, являются:

1) ясность и доступность – важную роль играют не только языковые средства, но и изображения продукта;
2) запоминаемость – достигается за счет повторений, рифмы или аллитерации;
3) привлекательность – для лучшего восприятия необходимо включить в рекламу шутку, иронию, фразеологизм или идиому [Brockhaus Enzyklopadie 1994].

Если рассматривать не письменную, а устную рекламу, то необходимо также учитывать фонетические особенности речи: интонацию, громкость, темп, стиль, ритм и т. д. Для потребителя очень важно воспринимать информацию с помощью приятного и убедительного голоса диктора, даже если это видеореклама. В противном случае потенциальный покупатель / клиент даже не посмотрит рекламный ролик.

Для диктора, озвучивающего рекламу. существует несколько простых критериев:

1) произношение должно соответствовать нормам литературного языка;
2) четкость;
3) отсутствие дефектов речи;
4) отсутствие побочных шумов (глотание, вздохи и т. п.);
5) диктор должен уметь контролировать тональность голоса;
6) актерское мастерство. Умение войти в роль.

Другие параметры речи, такие как интонация, темп, громкость и т. д. определяются непосредственно рекламируемым продуктом и целевой аудиторией. Например, темп, громкость и интонация детской рекламы будут отличаться от взрослой рекламы. Реклама автомобиля будет отличаться по темпу и громкости от рекламы бытовой техники [Baumgart 1992].

Сегодня реклама максимально использует все фонетические средства для привлечения внимания. Но было ли так 30 или 40 лет назад? Носила ли рекламная агитация иной характер? Изменились ли просодические характеристики рекламных видеоматериалов или в настоящий момент времени мы находимся на том же уровне, что и 40 лет назад?

Анализ просодических особенностей рекламы

Для выявления характерных отличий в подаче информации был проведен сопоставительный анализ рекламных роликов XX и XXI веков. Всего было проанализировано 23 видеофрагмента четырех продуктов. Ролики были направлены на три целевые группы: детскую взрослую и смешанную. Сложность отбора материала заключалась в том, что лишь небольшая группа продуктов рекламировалась на протяжении хотя бы 30–40 лет. Для анализа были выбраны видеоматериалы на немецком языке.

Для взрослой аудитории была выбрана реклама автомобиля «Фольксваген»[1]. Для детской аудитории реклама «Лего»[2]. Для смешанной аудитории рекламы «Харибо»[3] и «Милка»[4].

Основными критериями анализа стали:

1) длина видеофрагмента;
2) средняя длина пауз;
3) темп (количество слогов в секунду: медленный – 3 слога в секунду, средний – 3–5 слогов в секунду, быстрый – 5–7 слогов в секунду);
4) громкость (40–50 дБ – низкая, 50–60 дБ – средняя, 60–70 дБ – высокая);
5) интонация (интонационные структуры, содержащие нисходящий или восходящий тон).

Временной отрезок каждой рекламы варьировался от 40 до 60 лет. Для каждого продукта был выбран тот рекламный ролик, в котором четко прослеживались фонетические изменения и смена сценария. Таким образом получились следующие даты:

1) шоколад «Милка» – 1970, 1991, 1993, 1996, 2005, 2015;
2) автомобиль «Фольксваген» – 1960, 1980, 1990, 1995, 2005, 2011, 2015;
3) конструктор «Лего» – 1960, 1981, 1993, 2000, 2015;
4) мармелад «Харибо» – 1969, 1985, 1990, 2012, 2015.

Одна из самых первых видеореклам шоколада «Милка» датируется 1970-ми годами. Изначально реклама была ориентирована на

[1] URL: https://www.volkswagen.de/de.html.
[2] URL: https://www.lego.com/de-de/aboutus.
[3] URL: https://www.haribo.com/de-de.
[4] URL: https://www.milka.de/uber-milka.

Таблица 1

Результаты анализов рекламы шоколада «Милка»

Год	Длина (сек.)	Средняя длина пауз	Темп	Громкость	Интонационные структуры
1970	31	0.5	средний	средняя	преобладает восходящее движение тона
1991	29	0.1	быстрый	средняя	преобладает нисходящее движение тона
1993	30	0.3	средний	высокая	преобладает нисходящее движение тона
1996	46	0.6	медленный	высокая	преобладает нисходящее движение тона
2005	30	0.2	быстрый	высокая	преобладает нисходящее движение тона
2015	30	0.4	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона

взрослую аудиторию и лишь впоследствии целевая аудитория была расширена. Результаты анализа рекламных роликов шоколада «Милка» представлены в таблице 1.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что темп речи и интонация в основном на среднем уровне. Почти во всех роликах преобладают интонационные модели с нисходящим движением тона.

Далее рассмотрим рекламу автомобиля «Фольксваген». Результаты анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты анализов рекламы автомобиля «Фольксваген»

Год	Длина (сек.)	Средняя длина пауз	Темп	Громкость	Интонационные структуры
1960	95	0.8	медленный	средняя	преобладает нисходящее движение тона
1980	30	0.3	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона
1990	31	0.5	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона
1995	45	0.6	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона
2005	30	0.6	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона
2011	45	0.6	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона
2015	32	0.5	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона

Анализ результатов показал, что речь большинства выбранных рекламных роликов обладает средним темпом и средней громкостью.

Так же, как и в рекламе шоколада «Милка», можно отметить преобладание интонационных моделей с нисходящим движением тона.

В таблице 3 представлены результаты анализа рекламы «Лего».

Для рекламы данного продукта, следует отметить быстрый темп речи, большое количество эмоционально окрашенных предложений с восходящим движение тона и высокой громкостью.

В таблице 4 представлены результаты анализа рекламы мармелада «Харибо».

Таблица 3

Результаты анализов рекламы «Лего»

Год	Длина (сек.)	Средняя длина пауз	Темп	Громкость	Интонационные структуры
1960	60	0,4	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона
1981	20	0.2	средний	средняя	преобладает восходящее движение тона
1993	20	0.2	быстрый	средняя	преобладает восходящее движение тона
2000	30	0.2	быстрый	высокая	преобладает восходящее движение тона
2015	26	0.4	быстрый	высокая	преобладает нисходящее движение тона

Таблица 4

Результаты анализов рекламы мармелада «Харибо»

Год	Длина (сек.)	Средняя длина пауз	Темп	Громкость	Интонационные структуры
1969	21	0.3	средний	средняя	преобладает нисходящее движение тона
1985	31	0.1	быстрый	высокая	преобладает восходящее движение тона
1990	20	0.1	быстрый	высокая	преобладает восходящее движение тона
2012	15	0.1	быстрый	высокая	преобладает нисходящее движение тона
2015	27	0.1	быстрый	высокая	преобладает восходящее движение тона

Для большинства проанализированных рекламных роликов, представленных в таблице, характерны быстрый темп речи, высокая громкость и интонационные модели с восходящим движением тона.

Заключение

Сравнивая результаты всех рекламных роликов можно выявить следующие закономерности:

1) темп речи в рекламе, ориентированной на детей выше, чем темп рекламы для взрослой аудитории;
2) громкость рекламы для детской аудитории выше, чем для взрослой аудитории;
3) количество интонационных структур с восходящим движением тона больше в рекламе для детской аудитории, чем в рекламе для взрослой аудитории;
4) средняя продолжительность пауз в детской рекламе варьируется от 0,2 с. до 0,4 с., а в рекламе для взрослой аудитории от 0,3 с. до 0,6 с.

Эти различия обусловлены тем, что реклама для детской аудитории в основном более энергична, насыщена более громкой музыкой, а также эмоционально окрашенная речь имеет бóльшую громкость, чем спокойная. Если рассматривать изменения в рамках выбранного временнóго отрезка, можно выявить некоторые закономерности для каждой группы реклам.

Реклама шоколада «Милка» 2015 года обладает такой же громкостью, темпом и практически одинаковой средней длиной пауз, как и в 1970 году, различается лишь количество интонационных структур: в 1970 году преобладают структуры с восходящим движением тона. В другие годы наблюдаются различные сочетания темпа, громкости и длины пауз, но везде преобладают интонационные структуры с нисходящим движением тона.

В рекламе автомобиля «Фольксваген» наблюдаются незначительные изменения средней длины пауз в рамках выбранного временнóго отрезка. Все остальные параметры остаются без изменений.

Реклама «Харибо» и «Лего» похожи по своим характеристикам в 1969, 1960, 1981 годах. Речь в проанализированных рекламных роликах обладает средним темпом, средней громкостью и почти

одинаковой средней длиной пауз. Для остальных видеороликов этих продуктов до 2015 года характерен быстрый темп, высокая громкость и средняя длина пауз от 0,1 до 0,2 с.

Исходя из проанализированных результатов можно сделать вывод, что изменения на просодическом уровне в рамках выбранного отрезка времени носят незначительный характер. Различия темпа и громкости наиболее заметны в рекламе, ориентированной на детскую аудиторию. Для взрослой аудитории характерна более спокойная речь и средние значения темпа и громкости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Толковый словарь Ушакова. 1998. URL: http://dic.academic.ru/misc/ushakov.nsf/ListW. Дата обращения: 14.10.2020. [Tolkovyj slovar' Ushakova (*Explanatory dictionary of Ushakov*). 1998. URL: http://dic.academic.ru/misc/ushakov.nsf/ListW (data obrashhenija 14.10.2020). (In Russ.)].

Ученова В., Старых Н. История рекламы или метаморфозы рекламного образа. М., 1999. [Uchenova, V., Staryh, N. (1999). Istorija reklamy ili metamorfozy reklamnogo obraza (*The history of advertising or the metamorphosis of the advertising image*). Moscow. (In Russ.)].

Baumgart M. Die Sprache der Anzeigenwerbung. Eine linguistische Analyse-aktueller Werbeslogans. Obertshausen, 1992.

Brockhaus Enzyklopadie: in vierundzwanzig Banden. Mannheim, 1994. Bd. 24.

Bußman H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1990.

Duden. Das Herkunftsworterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Bd: Bibliographisches Institut AG, Mannheim, 1964.

УДК 81'42 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_98

О. С. Костарнова

старший преподаватель кафедры романских языков
Дипломатической академии МИД России,
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
o.potopalskaya@gmail.com

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ БЫТОВЫХ СКАЗКАХ

В статье рассматривается динамика развития гендерных ролей в современных бытовых итальянских и английских авторских сказках. Высказывается предположение, что с учетом трансформации современных реалий, современная бытовая сказка транслирует типичную расстановку гендерных ролей в обществе. Уделено внимание параметрам, значимым для конструирования гендера в языках исследуемых лингвокультур. На примере распределения социальных ролей в семье высказывается предположение о сохранении традиционных патриархатных отношений в современной семье с тенденцией к равноправию.

Ключевые слова: гендер; стереотипы; бытовая сказка; патриархатное общество; социальные роли.

O. S. Kostarnova

Senior Lecturer, Department of Romance Languages,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs;
Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University
o.potopalskaya@gmail.com

SPECIFICS OF THE OBJECTIVATION OF GENDER ROLES IN MODERN ENGLISH AND ITALIAN DOMESTIC TALES

The article explores the dynamics of the development of gender roles in modern English and Italian domestic tales. The author suggests that taking into account the transformation of modern realities a modern domestic tale shows the typical arrangement of gender roles in society. Particular attention is paid to the parameters significant for constructing gender in the languages under study. The division of social roles in the family make it possible to assume that there still exist the traditional patriarchal relations in the modern family where differences tend to be reduced.

Key words: gender; stereotypes; domestic tale; patriarchal society; social roles.

Введение

Бытовая сказка во все времена представляла интерес для исследователей – лингвистов, фольклористов, культурологов, литературоведов и других специалистов в области гуманитарного знания: А. Н. Афанасьев (1996); В. Я. Пропп (1928); А. И. Никифоров (1930); Ф. И. Буслаев (1861); Н. А. Кун (1922); A. Greimas (1966); J. Grimm (1812); W. Grimm (1812); Rodari (1920) и др. Это обусловлено тем обстоятельством, что бытовая сказка затрагивает жизненно важные для народа темы, такие как воспитание, становление личности, женитьба, в ней также проявляется система человеческих отношений и ценностных ориентиров. Кроме того, на материале сказки возможно наблюдать повседневную жизнь, упорядоченную социокультурными нормами, принятыми в обществе, в рамках которых каждый индивид строит свою частную деятельность во всем ее многообразии. «Приобретая знание об окружающей действительности, индивид учится видеть ее в типичности черт, воспринимаемых в качестве несомненных и очевидных, и строить типичные конструкты в соответствии с системой ценностей и интересов “мы-группы”, к которым можно отнести образ жизни, способ взаимодействия с окружающей средой» [Жигунова 2015, с. 59]. Бытовая сказка, как отражение базовых ценностей народа, его отношения к предназначению мужчины и женщины, к их месту в социальной среде, позволяет также судить о современной гендерной картине мира, содержащий бытовой аспект деятельности человека.

Под сказкой во всем ее жанровом многообразии традиционно понимаются «устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [Никифоров 1930, с. 7]. Жанр бытовой сказки отличается тесной связью с действительностью и бытом повседневности; герои бытовой сказки – обычные люди, не наделенные волшебными качествами, но обладающие внутренней силой и смекалкой. Однако «несмотря на бытовую обстановку, события вовсе не выдаются за действительные, они представляют собой художественный вымысел» [Пропп 2000, с. 287].

В настоящем исследовании под бытовой сказкой мы понимаем текст, возникший «в процессе переработки мифологических рассказов в новых исторических условиях» [Юдин 1998, с. 12], где мифологические

рассказы – это «особый, своеобразный жанр фольклора, заключающий в себе богатейший нравственно-этический, педагогический и художественный опыт народа» [Зиновьев 1987, с. 2]. Так, современная бытовая сказка транслирует базовые постулаты лингвокультуры через призму современности, адаптируя их к новым условиям и осовременивая их содержание. Мы считаем, что к базовым постулатам или нравственно-этическому опыту народа относятся, в частности, и гендерные отношения.

Мы полагаем целесообразным описать бытовую сказку с позиции теории литературных жанров, в которой тексты бытового содержания, отличающиеся вымышленными сюжетами и содержащие культурно и гендерно обусловленные конструкты, служат анализу гендерных ролей и их распределению в реальной жизни с учетом социальных отношений.

Материалом для данного исследования служат корпуса итальянских и английских авторских бытовых сказок, написанные за последние 20 лет, в период с 2000 по 2020 год.

Параметры, значимые для конструирования гендера

Считается, что к наиболее значимым социокультурным параметрам, влияющим на распределение гендерных ролей в обществе, относятся пол, возраст и социальный статус. Однако применительно к нашему материалу не менее важным параметром является бытовой аспект, под которым мы понимаем устройство бытовой среды, распределение бытовых обязанностей и ролей. Мы полагаем, что бытовой аспект находится в тесной взаимосвязи с культурой повседневности. «Культура повседневности включает организацию человеческих взаимоотношений, культуру общения и поведения, культуру ведения дискуссий, политическую культуру, культуру массовых коммуникаций, культуру ежедневного быта и др. Таким образом, исходным пунктом осмысления культуры повседневности является человек с соответствующим ему осознанием окружающего мира» [Рябова 2012, с. 103]. Бытовая сфера отличается максимальным участием женщин в процессе социализации и оформлении социальной среды. Это приводит к развитию гендерных ролей в соответствии с пониманием других параметров, значимых для исследования гендерного фактора.

В данной статье мы стремимся рассмотреть динамику развития гендерных ролей в современных бытовых английских и итальянских сказках с помощью методов контекстуального анализа и элементов дискурсивного анализа. Наше предположение состоит в том, что с учетом трансформации современных реалий, современная бытовая сказка транслирует типичную расстановку гендерных ролей в обществе.

Специфика представления гендерных ролей в итальянских сказках

Рассмотрим далее на конкретных примерах бытовой сказки динамику развития гендерных ролей. Например, в итальянской сказке «Le memorie di Adalberto» A. Nanetti 2011, как всегда было принято в итальянских семьях, дед главного героя – владелец и основатель фабрики, где работает его сын, и вместе они содержат семью. Мать главного героя не работает, воспитывает сына вместе с бабушками и тетями. В сказке прослеживается так называемый гендерный конфликт, основанный на традиционном распределении мужских и женских ролей в социуме. Гендерный конфликт в гендерной лингвистике трактуется как «взаимодействие или психологическое состояние, в основе которого лежит противоречивое восприятие гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей» [Словарь гендерных терминов 2002, с. 85]. Отец, уставший после работы, выражает свое недовольство тем, что его жена, по его мнению, слишком много времени тратит на познание себя и мало времени уделяет сыну. По его мнению, это признак феминизма.

> Ti puoi occupare di tuo figlio, invece di fare le sedute di autocoscienza. La femminista! – Ты можешь заниматься своим сыном вместо того, чтобы проходить курсы по самопознанию. Феминистка![1] (*A. Nanetti, Le memorie di Adalberto*).

Примечательно, что сын, пересказывая эмоции отца, говорит, что это слово встает у отца поперек горла, что говорит о резко отрицательном отношении к данному понятию у взрослого поколения.

> Quando dice questa parola, papà sembra cha la voglia ingoiare e che gli rimanga di traverso. “Se fossi una vera donna staresti a casa, non ti manca niente e sei

[1] Здесь и далее перевод наш. – *О. К.*

sempre insoddisfatta, lavoro per voi e tu non capisci niente…". – Когда он произносит это слово, папа выглядит так, будто хочет проглотить его, а оно встает поперек. «Если бы ты была настоящей женщиной, то была бы дома, у тебя всё есть, но ты вечно недовольна. Я работаю для вас, ты ничего не понимаешь» (*A. Nanetti, Le memorie di Adalberto*).

Его жена, в свою очередь, обвиняет мужа в постоянной работе, а также в его незаинтересованности в семье и в сыне.

Sei il solito maschio che non ha mai capito niente, ti occupi solo della fabbrica e noi per te esistiamo nemmeno, non ti importa niente di tuo figlio, lo fai solo per farmi dispetto… – Ты обычный мужчина, ты никогда ничего не понимал, ты занимаешься только фабрикой, а мы даже не существуем для тебя, тебе нет дела до сына, ты это делаешь просто чтобы насолить… (*там же*).

На примере данного фрагмента бытовой сказки мы видим, что роли распределены традиционно для патриархатного общества: мужчина занят работой, женщина – домом и детьми. Примечательно, что в итальянской сказке особое внимание уделяется также старшему поколению – бабушкам и дедушкам, которые принимают активное участие в делах семьи, что также свидетельствует об уважении и значимости традиций в итальянском обществе.

В другой современной итальянской сказке M. Dubini «C'è un lupo nel tablet!», повествующей о вреде излишнего увлечения девайсами[1], социальные роли распределены не так очевидно: оба родителя занимаются воспитанием ребенка, одинаково проводят свой досуг за девайсами. Однако традиционно женские занятия, такие как уборка и готовка, возложены на плечи мамы. Кроме того, в бытовых итальянских сказках замечена тенденция к описанию общего поведения, как мамы, так и папы, говоря о них в 3-м лице множественном числе, не выделяя, таким образом, никого из них.

Quando ero piccolo, la mia mamma e il mio papa mi leggevano una storia ogni sera prima di andare a letto. – Когда я был маленьким, мама и папа читали мне рассказы каждый вечер перед тем, как я ложился спать (*M. Dubini, C'è un lupo nel tablet!*).

[1] Встречается также менее частотный вариант *дивайс*.

Vogliono sempre che li stia ad ascoltare. Anche se loro, invece, non mi ascoltano mai. – Они всегда хотят, чтобы я их слушал. Даже если они сами никогда меня не слушают (*M. Dubini, C'è un lupo nel tablet!*).

Мы полагаем, что такой феномен может говорить о равноправии мужчин и женщин в семье в вопросах воспитания детей.

Таким образом, на основе изученных нами современных бытовых сказок на итальянском языке можно судить о традиционном патриархатном распределении ролей в семье с тенденцией к равноправию. Напомним, в упомянутых выше сказках мужчины (папа и дедушка) работают на фабрике, мама и тети занимаются воспитанием детей дома, однако папа принимает участие в воспитании после работы. В другой сказке ребенок говорит о родителях как об одном целом, он противопоставляет свои проблемы родительскому контрою и воспитанию, не выделяя никого конкретно.

Специфика представления гендерных ролей в английских сказках

В английских сказках, посвященных такому злободневному для Англии явлению как миграция, социальные роли в семье распределены равномерно. Например, в сказке L. Jones «The book keeper» оба родителя работают, чтобы прокормить семью.

His father worked as a waiter, his mother was a part-time cleaner. In Bangladesh they had been successful farmers and businesspeople, but it was hard to find good jobs in Britain. – Его отец работал официантом, его мать работала уборщицей неполный рабочий день. В Бангладеш они были успешными фермерами и вели бизнес, но в Британии было трудно найти хорошую работу (*L. Jones, The book keeper*).

Воспитанием в таких семьях также занимаются оба родителя. Похожее распределение социальных ролей прослеживается в сказке H. Bilney «A Good Friend».

Although Yasin was very nervous about going to school, his father and mother assured him that it would be a fun place where he would meet lots of new friends and learn lots of interesting new things. – Хотя Ясин очень нервничал по поводу похода в школу, его отец и мать заверили его, что это будет забавное место, где он встретит много новых друзей и узнает много нового и интересного (*H. Bilney, A Good Friend*).

Подобные примеры еще раз подчеркивают значимость отмеченных нами социокультурных параметров, влияющих на распределение гендерных ролей в обществе, а именно: пол, возраст, социальный статус, бытовой аспект.

Кроме того, распределение социальных ролей происходит в процессе взаимодействия с окружающей средой и напрямую зависит от географии и сферы деятельности. Реализация социальных ролей тесно связана с ожиданиями общества, а также с социальными нормами, диктующими правила выполнения этой роли.

Применительно к бытовой сказке эти параметры приобретают методологическое значение. На них строятся гендерные стереотипы и происходит распространение социальных ролей.

Необходимо также подчеркнуть, что человек попадает в социальную среду параллельно взаимодействуя со всеми членами семьи. Будучи неотъемлемой частью общества, семья принимает на себя социальные роли и их реализацию, воспитывая человека с самого юного возраста. На протяжении всей жизни происходит постоянная корректировка модели поведения индивида, которая переходит из открытой вербальной формы, осуществляемой через замечания и воспитание, в закрытую, невербальную, реализуемую посредством наблюдения, сравнения и рефлексии. Очевидно, что паттерны, или модели поведения, усвоенные в детстве, сопровождают человека на протяжении всей жизни и влияют на него и, соответственно, на общество в целом. Важно, что противоречия между уже усвоенными паттернами и увиденными в бытовой сказке обычно отсутствуют. Это обстоятельство дает возможность рассматривать бытовую сказку как инструмент формирования гендерной картины мира.

Так, основной моделью социального общества в течение долгого времени была семья, и ценности и распределение гендерных ролей и обязанностей закладывались в подсознании представителей подрастающего поколения, которые, в свою очередь, ретранслировали ранее усвоенные установки в своей дальнейшей жизни. Ценности передавались из поколения в поколение на примере поучительных историй из жизни, нередко сопровождаемых артефактами волшебного свойства, например, волшебными зеркалами, необычными монетами, метлами, мешочками, клубками ниток и многим другим. С появлением альтернативных каналов передачи информации,

в частности телевидения, социальных сетей и развлекательных интернет-порталов, мы наблюдаем существенный сдвиг в ценностной системе общества, который не может не отразиться на системе воспитания и подбора обучающей литературы, отвечающей требованиям современности. Так, например, в английских сказках последних лет активно поднимается проблема миграции. Главные герои, как правило маленькие дети, переехавшие в Англию из других стран, сталкиваются со сложной задачей: ассимилироваться в чужой стране и сохранить свою самобытность. Дети чувствуют себя другими, выделяются, терпят насмешки окружающих и доказывают свое право на жизнь в Англии.

Заключение

Таким образом, бытовая сказка, как выражение культуры повседневности, затрагивает различные сферы жизни. На основе изученного материала мы считаем возможным выделить следующие гендерно значимые области: семья, профессия, быт, воспитание, экология, миграция, дружба, вражда, надежда, ум, хитрость, сила. Примечательно, что несмотря на несовпадение религий у народов изучаемых сказок, в частности в английских сказках о мигрантах, данная тема затрагивается во многих произведениях, подчеркивая значимость религии в современном мире, не выделяя и не противопоставляя, а как будто знакомя читателя с миром и культурой.

В современной бытовой сказке сочетаются традиция и современность, отвечающие актуальным требованиям общества с опорой на вечные ценности и постулаты. Кроме того, сходство затрагиваемых тем по языкам дает основание говорить о типизации гендерных проявлений. Изученный нами материал свидетельствует о сохранении патриархатных отношений в современной семье, предполагающих, однако, равноправное распределение социальных ролей в быту. Особенно ярко это проявляется в итальянских сказках, где большая семья с многочисленными родственниками является одним из наиболее распространенных стереотипов об этой стране, в то время как английская сказка в силу влияния мигрирующих народов транслирует равноправие, где оба родителя вынуждены совмещать работу и воспитание детей, чтобы занять свою нишу в новой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Жигунова Г. В. Повседневность как социальный феномен // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 8 С. 56–71. [Zhigunova, G. V. (2015). Povsednevnost' kak social'nyj fenomen (Everyday life as a social phenomenon). *Sovremennye issledovanija social'nyh problem, 8*, 56–71. (In Russ.)].

Зиновьев В. Г. Мифологическое рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. [Zinov'ev, V. G. (1987). Mifologicheskoe rasskazy russkogo naselenija Vostochnoj Sibiri (*Mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia*). Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)].

Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители / Вступ. ст. к сб.: Капица О. И. Русские народные сказки. М., Л., 1930. С. 7–55. [Nikiforov, A. I. (1930). Skazka, ee bytovanie i nositeli (*Fairy tale: its existence and its carriers*). In Kapica, O. I., Russkie narodnye skazki (pp. 7–55). Moscow, Leningrad. (In Russ.)].

Пропп В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. [Propp, V. YA. (2000). Russkaya skazka (*The Russian Folktale*). Moscow. (In Russ.)].

Рябова М. Ю. Знаковость дискурса повседневности // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21. С. 103–110. [Rjabova, M. Ju. (2012). Znakovost' diskursa povsednevnosti (Significance of the discourse of everyday life). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 21*, 103–110. (In Russ.)].

Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой М. : Информация XXI век, 2002. [Denisovoj, A. A. (ed.) (2002), Slovar' gendernyh terminov. (2002). *Dictionary of gender terms.* pod red. Moscow. (In Russ.)].

Юдин Ю. И. Русская народная бытовая сказка. М. : Академия, 1998. [Judin, Ju. I. (1998). Russkaja narodnaja bytovaja skazka. (*Russian folktale*). Moscow: Akademija. (In Russ.)].

Bilney H. Awesome Stories Morrisville: Lulu Publishers, 2012.

Dubini M. C'è un lupo nel tablet! Milano: Mondadori Libri S.p.A., 2018.

Jones L. The Book Keeper. URL : exreading.wordpress.com/2018/11/18/the-book-keeper.htm (дата обращения: 10.03.2020)

Nanetti A. Le memorie di Adalberto. Milano: Giunti Editore S.p.A., 2011.

УДК 81.34 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_107

К. С. Куликова

кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

xenia_kulikova@inbox.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗИЯНИЯ НА СТЫКАХ МОРФЕМ И СЛОВ НОСИТЕЛЯМИ БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Механизмы фонетических процессов, происходящих вследствие взаимодействия звуков речи, открывают широкие возможности для исследования. Анализ речевых модификаций, представленных в любом мировом языке, помогает усвоить фонетические явления и выявить причины и характерные тенденции изменений, которые в нем происходят, а также способствует улучшению фонетических коммуникативных навыков.

Ключевые слова: фонетические процессы; фонетические стратегии; слитная речь; зияние; связующий r; эпентеза.

K. S. Kulikova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of English Phonetics, Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University

xenia_kulikova@inbox.ru

HIATUS AT MORPHEME- AND WORD-JUNCTIONS AS IMPLEMENTED BY BRITISH NATIVE SPEAKERS

The mechanisms of phonetic processes occurring due to the interaction of speech sounds open up ample opportunities for research. Analysis of speech modifications, widely represented in any world language, provides a deeper understanding of phonetic phenomena and helps identify the causes and characteristics of changes occurring in it, as well as contributes to improvement in phonetic communication skills.

Key words: phonetic processes; phonetic strategies; spoken speech; hiatus; linking r; epenthesis.

Введение

Человеческая речь представляет собой уникальный, комплексный и крайне изменчивый процесс, поскольку из-за собственно физиологической природы речевых органов ни один звук не может быть

CC BY

артикулирован идентичным образом. Будучи импровизированной и зависимой от ситуации, а также в силу исторического развития и по той причине, что звуки не произносятся изолированно, а естественным образом связаны друг с другом и влияют друг на друга, живая речь содержит значительное количество звуковых комбинаций и модификаций. Глубокие причины этого лежат в принципе удобства произнесения, сформулированном известным французским лингвистом Андре Мартине [Мартине 2006]. Согласно этому принципу, языковые единицы и структуры со временем упрощаются, чтобы коммуникация протекала быстрее и продуктивнее. Речевая вариативность также обусловлена физиологическими и биомеханическими факторами (работой мозга и самим устройством речевых органов, являющимися основой процесса речи) и системными взаимоотношениями звуковых единиц. Наконец, речевые модификации обусловлены исторической эволюцией языка и не в последнюю очередь зависят от выбора говорящего. Данный процесс, конечно, является естественным и интуитивным и требует минимальных сознательных усилий. Именно различные фонетические процессы живой речи придают ей аутентичность и естественность [Шевченко 2005; Безрукая 2009].

Таким образом, спонтанное говорение приобретает целый ряд специфических фонологических и фонетических черт, и изучение этих особенностей представляет огромный интерес как с научной, так и с практической точек зрения. Наиболее «ценной» для исследователя фонетической информацией являются данные о разнообразных фонемных комплексах, существующих в речи, а именно, данные о закономерностях последовательности и сочетаемости фонем в таких комплексах и о взаимодействии отдельных элементов этих сочетаний [Goldman-Eisler 1968; Schiller, Meyer 2003].

Английская спонтанная речь, находящаяся в фокусе непосредственно данного исследования, характеризуется достаточно большим количеством модификаций звукового строя. Изучение различных фонетических процессов, протекающих в ней в пределах морфем и особенно на их границах, особенно важно как с научной, так и практической точек зрения. Детальное рассмотрение данных вопросов:

1) расширит знания о фонетических процессах, так важных для порождения и понимания англоязычной речи, ведь они происходят именно на стыках лексических единиц и, следовательно, несут для слушателя важнейшую фонетическую информацию;

2) поможет изучающим английский язык определиться с выбором фонетической стратегии при артикуляции различных звуковых сочетаний для достижения наилучшего результата с точки зрения произносительных коммуникативных навыков.

В то же время нельзя сказать, что в современной научной литературе исследования тех или иных фонетических явлений, имеющих место на границах морфем и слов в слитной англоязычной речи, получили всестороннее освещение. В соответствии с вышесказанным, автором данной статьи был проведен эксперимент с целью анализа фонетических процессов, происходящих при артикуляции зияния гласных (как частного случая сочетания фонем на границах слов) в рамках произносительной нормы Великобритании), а точнее, фонетических стратегий, которые применяются в данном случае носителями языка (здесь следует подчеркнуть, что, говоря о носителях языка, имеется в виду неосознанный выбор).

Зиянием (*hiatus*) называют стечение двух, а иногда и более гласных звуков внутри слова в соседних слогах (внутреннее зияние – *foliage*, *poetry*) или на стыке слов (внешнее зияние – *Do I? How are you?*). В большинстве своем индоевропейские языки (в частности, французский, русский и английский) характеризуются низким уровнем терпимости к зиянию – такие комбинации считаются диссонирующими с эстетической точки зрения, с более прагматической противоречат принципу удобства произнесения, а в некоторых случаях способны затруднять понимание сказанного, иными словами, мешают правильной интерпретации звукового сигнала.

Связывание звуков в речи должно происходить беспрепятственно, и говорящие обычно устраняют зияние путем перефразирования; впрочем, возможности перефразирования в конкретном языке могут быть ограничены. В частности, из-за семантической структуры английского языка перефразирование не всегда возможно, так как порядок слов в нем фиксирован, и перемена мест может превратить подлежащее в дополнение или одну часть речи в другую – *A boy caught a fish* и *A fish caught a boy*. Кроме того, многие часто используемые грамматические конструкции английского языка подразумевают зияние, например, *Do I?*, поскольку большинство видовременных форм в английском являются аналитическими, и невозможно построить такие высказывания другим способом. Если говорить о непосредственно

фонетических средствах, чаще всего применяются такие способы, как элизия (пропуск) одного или нескольких гласных, эпентеза (вставка) пазвука или согласного звука, слияние и т. д. Отметим, что данные способы и возможности их применения также варьируются от языка к языку [Jones 2003; Wells 2003; Куликова 2017].

Еще одной фонетической стратегией в случае зияния гласных является так называемый связующий /r/ (linking r). Литературная произносительная норма Великобритании (BBC English) – безэрный вариант английского языка, то есть в отдельных словах перед согласными и в финальной позиции звук /r/ не произносится, за исключением интервокальной позиции, однако в связанной речи он может появиться, когда предыдущее слово заканчивается на /r/ (которому зачастую предшествует гласный звук), а следующее слово начинается с гласной – к примеру, комбинация *far away* в связной речи может быть артикулирована как [fɑːrəweɪ] и т. д. Связующий /r/ встречается и в других безэрных вариантах английского языка, например, в большей части Англии и Уэльса или в некоторых регионах США.

Однако связующий /r/ имеет свои особенности, и одна из них заключается в том, что он не является обязательным, поэтому очень многие говорящие, как носители языка, так и изучающие язык, не применяют в своей речи данную стратегию в случае «зияющих» сочетаний. Важно и то, что связующий /r/ появляется только если следующее слово принадлежит той же смысловой группе и не отделено паузой. Наконец, в некоторых выражениях, существующих в английском языке, связующий /r/ не может употребляться по объективным причинам – сравним *Dr Adcliffe* и *Dr Radcliff*.

В английской речи существует и такое явление, как интрузивный /r/ (intrusive *r*) – звук вставляется между словами, несмотря на отсутствие в орфографии буквы *r* или сочетания *re* (это фонетическое явление, опять же, относится к безэрным акцентам), Примером таких сочетаний может служить *China and India* [‘tʃaɪnər ən ‘ɪndɪə] [Halle, Idsardi 1997; Heselwood 2006; Mompeán-González, Mompeán-Guillamón 2009; Куликова 2017].

Методология

Для определения фонетических стратегий, наиболее часто используемых носителями языка для гармоничного связывания в случае

зияния гласных на стыках слов (с целью дальнейшего применения полученных результатов, в частности, при обучении теоретической и практической фонетике английского языка для улучшения перцептивных и артикуляционных навыков обучающихся), был проведен эксперимент на основе BBC English.

Для исследования слитной речи британцев, являющихся носителями BBC English, было отобрано 25 дикторов обоих полов с примерным сохранением гендерного баланса, проживающих в Лондоне и получающих либо имеющих высшее образование в гуманитарных и прикладных областях; возраст дикторов составляет 20, 30, 40, 50 и 60 лет (по пять человек в каждой возрастной группе). Для того чтобы материал исследования был обширным и достаточно однородным, всем дикторам было сначала предложено прочесть по отрывку из «Джен Эйр» Шарлотты Бронте, «Торговца пушками» Хью Лори, а также англоязычного перевода «Башни Ласточки» Анджея Сапковского, а затем предложена беседа на свободную тему. Все беседы проводились в аналогичных условиях, комфортных для участников эксперимента, что способствовало спонтанности и естественности речи. О целях исследования заранее не сообщалось, дабы избежать возможной гиперкоррекции речи при чтении и во время беседы. Материалом для дальнейшего акустического анализа послужили выделенные из полученных высказываний сочетания лексических единиц, представляющие интерес с точки зрения зияния гласных, имеющих место на стыках данных единиц или внутри морфем. Отсегментированные образцы были подвергнуты обработке новейшими компьютерными программами – «Sony Sound Forge», «Rosegarden» и «Adobe Audition».

Принадлежность речи говорящих к литературной орфоэпической норме Великобритании определялась профессиональными преподавателями-фонетистами Лондонского университета и Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) в соответствии с классификацией фонетических особенностей BBC English, указанной в специализированной фонетической литературе [Васильев, Катанская 2017; Crystal 2019]. Незначительные фоновые шумы были отфильтрованы с помощью программного обеспечения для профессионального редактирования звукозаписей «Adobe Audition». Для подсчета статистики был использован пакет «Microsoft Office Excel».

Результаты и дискуссия

Проведенный эксперимент позволил установить, что в целом эпентеза оказывается более популярной фонетической стратегией при связывании в сочетаниях с зиянием гласных, удерживая процентный перевес во всех возрастных группах (рис. 1). Следует отметить: статистический анализ выявил, что разница между показателями при чтении и в слитной речи является статистически нерелевантной. Очевидно, более важную роль в выборе той или иной фонетической стратегии связывания играют скорее физиологические особенности строения речевого аппарата, а также специфические речевые привычки и предпочтения человека, нежели определенный фоностиль.

Итак, для гармоничного связывания слов говорящие вставляли аппроксимант /w/ (*Do I have to?*, *you all have to*, *Who are you?*, *they chose to go early*) или /j/ (*my Aunt*, *Lucy is*, *wee hours*, *Joseph and Mary are*); некоторые фонетисты называют эти звуки также пазвуками, по аналогии со *schwa* – нейтральным звуком /ə/. Необходимо отметить, что люди, для которых английский язык не является родным, должны в таких случаях стараться естественным образом связывать гласные в устной речи, следя за тем, чтобы вставленный пазвук не превращался в полноценный звук, создавая таким образом, к примеру, сочетание **Do why* вместо *Do I*.

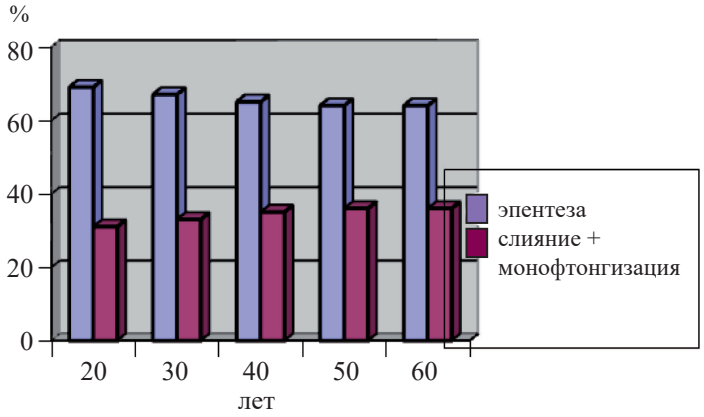


Рис. 1. Выбор носителей языка в пользу эпентезы или слияния + монофтонгизации в качестве фонетической стратегии при связывании в зияющих сочетаниях

В случаях, когда внутри морфем за дифтонгом следует нейтральный звук (в некоторых источниках такие комбинации принято называть «трифтонгами», но этот термин признается не всеми авторами), говорящие употребляли те же *j-schwa* и *w-schwa*, чтобы создать плавное соединение – *liar* ['laɪə], *towers* ['taʊəz], *flour* ['flaʊə] и т. д.

Также в речи говорящих английские дифтонги в «зияющих» сочетаниях подвергались монофтонгизации, или «сглаживанию», скольжение опускалось, ядро немного удлинялось, и следующий нейтральный звук образовывал дифтонг с тем, что являлось предыдущим монофтонгом, а зачастую и этот вновь образованный дифтонг сам был монофтонгизирован, например в изоляции слово *our* произносится [aʊə], но в связной речи дикторов оно было артикулировано как [aə] или как монофтонг [ɑ:], *fire* ['faɪə] было сокращено до [faə] или [fɑ•], сочетание *wear every* превратилось в [wevri], *met Linda in the park* в [met lɪndinðə pɑ:k], а комбинация *Why are you* произносилась [wɑ•ju]. Здесь вновь необходимо обратить внимание изучающих английский язык на то, что произнесение *fee* вместо *fear* или *tea* вместо *tear* приводит к появлению заметного акцента. Примечательно также, что слияние и последующая монофтонгизация употреблялись чаще в тех лексических единицах, которые не несли на себе фразового ударения.

Что касается таких сочетаний, как *the floor is covered*, *her father is a coroner* и др., то чаще использовался *j-schwa*, нежели связующий /r/. Зачастую в комбинациях, где предыдущее слово оканчивалось на сочетание /r/ + /ə/, а следующее слово начиналось с гласной, вместо связующего /r/ дикторы использовали слияние, например, *Sandra and kids* [sændrən kɪdz]. Интрузивный /r/ можно было услышать в ограниченных случаях в таких фразах, как *law and order* [lɔ:r ən ‘ɔ:də], *the idea of* [ði aɪ'dɪər əv] и др. Причина тому, что говорящие мало прибегали к данной фонетической стратегии, следующая: подобные сочетания нежелательны в британской литературной норме, поскольку *the law of the sea* должно отличаться от *the lore of the sea*.

Кроме того, по возрастным группам прослеживается тенденция к снижению количества реализуемых случаев связующего и интрузивного /r/ (см. табл. 1).

В данном случае причиной могут выступать несколько факторов: во-первых, темп речи представителей более молодого поколения

ускорен по сравнению с темпом речи дикторов старших возрастных групп. Это связано с физиологическими (в частности, ослаблением мышц, обеспечивающих тонкую моторику) и психологическими особенностями, приобретенными в силу возрастных изменений; во-вторых, наиболее широкое распространение языковые модификации получают опять же в речи молодежи – данная возрастная группа является проводником инноваций.

Таблица 1

Выбор носителей языка в пользу той или иной фонетической стратегии при связывании в зияющих сочетаниях (% от всех выделенных в речи случаев, предполагающих данное сочетание)

Возрастная группа	Эпентеза	Слияние + монофтонгизация	Связующий /r/ (в %)	Интрузивный /r/ (в %)
20	69	31	80	20
30	67	33	81	19
40	65	35	81	19
50	64	36	83	17
60	64	36	86	16

Выводы

Знание о закономерностях и способах сочетания фонем в конкретном языке в принципе помогает изучающим устранять коммуникативные препятствия не только с точки зрения правильных перцептивных и артикуляционных навыков, но и с точки зрения социального престижа и всестороннего интеллектуального, культурологического и духовного развития. Умение определить и выбрать, в частности, наиболее подходящую фонетическую стратегию связывания в различных сочетаниях с зиянием гласных является, в первую очередь, ценным языковым навыком для обучающихся, а также представляет несомненный интерес для лингвистов и преподавателей фонетики английского языка, поскольку теоретическая база знаний, использующихся

для обучения практическим навыкам, должна быть наиболее полной и подробной.

Используя в своей речи те модификации, которые применяют носители языка, студенты смогут значительно улучшить свои произносительные навыки, придав тем самым речи непринужденность, приобрести уверенность в своих языковых компетенциях, необходимую для успешного овладения языком, и таким образом с большей легкостью адаптироваться в естественной языковой среде. Повышение уровня фонетической компетенции на таком сложном и многогранном уровне, несомненно, будет прорывом в профессиональной деятельности каждого лингвиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Безрукая А. Н. Лексико-семантические и фонетические манифестации языковой вариативности (на материале английского языка Великобритании, США и Канады): дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2009. [Bezrukaya, A. N. (2019). Leksiko-semanticheskiye i foneticheskiye manifestatsii yazykovoy variativnosti (na materiale angliyskogo yazyka Velikobritanii, SSHA i Kanady) (*Lexico-semantic and phonetic manifestations of linguistic variability* (*based on the English language of Great Britain, USA and Canada*)): PhD in Philology. Belgorod. (In Russ.)].

Васильев В. А., Катанская А. Р. Фонетика английского языка: Практический курс. М.: Высшая школа, 2017. [Vasilyev, V. A., Katanskaya A. R. (2017). Fonetika angliyskogo yazyka: Prakticheskiy kurs (*Phonetics of the English Language: A Practical Course*). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].

Куликова К. С. Фонетические процессы в слитной речи: учебное пособие. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2017. [Kulikova, K. S. (2017). Foneticheskiye protsessy v slitnoy rechi (*Phonetic processes in spoken speech*). Textbook. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)].

Мартине А. Механизмы фонетических изменений: проблемы диахронической фонологии. М.: УРСС, 2006. [Martinet, A. (2006). Mekhanizmy foneticheskikh izmeneniy: Problemy diakhronicheskoy fonologii (*Mechanisms of Phonetic Changes: Problems of Diachronic Phonology*). Moscow: URSS. (In Russ.)].

Шевченко Т. И. Современное английское произношение: формы и факторы развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2005. Вып. 507. С. 202–210. [Shevchenko, T. I. (2005). Modern English pronunciation: forms and factors of development. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 507*, 202–210. (In Russ.)].

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Bangor: University of Wales, 2019.

Goldman-Eisler F. Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech. London: Academic Press, 1968.

Halle M., Idsardi W. /r/, hypercorrection, and the Elsewhere Condition. In Roca, Iggy (ed.). Derivations and Constraints in phonology. Oxford: OUP, 1997.

Heselwood B. Final schwa and R-sandhi in RP English. Leeds Working Papers in Linguistics and Phonetics. 2006. Vol. 11. Pp. 78–95.

Mompeán-González J. A., Mompeán-Guillamón P. /r/-liaison in English: An empirical study. Cognitive Linguistics. 2009. Vol. 20(4). Pp. 733–776.

Schiller N. O., Meyer A. S. Phonetics and phonology in language comprehension and production: differences and similarities. New York: Mouton de Gruyter, 2003.

Jones D. English Pronouncing Dictionary. Cambridge: CUP, 2003.

Wells J. C. Longman Pronunciation dictionary. Essex: Longman: Pearson Education Ltd, 2003.

УДК 81.42 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_117

А. В. Леонтьева

старший преподаватель
кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
lentevanja27@gmail.com

ПОЛИМОДАЛЬНАЯ СМЕНА ПЕРСПЕКТИВЫ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ[1]

Автор исследует перспективизацию в аргументативном дискурсе на материале англоязычных выступлений в суде. Смена перспективы рассматривается как полимодальное когнитивное явление, проявляющееся как в вербальной, так и в невербальной (жестовой) модальностях. В прагматическом плане, перспективизация трактуется в работе как тактика, используемая юристами в суде и реализуемая с помощью жестов, синхронизированных с языковыми средствами.

Ключевые слова: полимодальность; жесты; аргументация; тактика; смена перспективы; судебный дискурс.

A. V. Leontyieva

Senior Lecturer, Department of English Phonetics,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University
e-mail: lentevanja27@gmail.com

MULTIMODAL VIEWPOINT SHIFTS IN COURTROOM DISCOURSE

The author analyses viewpoint in argumentation, taking American English courtroom discourse as an example. Change of perspective is explored as a multimodal cognitive phenomenon which is realized both in verbal and non-verbal (gestural) modalities. At the pragmatic level, shifts of viewpoint are investigated as tactics realized by lawyers in court with the help of gestures that co-occur with language means.

Key words: multimodality; gestures; argumentation; tactics; viewpoint shifts; courtroom discourse.

Введение

В настоящее время развитию лингвистики способствует растущий интерес исследователей к различным социальным явлениям и сферам

[1] Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Минобрнауки России (№ АААА-А20-120071690041-3).

CC BY

жизни людей. Язык рассматривается уже не в отрыве от общества и его организации, а в социальных (в том числе профессиональных) контекстах его употребления. В статье мы рассматриваем такое когнитивное явление, как смена перспективы и средства ее реализации в судебном дискурсе.

Судебный дискурс является весьма сложной и конвенционализированной формой коммуникации, что связано с институциональной спецификой: судебные процессы требуют высокой степени организации, отличаются своей регламентированностью и состоят из нескольких этапов.

Отметим, что в последнее время отмечается рост интереса лингвистов к судебному дискурсу, особенно к тактико-стратегическому поведению участников процесса, которые рассматривались в работах Дж. Коттерилл (2003), Ф. Х. Йемерена и П. Хаутлоссера (2011), а также Э. Ш. Никифорой (2012, 2013, 2014). Отмечается, что неотъемлемой частью данного типа дискурса являются аргументативные стратегии, что связано с основной задачей участников судебного процесса доказать вину или невиновность подсудимого, убедить судей или присяжных принять сторону защиты или обвинения. Исследуя аргументативное поведение говорящих, большинство исследователей обращаются к анализу языковых средств как единиц, реализующих те или иные прагматические функции. Вместе с тем, как отмечается в ряде работ, в основе коммуникативных стратегий лежат определенные когнитивные процессы и механизмы, что позволяет рассматривать стратегии и тактики не столько как сугубо лингвопрагматические, но и как когнитивно-прагматические явления [Иссерс 2006; Ирисханова 2014; Pascual 2014]. Данная методологическая установка важна для нашей работы минимум в двух аспектах: во-первых, когнитивная трактовка тактико-стратегического поведения говорящего позволяет допустить, что за коммуникативными действиями стоят универсальные механизмы обработки информации, в том числе перспективизация. Во-вторых, данный механизм, как показали многочисленные когнитивные работы, не ограничивается языком, а выходит в иные модальности, сопровождающие речь, в том числе в жестовую модальность.

Соответственно, в данной работе перспективизация рассматривается как стратегия, а смена перспективы – как тактика, которая используется адвокатами и прокурорами во время своих выступлений. Под тактикой мы понимаем такие действия, которые способствуют

реализации стратегии говорящего; под стратегией понимается вся совокупность таких действий, которая направлена на разрешение коммуникативной задачи говорящего [Иссерс 2006]. Коммуникативной задачей говорящего в зале суда является убеждение слушающих в виновности или невиновности подсудимого.

В настоящей работе тактика смены перспективы рассматривается в рамках полимодального подхода, то есть с учетом взаимодействия вербальных и невербальных (жестовых) средств коммуникации.

Тактика смены перспективы

Способность к смене перспективы, как полагают Т. Зингер и К. Ламм, а также К. Гонсалез-Лиенкрез, является неотъемлемым свойством человека как биологического вида, для которого свойственны разные формы эмпатии – от мимикрии и эмоционального «заражения» до способности менять точку зрения [Singer, Lamm 2009; Gonzalez-Liencres, Shamay-Tsoory, Brüne 2013].

В когнитивной лингвистике перспектива рассматривается прежде всего как когнитивный механизм, в основе которого лежит конструирование некого события с помощью различных лексических и грамматических средств от лица говорящего [Dancygier, Sweetser 2012]. Конструирование происходит следующим образом: выбирается объект для наблюдения или изображения, ему задается ракурс (т. е. происходит выбор свойств предмета речи, на которых будет фокусироваться внимание говорящего), объект помещается в систему координат (т. е. происходит фиксация параметров контекста) и выбирается точка обзора и дистанция [Ирисханова 2013а; Ирисханова 2013б].

Под сменой перспективы в данной работе мы понимаем тактику, которая используется юристами в выступлениях. Данная тактика способствует построению нарратива и дает возможность представить события от лица различных участников, используя их «голоса». В ее основе лежат изменения в речи, маркеры, указывающие на смену перспективы говорящего [Sweetser 2012]. Цитаты, косвенная речь и смена местоимений описываются в работах Д. Таннен (1989), У. Лабова (1972), Ч. Гудуин (2007) и К. Чаемсейтонг (2018). Отметим, что, как показал анализ выступлений в суде, данные языковые маркеры наблюдаются и в данном типе дискурса.

Рассмотрим примеры из материала исследования. Начнем с цитат, как одних из основных маркеров смены перспективы. Из-за отсутствия предупреждения о смене лица от третьего к первому (ср. в письменной речи читатель видит кавычки, которые указывают на смену лица, от которого идет повествование), такой переход получается более резким и неожиданным для слушателей. Наблюдатели сильнее и глубже погружаются в описываемую выступающим ситуацию, что также работает на эффект эмпатии:

> Shortly after the marriage Brenda began to realize "*Boy, I have made a mistake*"[1].

В приведенном примере выступающий говорит от лица потерпевшей, Бренды, которая подверглась нападению со стороны своего бывшего мужа. Вследствие пережитого нападения жертва потеряла память, и поэтому не может дать четкие показания. Однако прокурор готов «помочь» жертве и рассказывает о некоторых событиях прошлого от ее лица. В данном случае он характеризует ее отношения к браку с обвиняемым через некоторое время после свадьбы с помощью слова *mistake*, что указывает на сожаление о произошедшем. Эффект сожаления усиливается междометием *boy*. Сочетание обоих средств используется с целью вызвать сочувствие присяжных через передачу эмоционального состояния потрясения и отчаяния жертвы. Однако с помощью смены перспективы можно передавать не только эмоциональное состояние, но также излагать факты от лица участника событий для придания им достоверности. Так, в примере, взятом из речи прокурора по делу Моргана, используется косвенная речь, с помощью которой можно воссоздать диалог между Брендой и ее бывшим мужем:

> They wrote this into the divorce. Listen, if you're not working because you're hurt just give me two hundred dollars a month. When you go back to work that will go back to a thousand and since you'd be eight hundred dollars a month shy, just add in five hundred bucks a month[2].

В обоих примерах мы также можем наблюдать еще один маркер тактики – смену местоимений: *Brenda – she*; *they – you*. Такая смена указывает на смену роли выступающего и лица, от которого он говорит.

---

[1] URL: https://www.youtube.com/watch?v=8aQnsIfL9wA.
[2] Там же.

Жесты

Изучая смену перспективы, некоторые исследователи обращают внимание на полимодальный характер изменения перспективы [Sweetser 2012]. В частности, Д. МакНилл отмечает, что в процессе повествования рассказчик часто использует жесты героев повествования или с помощью мануальных жестов воссоздает действия и объекты [McNeill 1992].

В данной работе мы рассматриваем несколько типов жестов: репрезентирующие, рекуррентные (повторяющиеся) и указательные.

Репрезентирующие жесты, также известные как иконические, основаны на сходстве между движением рук и неким объектом, событием или действием, о котором идет речь [Ekman et al. 1969; Kendon 2004; Streeck 2008]. В выступлении по делу Креато[1] говорящий использует жест-действие, выступая в роли обвиняемого в момент его общения с полицией. Адвокат воссоздает сцену и берет на себя роль обвиняемого, который показывал полиции свой телефон, чтобы доказать свою невиновность (см. ил. 1). Жест в сочетании с маркером смены перспективы, цитатой, усиливает приводимые адвокатом доводы.

Ил. 1. (Getting on his *phone*) and saying, “Yeah, no, that is the spot (where I go to regularly)!” – (Берет свой телефон) и говорит: «Да, нет, это то место (куда я часто хожу)!»

Следующие жесты – рекуррентные – обладают практически неизменной формой и семантикой и повторяются у выступающих в разных контекстах [Ladewig 2011]. Рекуррентные жесты могут выполнять различные дискурсивные (усиление, презентация и структурирование дискурса) и прагматические функции (оценка и отношение). Рассмотрим пример употребления рекуррентного жеста. В выступлении по делу Моргана прокурор (см. ил. 2) использует жест с функцией

[1] URL: https://www.youtube.com/watch?v=vMve4nje8hw&t=303s.

Ил. 2. Hey, make sure you have Kylie ready to go at seven, I'll be there at seven! – Эй, сделай так, чтобы Кайли был готова к семи, я приеду к семи!

презентации дискурса: ладони расположены зеркально напротив друг друга. Жесты с функцией презентации дискурса подчеркивают факты или его фрагменты. Такие жесты часто используются для демонстрации точки зрения говорящего. Прокурор говорит от лица потерпевшей, которая обращается к подсудимому. Используемый жест имитирует жест обращения жертвы. Совокупность вербальной и невербальной составляющих воссоздает отрывок диалога между обвиняемым и жертвой и усиливает приводимые прокурором аргументы.

Последним типом жестов являются указательные жесты, которые обладают некоей точкой отсчета и дейктическим полем (включает в себя цель, адресата и говорящего). То, на что направлен жест, может как присутствовать, так и отсутствовать в поле зрения коммуникантов. В примере, взятом из выступления прокурора по делу Уилисса[1] (см. ил. 3), используется указательный жест. Прокурор говорит от лица одного из свидетелей, который опознал обвиняемого и подтвердил его причастие к преступлению. Говорящий имитирует жест свидетеля и воссоздает событие, во время которого была выявлена

Ил. 3. That's the guy! – Это тот парень!

[1] URL: https://www.youtube.com/watch?v=LznqhWK-bmI.

причастность обвиняемого, с помощью цитаты. Такая жестикуляция придает аргументам прокурора достоверность и способствует убеждению слушающих.

Материал и методы

Для исследования были отобраны восемь видеозаписей вступительных речей, взятых из уголовных процессов: 1) дело о перестрелке в клубе «Cloud 9»; 2) дело Дэвида Креато, обвиняемого в убийстве сына; 3) дело Джеффри Уиллиса, обвиняемого в похищении и убийстве человека; 4) дело Джо Каронны, обвиняемого в убийстве жены; 5) дело Адриана Лои, обвиняемого в убийстве первой степени Лизы Трубниковой, а также причинении тяжкого вреда ее супруге, Анне Трубниковой; 6) дело Дэвида Моргана, обвиняемого в попытке убийства бывшей жены; 7) дело Дэвида Мура, обвиняемого в похищении своей бывшей девушки; 8) дело Уильяма Вудворда, обвиняемого в двойном убийстве второй степени и попытке убийства соседей.

Средняя продолжительность каждого видео составляет около 25 минут, общее продолжительность всего полимодального корпуса – 6 часов 20 минут. Объем корпуса составил 49 584 словоупотреблений. Все видеозаписи взяты из интернет-портала «YouTube» и находятся в открытом доступе.

Нами был проведен анализ вербальной составляющей для выявления маркеров тактики смены перспективы: прямых цитат, косвенной речи и замены местоимений. Анализ невербальной составляющей был проведен с помощью специальной программы ELAN. В программе были заданы необходимые параметры (форма, характер и направление движения жеста) для анализа жестов по типу и функции в соответствии с методами, предложенными в работе Я. Брессем [Bressem 2003].

Результаты исследования

В процессе анализа было выявлено 114 случаев употребления тактики смены перспективы и жестов (рис. 1). Из них 94 случая приходится на выступления защиты и лишь 46 случаев – прокуроров, при этом общая длительность выступлений обвинения больше, чем выступлений защиты. Предположительно, бóльшая частотность реализации тактики смены перспективы в речи защиты может быть связана

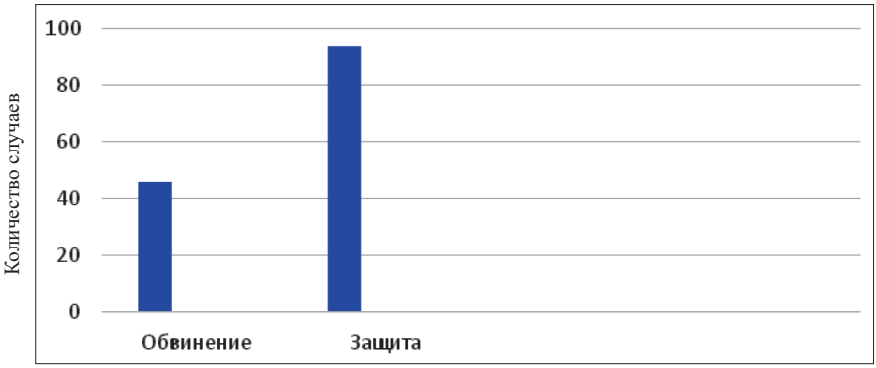


Рис. 1. Случаи реализации тактики смены перспективы в суде

с тем, что адвокат стремится представить доказательство с помощью «голосов» других людей, что указывает на использование апелляции к эмоциям слушателей, в то время как представители обвинения стремятся апеллировать к логике и рациональной составляющей.

Результаты также показали, что обвинение в основном использует цитирование подсудимого (13 случаев), свидетелей (10 случаев) и жертв (24 случая). Чаще всего используется перспектива жертв, что указывает на использование данной тактики с целью апеллирования к эмпатии и сопереживанию присяжных. В отличие от обвинения, защита чаще цитирует свидетелей и участников дела. Представители защиты говорят от лица полиции (8 случаев), обвиняемого (24 случая), обвинения (5 случаев), свидетелей (42 случая) и жертвы (1 случай). Примечательно, что адвокаты также используют безличные конструкции *you* / *someone* (9 случаев).

Как было отмечено выше, жесты также являются важной частью смены перспективы. Наиболее употребительными жестами при использовании данной тактики в речи юристов являются рекуррентные жесты (78 случаев). Анализ употребления репрезентативных (32 случаев) и указательных (30 случаев) жестов дал практически одинаковые показатели (рис. 2).

В процессе анализа было также выявлено, что в отдельных случаях смена перспективы может реализовываться только в жестовой модальности. Так, во фрагменте из выступления адвоката по делу

Ил. 4. And he points to the garage… – И он указывает на гараж…

Моргана говорящий ведет повествование о событиях в прошлом как сторонний наблюдатель (см. местоимение *he*). В то же время с помощью жестов он копирует действия подсудимого «от первого лица», выступая в роли участника событий (см. ил. 4). Такое воссоздание или разыгрывание действий и событий прошлого непосредственно перед присяжными способствует более наглядной аргументации.

Рис. 2. Типы жестов в судебном дискурсе

Заключение

В целом исследование показало, что в целях аргументации выступающие используют тактику смены перспективы, в основе которой лежит когнитивный механизм перспективизации. Под сменой

перспективы в данной работе понимаются определенные изменения в конструировании событий, происходящие относительно тех или иных параметров ситуации перспективизации (viewing arrangement) – наблюдателя, дистанции, ракурса, точки обзора. В нашем исследовании мы показываем, что смена перспективы может носить полимодальный характер, т. е. реализовываться как вербальными средствами (включением цитат, сменой временных форм, заменой местоимений третьего лица на первое, появление оценочных единиц и т. д.), так и невербальными средствами – жестами. В аргументативном дискурсе вступительных речей адвокатов и прокуроров частым приемом является цитирование жертвы или других участников событий для создания эффекта сопричастности или эмпатии. Данные фрагменты сопровождаются жестами перспективизации, которые могут обладать разными функциональными характеристиками. В частности, репрезентирующие и указательные жесты копируют действия подсудимого, тем самым меняя внешнюю точку обзора на внутреннюю и сокращая дистанцию между наблюдателем и объектом или превращая наблюдателя в участника событий – в убийцу или жертву. Рекуррентные жесты, которые наиболее часто встречаются в исследуемом материале, подчеркивают ту или иную реплику участников преступления, многократно выводя на первый план важные, с точки зрения говорящего, детали и способствуя эффекту наведения на событие (zoom-in) под нужным углом зрения. Таким образом, репрезентирующие, указательные и рекуррентные жесты, сопровождающие речь и служащие для реализации тактики смены перспективы, являются неотъемлемой частью аргументации в судебных выступлениях в американском суде, способствуя более наглядному представлению событий под соответствующим углом зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. [Issers, O. S. (2006). Communikativnie strategii i taktiki russkoj rechi (*Communicative strategies and tactics in the Russian language*). Moscow: KomKniga. (In Russ.)].

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования: Монография. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Iriskhanova, O. K. (2014). Igri focusa v yazike: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanya. (*The focus games in language: semantics, syntax*

and pragmatics of defocusing). Monograph. Moscow: Yaziki slavyanskoy kulturi. (In Russ.)].

Ирисханова О. К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике// Когнитивные исследования языка, 2013а. № 14. С. 43–58. [Iriskhanova, O. K. (2013). Issledovanije perspektivi v cognitivnoj lingvistike: problemi i zadachi. (The study of perspective in cognitive linguistics: problems and goals). *Cognitivnije issledovaniya yazika, 14*, 43–58. (In Russ.)]

Ирисханова О. К. Исследование перспективы в когнитивной лингвистике: проблемы и задачи // Когнитивные исследования языка. 2013б. № 14. С. 92–98 [Iriskhanova, O. K. (2013). O ponyatii perspektivizatsii vcognitivnoj lingvistike. (On the notion of perspective in cognitive linguistics). *Cognitivnije issledovaniya yazika, 14*, 92–98. (In Russ.)]

Bressem, J. A linguistic perspective on the notation of form features in gestures. Body – Language – Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbooks of Linguistics and Communication Science 38.1.). De Gruyter Mouton. 2003. Pp. 1079–1098.

Dancygier B., Sweetser E. Viewpoint in Language: A Multimodal Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Ekman P. et al. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // Semiotica, 1969. Vol. 1 (1). Pp. 49–98.

Gonzalez-Liencres C., Shamay-Tsoory S. G., Brüne M. Towards a neuroscience of empathy: Ontogeny, phylogeny, brain mechanisms, context and psychopathology // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2013. Vol. 37(8). Pp. 1537–1548.

Kendon A. Gesture: Visible Action as Utterance. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Ladewig S. Putting the cyclic gesture on a cognitive basis // CogniTextes. 2011. Vol. 6. URL: https://doi.org/10.4000/cognitextes.406

McNeill D. Hand and mind: what gestures reveal about thought. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.

Pascual E. Fictive Interaction: The Conversation Frame in Thought, Language, and Discourse. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2014.

Singer T., Lamm C. The social neuroscience of empathy. Annals of the New York Academy of Sciences 1156. 2009. Pp. 81–96.

Streeck J. Depicting by gesture// Gesture, 2008. Vol. 8 (3). Pp. 285–301.

Sweetser E. Introduction: Viewpoint and perspective in language and gesture, from the ground down. In Barbara Dancygier & Eve Sweetser (eds.), Viewpoint in language. A multimodal perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

УДК 81'42 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_128

Г. В. Манукян

преподаватель кафедры русского языка как иностранного подготовительного факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
05112002@mail.ru

КОНЦЕПТ «КРАСОТА» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

В статье рассматривается роль концепта «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Отбор репрезентантов осуществлялся посредством анализа текста романа и лексикографических данных, в результате чего было выделено пять тематических групп: «внешний вид человека», «нравственная красота», «духовная красота», «предметы», «природа: растительный и животный мир». Выдвинутая гипотеза – доминирование нравственной красоты – подтверждена.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»; концепт; тематические группы; ядро; приядерная зона; периферия.

G. V. Manukyan

Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language,
Preparatory Faculty, Financial University under the Government
of the Russian Federation
05112002@mail.ru

THE CONCEPT «BEAUTY» IN THE NOVEL BY F. M. DOSTOEVSKY «THE KARAMAZOV BROTHERS»

The article examines the functioning of the concept “beauty” in the novel by F. M. Dostoevsky “The Karamazov Brothers”. The selection of the representatives was carried out through the analysis of the lexicographic data and materials of the National Corpus of the Russian language. As a result the author identified 5 thematic groups: “human appearance”, “moral beauty”, “spiritual beauty”, “objects”, “nature: flora and fauna”. The hypothesis put forward – dominance of moral beauty – is confirmed.

Key words: “The Karamazov Brothers” by F. M. Dostoevsky; concept; thematic groups; nucleus; nucleus zone; periphery.

Введение

Утвердившаяся в последнее время в науке антропоцентрическая парадигма обусловила «интерес исследователей к анализу языка писателя» [Манукян 2020, с. 289]. На сегодняшний день, к сожалению,

нет научных работ, посвященных изучению репрезентации концепта «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В эстетике Ф. М. Достоевского в качестве центрального понятия выступает «красота». Писатель утверждал, что красота «есть необходимая потребность организма человеческого» [Достоевский 1978, т. 18, с. 94]. Главным отличием красоты Ф. М. Достоевского является ее нравственное начало, о чем говорит и Ю. В. Мещерякова: «подлинной красотой признается красота внутренняя» [Антология концептов 2005, с. 123].

Цель данной статьи – анализ концепта «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» для дальнейшего выявления ядра, приядерной зоны и периферии названного концепта. С этой целью были определены основные репрезентанты концепта «красота» в указанном произведении.

Определение понятия «художественный концепт»

Изучением концептов занимались такие ученые, как С. А. Аскольдов-Алексеев (1997), В. И. Карасик (2007), И. А. Стернин (2001, 2007), Е. С. Кубрякова (1994), В. А. Маслова (2006), З. Д. Попова (2001) и др. Проблема функционирования концепта в художественном произведении отражена в трудах В. П. Абрамова (2007), Н. Ф. Алефиренко (1998), Л. Г. Бабенко (2004), Н. С. Болотновой (2003), В. В. Виноградова (1980), Л. А. Новикова (1988) и др.

С. А. Аскольдов-Алексеев под художественным концептом понимает следующее: «Слово, не вызывая никаких “художественных образов” создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения, т. е. слово создает концепт. Концепт – акт, который намечает последующую обработку (анализ и синтез) конкретностей определенного рода; зародыш мысленной операции» [Аскольдов-Алексеев 1997, с. 269].

Лексикографическая репрезентация слова «красота»

В «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) у слова ***красота*** зафиксировано шесть значений: «1. Свойство, качество красивого, прекрасного. 2. Красивое, прекрасное. 3. Красивая внешность. 4. *Устар.* Красавица. 5. *Только мн.* Красивые места (в природе, в произведениях искусства). 6. *Простореч.* Как междометие,

выражающее восхищение, удовольствие» [Словарь современного русского литературного языка 1956, с. 1600–1601]. В других лексикографических источниках лексема *красота* имеет значения, схожие по своему семантическому наполнению с приведенными.

Репрезентация концепта «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Лексемы, образующие концепт «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», содержат общую сему «приятный», при этом отличаются друг от друга синтагматикой, эмоциональной окраской и тематической принадлежностью.

Главное размышление о красоте в романе принадлежит Дмитрию Карамазову. Старший из братьев называет красоту *страшной*, *ужасной* и *таинственной вещью*; он не может понять, как добрые и умные люди, начав идеалом Мадонны, заканчивают идеалом содомским, считает «что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой» (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*).

Репрезентанты концепта «красота» были объединены нами в тематические группы. В романе «Братья Карамазовы» было выделено пять тематических групп, раскрывающих концепт «красота»: «внешний вид человека», «нравственная красота», «духовная красота», «предметы», «природа: растительный и животный мир». При выделении тематических групп использовались текст романа, лексикографические данные и Национальный корпус русского языка для подтверждения количества словоупотреблений.

Внешний вид человека

Тематическая группа «внешний вид человека» является второй (после группы «нравственная красота») по количеству словоупотреблений – 27%. В данной группе выделен ряд подгрупп.

Описание внешности главных героев

Во внешности Дмитрия Карамазова отмечено несходство: выглядел он старше своих лет. Старший брат *был среднего роста, с приятным лицом и большими темными глазами*.

Подробного описания Ивана Карамазова Ф. М. Достоевский не дает.

Младший из братьев Карамазовых, Алексей Дмитриевич, *красив, средне-высокого роста, темнорус, с правильным, хотя несколько удлиненным овалом лица, с блестящими темносерыми, широко расставленными глазами, краснощек; статен, строен, пышет здоровьем.*

О красоте двух главных героинь в романе сказано следующее: образ Катерины Верховцевой является воплощением эталона красоты – госпожа Верховцева обладала *несравненной красотой*. Глаза Катерины Ивановны *большие черные горящие*, а губы – *прелестные.* При прорисовке же образа Грушеньки автор подчеркивает, что *ее красота подлинно русская, юношеская, летучая*. В отношении Грушеньки Ф. М. Достоевский употребляет эпитет *красивая,* при этом отмечая, что ее красота непримечательна, обыкновенна; Грушенька была *высокого роста*; *цвет лица – белый с бледно-розовым оттенком румянца*; особый акцент делается на волосах (*обильнейшие темно-русые*), бровях (*темные соболиные*), а также глазах (*прелестные серо-голубые*) и ресницах (*длинные*). Обе героини названы *красавицами*, однако данная номинация используется чаще в отношении Катерины Ивановна, которая также названа *благороднейшей девицей*.

Указание на здоровье, телосложение и физическую силу

О физической силе Дмитрия Карамазова сказано, что *рука* у Дмитрия Федоровича *богатырская.*

Отметим, что физическую силу сохранили и пожилые люди – служители церкви. В отношении отца Ферапонта употреблено прилагательное *сильный*, это старик, сохранивший *значительную силу* и имевший *атлетическое сложение.* Отец игумен также имеет *силу*, несмотря на свой возраст, его *волосы* всё еще *черного цвета*, он *высокого роста* и *худощавого телосложения*.

Характеристика человека с точки зрения императива его поведения

При встрече в монастыре произошел конфликт между двумя антиподами – Федором Павловичем, неоднократно названном на страницах романа *шутом*, и его родственником, братом первой жены Федора

Карамазова, Петром Александровичем Миусовым, умевшим держать себя в обществе. Словосочетание *прилично себя вести* использует в своей речи сначала глава семьи Карамазовых, говоря, что все дали слово *вести себя должным образом*, затем Петр Миусов, чувствуя себя виноватым, признается, что он боится с Федором Павловичем приходить *к порядочным людям.*

Говоря о влиянии Ивана Карамазова на отца, Ф. М. Достоевский отмечает, что Федор Павлович прислушивался к сыну, доказательством чего является изменение в его поведении – он стал *вести себя приличнее*.

Нравственная красота

Для Ф. М. Достоевского неделимым было единство трех составляющих «истина – добро – красота». Тематическая группа «нравственная красота» является самой объемной: на нее приходится 47% репрезентантов концепта «красота» от общего объема произведения.

Данная группа включает большое количество примеров, содержащих сему «искренне». Интересной для разбора видится сцена разговора старца Зосимы с г-жой Хохлаковой. Катерина Осиповна во время визита с дочерью Лизой к старцу Зосиме находилась в припадке *искреннего самобичевания*. Затем встречаем слова интересующей нас семантики уже в речи старца: старец Зосима спрашивает г-жу Хохлакову с какой целью она говорила с ним *искренне*, предполагая, что она делала это, чтобы заслужить его похвалу; г-жа Хохлакова признается, что действительно делала всё ради того, чтобы он похвалил ее *искренность*; после откровенного разговора с Катериной Осиповной старец верит, что она *искренна.*

В поучениях старца Зосимы, составленных с его слов Алексеем Карамазовым, четырежды встречаем лексему *искренний*, употребленную в краткой форме. Старец верит, что, несмотря на *искренность* и *ум*, человек неверующий не способен ничего сделать. Навести на новую мысль молодого человека способна, по мнению старца, молитва, если она будет *искренна.* Старец также считает, что, как только ты сам *искренно* сможешь себя осознать виноватым, взяв ответственность на себя, в тот же момент поймешь, что ты и есть виновник всего.

В речи Дмитрия Федоровича пять раз встречаются однокоренные слова *искренность* и *искренний* – в разговоре с Алексеем он использует указанные слова в отношении себя и Катерины Ивановны: в разгар

диалога Дмитрий Карамазов клянется, воскликнув *с искренним гневом на себя*, признавая себя хуже своей невесты, называя ее лучшие чувства *искренними, как у небесного ангела*. Дмитрий Федорович искренне говорит с братом: *а ведь искренен же я, искренен* (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*).

Образ Ивана Карамазова нельзя толковать однозначно. На первый взгляд, это, хоть и молодой человек, но уже вполне сформированная личность со своими жизненными устоями: после слов Алеши о том, что Катерина Ивановна любит Ивана, средний брат заверяет младшего в его неправоте, произнеся эти слова *с выражением какой-то молодой искренности и сильного неудержимого откровенного чувства* (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*).

Одним из самых чистых героев романа является Алеша Карамазов, что позволяет заключить анализ языковых средств романа, в частности, младший из братьев Карамазовых назван героями романа *искренним*: Алексей Федорович, по словам его отца, *искренно говорит* (употреблено дважды) и *искренно смотрит*.

Сложный портрет женского персонажа – Катерины Ивановны – во многом определяется мыслями, высказываниями и наблюдениями братьев Карамазовых, в том числе Алексея Федоровича, который при их второй встрече отметил, что *в этот раз лицо ее сияло неподдельною простодушною добротой, прямою и пылкою искренностью* (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*). При последующих встречах Алексей Дмитриевич уже убежден, что Катерина Ивановна *правдива и искренна*.

Заметим, что, часто употребляя выражения, содержащие сему «открыто», герои Ф. М. Достоевского обращаются и к французскому языку: Федор Павлович, сравнивая себя с Петром Александровичем Миусовым, заключает, что Петр Александрович любит, когда в речи *plus de noblesse que de sincerite* (*больше благородства, чем искренности*), он же, наоборот, любит, чтобы в речи было *plus de sincerite que de noblesse* (*больше искренности, чем благородства*), и ему, по его выражению, *наплевать на noblesse* (*благородство*)! (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*). Отметим, что автором, напротив, Петр Миусов назван человеком *искренно порядочным и деликатным*.

Красота в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» приравнивается и к *истине*. ***Истина***, по данным «Словаря русского

языка» (МАС), это правда [Словарь русского языка 1999, с. 688–689]. Данное слово встречается в романе 31 раз. По мнению старца Зосимы, истина – лучшее в мире: *всё хорошо и великолепно, потому что всё истина* (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*).

«Встреча» с истиной может быть нелегкой: в разговоре с Алексеем Карамазовым Николай Снегирев замечает, что удел бедного отличен от богатого – его сын Илюшенька познал *истину*, унижаясь перед Дмитрием Федоровичем, и в тот самый момент *вошла в него эта истина-с и пришибла его навеки-с* (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*).

В диалоге между отцом и сыном, Федором Павловичем и Иваном Федоровичем, дважды встречается глагольное сочетание *воссияет истина*, один раз в форме прошедшего времени. Федор Павлович стремится к тому, чтобы *истина как можно скорее «воссияла»*.

В МАС слово ***гармония*** является многозначным: в первом значении данная семема выражает номинацию всего благозвучного [Словарь русского языка 1999, с. 301]. В романе Ф. М. Достоевский использует эту лексическую единицу 15 раз. Трижды слово *гармония* использует Иван Карамазов в разговоре со своим младшим братом, размышляя о Боге:

> Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. <…> А если так, если они не смеют простить, где же гармония? <…> Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. <…> Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход (*Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы*).

В данном отрывке затрагивается тема Бога, которому в романе посвящено много размышлений, именно поэтому она была выделена нами в отдельную группу.

Духовная красота

Выделения в отдельную группу требовали слова, раскрывающие красоту с точки зрения обращения к Богу: тема религии сопровождала Ф. М. Достоевского всю жизнь, находя отражение на страницах его романов. В тематической группе «духовная красота» отражено определенное количество (16%) лексем, раскрывающих концепт «красота».

Старец Зосима, как и положено служителям Бога, призывает своих прихожан проявлять ***любовь к окружающим***: он наставляет г-жу Хохлакову *любить ближних деятельно и неустанно*. Алексея Карамазова автор называет *ранним человеколюбцем*, говоря: *людей он любил*, всю жизнь веря в них, однако наивным никогда не был.

Отец и брат Дмитрий, обращаясь к Алексею, часто используют слово ***ангел,*** которое, согласно МАС, является ласковым обращением, преимущественно к любимой женщине [Словарь русского языка 1999, с. 37]. Словом *ангел* в романе также названа Аграфена Александровна (Грушенька): так к ней обращаются Катерина Ивановна и Федор Павлович. Слово *ангел* коррелирует с притяжательным прилагательным *Божий;* адъективные конструкции *ангельский взгляд* и *ангельская кротость* многократно встречаются в речи штабс-капитана Николая Снегирева при его обращении к женщинам в своем доме.

В романе также говорится ***о чуде исцеления***. Все примеры лексем данной семантики имеют отношение к монастырю и главным образом старцу Зосиме. Г-жа Хохлакова дважды произносит глагол *исцелить*: старец возложил руки на ее дочь Лизу и помолился над ней, после чего мать Елизаветы Хохлаковой называет старца *целителем.* Однако, говоря о даре старца Зосимы, нельзя не обратиться к словам монаха, который, указывая на Лизу Хохлакову, не верит в ее исцеление. Здесь прослеживается неоднозначность трактовки образа героя, что, как уже было отмечено, свойственно практически всем персонажам романа «Братья Карамазовы».

Предметы

Описание предметов в тексте романа «Братья Карамазовы» встречается нечасто, о чем свидетельствует процентное соотношение: на данные описания приходится 7 %.

Под ***красотой*** в романе понимается «чистота, дороговизна, вкусная еда»: *всё блистало чистотой; много дорогих цветов; роскошно сервированный стол: чистая скатерть, блестящая посуда и превосходно выпеченный хлеб.* Рядом с гравюрными изображениями, названными *изящными*, *красовалось несколько листов русских литографий*.

Про дом Катерины Ивановны замечено, что он был *просторным* и *удобным,* а в зале было *много элегантной мебели.* Сказано, что дочь соседей Карамазовых, вынужденная вернуться домой из-за болезни

матери, *щеголяла в шикарных платьях*, несмотря на материальные трудности. В персонаже Петра Фомича Калганова Ф. М. Достоевский акцентирует внимание реципиента на одежде героя: *всегда одет хорошо и даже изысканно.*

Природа: растительный и животный мир

На страницах романа «Братья Карамазовы» описание природы встречается нечасто, что объясняется принадлежностью Ф. М. Достоевского к категории городских писателей. На данную группу приходится самый низкий процент употребления концепта «красота» – 3 %.

День описывают следующие эпитеты – *прекрасный, теплый, ясный*; ночь – *светлая, тихая, теплая;* воздух – *чистый, свежий, холодноватый;* небо – *ясное;* осенние цветы – *прекрасные.*

В житии старца Зосимы дважды повторяется слово *красота*: это *красота природы*, которую молодой человек замечает перед дуэлью, а также *красота лика коня*.

Заключение

Анализ концепта «красота» в романе «Братья Карамазовы» подтвердил нашу гипотезу: Ф. М. Достоевским прежде всего ценится нравственная красота, это добро, откровенность, истина и т. п. Он считает, что внешность отражает внутренний мир человека, это и послужило причиной для детального описания внешности героев.

Ядро концепта «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» составляют тематические группы «внешний вид человека» и «нравственная красота», приядерную зону – «духовная красота», периферию – «предметы» и «природа: растительный и животный мир».

Таким образом, анализ концепта «красота» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» помог обозначить единство духовного и физического совершенства личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. [Karasik, V. I., Sternin I. A. (eds.) (2005). Antologiya konceptov. (*Anthology of concepts*). Volgograd: Paradigma. (In Russ.)].

Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–280. [Askoldov-Alekseev, S. A. (1997). Koncept i slovo (*Tne concept and the word*). Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija (pp. 267–280). Moscow: Academia. (In Russ.)].

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / вступ. ст. Б. С. Рюрикова. М.: Правда, 1985. [Dostoevskij, F. M. (1985). Brat'ya Karamazovy. (*The Karamazov Brothers*). Moscow: Pravda. (In Russ.)].

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1978. [Dostoevskij, F. M. (1978). Polnoe sobranie sochinenij. (*Full composition of writings*). Leningrad: Nauka. (In Russ.)].

Манукян Г. В. Инфернальность как главная особенность красоты героини романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» Верховцевой Катерины Ивановны // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 289–292. [Manukyan, G. V. (2020). Infernal'nost' kak glavnaya osobennost' krasoty geroini romana F. M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy» Verhovcevoj Kateriny Ivanovny. (Infernality as the main feature of the beauty of the heroine of the novel by F. M. Dostoevsky «The Karamazov Brothers» by Verkhovtseva Katerina Ivanovna). *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal, 4*, 289–292. (In Russ.)].

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 08.09.2020). [Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (*National corpus of the Russian language*). (In Russ.)].

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. [Evgen'eva, A. P. (1999). Slovar' russkogo jazyka (*Dictionary of the Russian language*). Moscow: Russkij yazyk; Poligrafresursy. (In Russ.)].

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 5 / под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. [Chernyshjov, V. I. (ed.) (1956), Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. (*Dictionary of modern Russian literary language*). Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (In Russ.)].

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Словарь современного русского литературного языка
МАС – Словарь русского языка: в 4 т

УДК 81'34 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_138

Е. Ю. Романова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики английского языка
факультета английского языка Московского государственного
лингвистического университета

e-mail: catrom@rambler.ru

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАЗОВЫХ ДИАЛЕКТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Статья построена на дескриптивном анализе фонетической системы основных диалектов английского языка в Юго-Восточной Азии, попадающих в зону внешнего концентрического круга Б. Качру (Малайзия, Сингапур, Бруней и Филиппины). Автор предлагает историческую и социополитическую характеристику изучаемых диалектов, подробно описывает их звуковую систему и супрасегментные черты (правила постановки словесного ударения, особенности ритма и мелодики).

Ключевые слова: монофтонгизация; отсутствие редукции гласных; отсутствие признака долготы; редукция консонантных кластеров; отсутствие аспирации; глоттализация; слогосчитающий ритм.

E. Y. Romanova

PhD, Associate Professor, Department of English Phonetics,
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

catrom@rambler.ru

THE HISTORY OF FORMATION AND PHONETIC PECULIARITIES OF THE BASIC ENGLISH DIALECTS IN SOUTHEAST ASIA

The paper presents a descriptive analysis of the phonetic system of the basic English dialects in Southeast Asia, which fall into the Outer Kachruvian circle (Malaysia, Singapore, Brunei and the Philippines). The author outlines the historical and sociopolitical aspects, the sound system and suprasegmental features (word stress placement, rhythm, melodic patterns) of the varieties under analysis. In conclusion pronunciation tendencies are generalized and common phonetic features of the dialects are identified.

Key words: monophthongization; lack of vowel reduction; lack of length distinction; consonant cluster reduction; lack of aspiration; glottalization; syllable-timed rhythm.

Введение

Юго-Восточная Азия представляет собой регион с языковым и культурным многообразием, где английский язык играет важнейшую роль в процессе межкультурного общения, а его своеобразие дает ученым уникальную возможность для проведения лингвистических исследований. Согласно теории концентрических кругов Б. Качру, позволяющей оценить степень проникновения и влияния английского языка на различные языковые системы мира, территория Юго-Восточной Азии входит как во внешний (Сингапур, Малайзия, Филиппины, Бруней), так и в расширяющийся круги (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам, Таиланд, Индонезия). Так, в странах внешнего круга английский язык получил распространение в результате колониальной политики Британии (кроме Таиланда) или масштабного заселения американцев и приобрел статус официального языка; в странах расширяющегося круга английский является основным иностранным языком. Основаниями для включения страны и соответствующего варианта английского языка в тот или иной круг являются исторические предпосылки формирования, отношение к языковой норме и выполняемые коммуникативные функции[1].

В статье мы остановимся на описании базовых диалектов стран Юго-Восточной Азии, входящих во внешний круг, как наиболее распространенных и значимых в современном мире, а также представляющих собой полностью сформированные языковые системы, имеющие отличительные особенности не только на фонетическом уровне, но и на других уровнях языка.

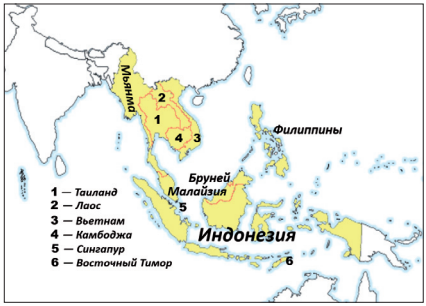


Рис. Карта государств Юго-Восточной Азии

Английский язык в Малайзии

Историческая и социополитическая характеристика диалекта

Более чем столетняя эпоха британской колонизации закончилась для страны в 1957 году, когда было сформировано независимое

[1] URL: https://ykl-res.azureedge.net/e0c4904e-e76c-4c25-a888-12-eb61df6a2a/%D0%AE%D0%92%20%D0%90%D0%B7%D0%B8%D1%8F-w1000.png

государство Малайзия, включающее штаты Малайя, Сабах, Саравак и Сингапур. Английский язык стал официальным языком в административном аппарате и в сфере образования. Однако уже в 1968 году страна взяла курс на возврат малайского языка в качестве основного, данная политика продолжалась до 1976 года и коснулась, преимущественно, преподавания в школах. В 2002 году курс был признан неэффективным, и английский язык начал постепенно возвращать утраченные позиции. Так, преподавание математики и естественных наук в школах снова стало проводиться на английском языке, университеты получили право выбора языка преподавания, однако малайский язык при этом должен был оставаться в числе обязательных предметов. В 2012 году вопрос о статусе английского языка снова был поднят правительством Малайзии и до сих пор остается открытым. В настоящее время в муниципальных школах страны преподавание ведется на малайском языке. В национальных школах, лишь наполовину спонсируемых государством, также преподают китайский и тамильский языки, в 60 частных школах страны, где обучается свыше 50 тыс. детей, преподают язык мандарин. С увеличением притока рабочих-мигрантов в Малайзию были открыты школы по обучению различным диалектам, где малайский и английский языки остаются обязательными предметами [David 2004; Kirkpatrick 2010; Low 2020].

Фонетические характеристики диалекта

Сегментные черты

Произношение в малазийском английском неоднородно и варьируется в зависимости от региона. Ученые выделяют произносительные черты, характерные для центральной и южной частей полуострова, с одной стороны, и для восточной Малайзии и некоторых северных штатов – с другой. Одно из основных отличий между этими регионами заключается в произнесении орфографического «а», занимающего финальное положение в слове: на востоке и в северных штатах гласный произносится как звук /ɑ/ низкого ряда центрального подъема и как шва /ə/ – в центральной и южной частях страны [Azirah, Tan 2012].

Гласные

В сравнении с диалектами английского языка стран внутреннего круга, например, с британским английским, где представлены 20 гласных звуков (12 монофтонгов и 8 дифтонгов), в малазийском английском выделяют лишь 9 (6 монофтонгов и 3 дифтонга). Кроме того, в отличие от британского стандарта, где ярко выражены 7 кратких монофтонгов, малазийский диалект включает только 6, поскольку гласные /e/ и /æ/ представлены одним и тем же звуком переднего ряда среднего подъема /ɛ/. Под влиянием исконного малайского языка, в малазийском английском у гласных отсутствует признак долготы.

В отношении качества звучания, некоторые ученые отмечают, что малазийские гласные заднего ряда /ɔː/, /ɒ/ и /ɑː/ становятся более закрытыми и занимают акустическое пространство ближе к центру по сравнению с соответствующими британскими звуками. В ходе предыдущих исследований гласных в малазийском английском было выявлено почти полное отсутствие их редукции. Так, например, шва /ə/ в конце слова может произноситься как /a/, /e/, /o/, /eɪ/ или /ɪ/. Небольшое количество дифтонгов в диалекте является следствием активного процесса монофтонгизации, что влияет на произношение слов *take* [tek], *boat* [bot], *hair* [he] [Baskaran 2008].

Согласные

Произношение согласных в малазийском английском может быть охарактеризовано в соответствии с шестью дистинктивными признаками, отличающими их звучание от британской нормы [Azirah, Tan 2012]:

1) редукция консонантных кластеров в финальной позиции, характерная для беглой речи. Так, кластеры, состоящие из трех согласных, в большинстве случаев будут реализованы как сочетание двух звуков, а кластеры из двух согласных – как один: *prints* [prɪns], *except* [ɪksep];
2) отсутствие аспирации при произнесении глухих взрывных согласных в начальной позиции, отсюда частая реализация звуков /p, t, k/ как звонких эквивалентов /b, d, g/;

3) оглушение звонких фрикативных согласных /v, z, ʒ, ʤ/ в финальном положении и /z, ʒ/ – в медиальном: *gave* [geɪf], *pleasure* [pleʃə];
4) озвончение глухих фрикативных согласных: /s/ часто озвончается в финальном положении, /ʃ/ – в медиальном и финальном: *nice* [nɑɪz], *push* [pʊʒ];
5) реализация (меж)зубных фрикативных согласных /θ/ и /ð/ как /t/ и /d/ в любом положении в слове. Кроме того, звук /ð/ может оглушаться до /θ/: *thank* [tæŋk], *brother* [brʌdə], *bathe* [beθ];
6) глоттализация финальных взрывных согласных в положении после гласного: *put* [pʊʔ], *spark* [spɑːʔ] [Baskaran 2008].

Супрасегментные черты

На основании имеющихся акустических данных многие ученые отмечают в малазийском английском признаки *слогосчитающего ритма*, напоминающего стаккато, поскольку большинство слогов имеют одинаковую длительность, и практически полностью отсутствует редукция безударных гласных.

Статистика экспериментальных данных по результатам исследования постановки *словесного ударения* позволяет выявить две особенности:

1) в отличие от британской произносительной нормы, носители малазийского английского не меняют положение ударения в слове в зависимости от его части речи, т. е. имена существительные и глаголы, различающиеся только местоположением ударного слога, в данном случае будут иметь одинаковое произношение;
2) для малазийского английского характерен сдвиг словесного ударения с третьего от конца слога на предпоследний, что, скорее всего, является следствием влияния малайского языка, правила которого подразумевают постановку ударения на предпоследний слог: *calendar* – ['kæləndə] (брит.) – [kə'lendə] (мал.). В других случаях, однако, ударение может смещаться в противоположном направлении – с предпоследнего на предшествующий ему слог: *correction* – [kə'rekʃən] (брит.) – ['kɒrekʃən] (мал.) [Azirah, Tan 2012; Tan, Low 2014].

Английский язык в Сингапуре

Историческая и социополитическая характеристика диалекта

В рамках социофонетических исследований английский язык в Малайзии и в Сингапуре рассматривается как единое целое, что неудивительно, учитывая общую историю обеих стран вплоть до 1965 года, когда Сингапур приобрел независимость. Тогда малайский был признан национальным языком Сингапура, а тамильский, английский и мандарин получили статус официальных языков государства наравне с ним. Однако позднее статус английского языка возрос настолько, что правительство Сингапура вынуждено было начать проводить политику «English+1», или «English-knowing bilingualism», согласно которой каждый житель страны, помимо английского, был обязан изучать один из исконных этнических языков. Это позволяло жителям Сингапура повышать языковую компетенцию для эффективного взаимодействия в мультикультурном мире, сохраняя при этом свою национальную идентичность. На сегодняшний день английский язык в Сингапуре служит универсальным средством общения в сфере бизнеса, науки, технологии и в других профессиональных отраслях. Необходимо отметить, что английский язык настолько широко используется представителями различных этнических групп внутри страны, что подобное культурное смешение породило местный разговорный гибрид языка, получивший название «Singlish» и, в свою очередь, ставший причиной возникновения противоположного движения «Speak Good English Movement» [Pakir 2014; Low 2020].

Фонетические характеристики диалекта

Сегментные черты

Современные исследования *гласных* в сингапурском английском позволяют выделить следующие их особенности:

- существует два способа реализации монофтонга /e/: в виде дифтонга /eɪ/ (*egg*, *bed*, *dead*) или более открытого монофтонга /æ/ (*peg*, *bed*, *fed*);
- наблюдается слияние некоторых гласных, различающихся в британском варианте не только по качеству, но и по признаку долготы: /iː/ – /ɪ/, /e/ – /æ/;

- однако имеющиеся акустические данные указывают на четкое различие в произношении следующих пар гласных: /ɑː/ – /ʌ/, /uː/ – /ʊ/ и /ɔː/ – /ɒ/;
- закрывающиеся дифтонги /eɪ/ и /əʊ/ в сингапурском английском проявляют тенденцию к монофтонгизации;
- трифтонги реализуются с добавлением скольжения в виде звука /j/ между первым дифтонгом и шва: /ɑɪ/ + /j/ + /ə/ = /ɑɪjə/: *fire* [fɑɪjə] [Lee, Lim 2000].

Согласные

По мнению большинства исследователей, различия в произношении согласных встречаются в основном в небрежной разговорной речи и не носят систематический характер. Наиболее значимыми, на наш взгляд, представляются следующие:

- озвончение глухих взрывных в начальной позиции и произнесение их как звонких эквивалентов: /p, t, k/ → /b, d, g/;
- вместо (меж)зубных фрикативных /θ/ и /ð/ в начальном положении произносятся альвеолярные взрывные /t/ и /d/, а в конечном – губно-зубные фрикативные /f/ и /v/ [Low 2020].

Супрасегментные черты

Благодаря отсутствию редукции гласных, дистинктивного признака их долготы и слиянию звуков в беглой речи, *ритм* в сингапурском английском напоминает стаккато и является *слогосчитающим*.

В отношении постановки *словесного ударения* необходимо отметить, что:

1) чаще всего ударными становятся тяжелые слоги, т. е. содержащие долгие гласные, дифтонги или имеющие коду;
2) главное ударение обычно падает на последний слог в слове, имеющем более одного ударного слога.

Исследователи отмечают, что в сингапурском английском в большинстве случаев ударение сдвигается на один слог вправо по сравнению с британской нормой: '*colleague* (брит.) – *co'lleague* (синг.), *e'conomy* (брит.) – *eco'nomy* (синг.).

В случае если изменение местоположения ударения ведет к изменению части речи в британском стандарте (*import*, *export*, *contact*),

носители сингапурского диалекта фиксируют постановку ударения на одном и том же слоге для обеих частей речи [Grabe, Low 2002].

Английский язык в Брунее

Историческая и социополитическая характеристика диалекта

В 1985 году Бруней ввел Систему национального образования (National Education System) и взял курс на политику билингвизма, согласно которой преподавание в начальной школе до 3-го класса включительно должно было осуществляться только на малайском языке. Начиная с 4-го класса и старше, английский язык становился основным языком преподавания математики, естественных наук, истории, географии и технических предметов, в то время как малайский оставался языком преподавания родной литературы, обществоведения, изучения ислама, на нем велись уроки рисования, технологии и физической культуры. В 2009 году Бруней одобрил Систему национального образования XXI века, в 2011 году внедрил ее в образовательный процесс, и английский язык стал языком преподавания математики и естественных наук уже с 1-го класса начальной школы. Многие выступали против подобной политики билингвизма, утверждая, что с педагогической точки зрения слишком рано начинать преподавание на иностранном языке в начальной школе. Другие оппоненты опасались потери малайским языком своего статуса и снижения его роли в обществе. Однако последователи политики билингвизма видели свою цель в создании обучающимся необходимых условий для достижения высокого уровня владения обоими языками к моменту окончания высшего учебного заведения [Asmah 2007; Jones 2007; Kirkpatrick 2010; Low 2020].

Фонетические характеристики диалекта

Сегментные черты

Современные исследования *гласных* в брунейском диалекте английского языка указывают на то, что, как и в сингапурском английском, идентично произносятся следующие пары гласных: /iː/ – /ɪ/, /e/ – /æ/ и /ɔː/ – /ɒ/, а гласные заднего ряда высокого подъема /uː/ – /ʊ/

значительно продвинуты вперед. В разговорной речи возможна также замена гласного /e/ на /ɪ/ или /iː/ (*wedding* → *weeding*), /ʌ/ на /ɒ/ (*wonder* → *wander*), /eɪ/ на /e/ и обратно (*main* → *men, dateline* ↔ *deadline*) [McLellan, Haji-Othman 2012].

Согласные звуки в брунейском английском имеют следующие характеристики, отличающие их от британской нормы:

- как и во многих других разновидностях английского произношения в Юго-Восточной Азии, для данного диалекта типична замена глухого (меж)зубного фрикативного /θ/ в начальной позиции глухим взрывным эквивалентом /t/ и звонкого (меж)зубного фрикативного /ð/ в срединной позиции звонким взрывным эквивалентом /d/;
- некоторые звонкие фрикативные, например /z/, в финальной позиции оглушаются (*please* [pliːz] → [pliːs]), а взрывные в этом же положении глоттализуются (*book* [bʊk] → [bʊʔ], *straight* [streɪt] → [streɪʔ]);
- редукция или упрощение финальных консонантных кластеров чаще всего встречается в разговорной речи. Экспериментальные данные позволяют выявить частотность данного явления в зависимости от типа согласных, входящих в состав кластера: «взрывной + взрывной» − 100 % редукции, «фрикативный + взрывной» – 89 %, «носовой + взрывной» – 70 %, другие типы кластеров – менее 50 %;
- существуют данные о наличии признаков «эрности» брунейского диалекта английского языка [Salbrina, Deterding 2010; McLellan, Haji-Othman 2012].

Английский язык на Филиппинах

Историческая и социополитическая характеристика диалекта

Филиппины представляют собой территорию, охватывающую 7 тыс. островов с населением около 76 млн человек, принадлежащих к 8 коренным языковым группам, включающим более 100 языков. Таким образом, можно предположить, что языковая политика государства является комплексной и многогранной. Английский язык на Филиппинах обладает довольно высоким статусом, потребность в его

изучении есть не только у представителей общественной элиты, но и у филиппинцев более низкого социального статуса. Основная причина изучения английского языка для двух миллионов человек – это работа за пределами страны, требующая высокого уровня владения английским языком. В то же время, правительство Филиппин делает всё возможное для создания большого количества рабочих мест и внутри страны, что также требует соответствующей лингвистической подготовки для поддержания конкурентоспособного уровня. Таким образом, для многих жителей Филиппинских островов английский язык является более значимым в деловой и повседневной жизни, чем исконные языки [Kirkpatrick 2010; Low 2020].

Фонетические характеристики диалекта

Сегментные черты

Система *гласных* в филиппинском английском включает 5 звуков, а именно: /a/, /ɛ/, /ɪ/, /ɔ/ и /u/, причем различия между напряженными и ненапряженными гласными не соблюдаются. Исследователи данного диалекта также говорят об отсутствии редуцированных гласных в безударных слогах, например звука /ə/ в начальном положении: /ə/ произносится как /a/ в словах *above*, *alone*, *around* [Kachru 1997; Llamzon 1997; Dayag 2012].

Система *согласных* в филиппинском английском представлена 18 звуками: /p/, /t/, /tʃ/, /k/, /b/, /d/, /dʒ/, /g/, /s/, /ʃ/, /h/, /l/, /m/, /n/, /ŋ/, /r/, /w/, /j/. К наиболее значимым характеристикам можно отнести следующие:

- при реализации глухих взрывных /p/, /t/, /k/ в начальном положении наблюдается отсутствие аспирации, в конечном положении данные звуки преобразуются в гортанную смычку;
- согласные /s/ и /z/ подвержены слиянию и в большинстве случаев оба реализуются как /s/;
- парные (меж)зубные фрикативные /θ/ – /ð/ произносятся как парные взрывные /t/ – /d/;
- имеющиеся экспериментальные данные также указывают на наличие в разговорной речи редукции консонантных кластеров [Kachru 1997; Llamzon 1997; Dayag 2012].

Супрасегментные черты

Филиппинский английский, как и другие диалекты английского языка в Юго-Восточной Азии, имеет *слогосчитающий* ритмический рисунок. Также возможно смещение основного *лексического ударения* с первого слога на второй. Исследователи *интонации* филиппинского английского отмечают тенденцию к использованию восходящего тона в утверждениях, специальных вопросах, придаточных предложениях и нисходящего тона в общих вопросах, что отличает мелодику данного диалекта от традиционных интонационных моделей, закрепленных за определенным коммуникативным типом высказывания и принятых британским стандартом [Kachru 1997; Dayag 2012].

Заключение

В статье была предпринята попытка раскрыть исторические и социально-политические предпосылки становления и развития английского языка на территории Юго-Восточной Азии, а также выявить фонетическую специфику основных диалектов стран данного региона, входящих во внешний круг парадигмы Б. Качру, а именно: английских диалектов Малайзии, Сингапура, Брунея и Филиппин. В этих странах английский язык появился в результате колонизации, что стало причиной неоднозначного отношения к нему жителей разных стран в разное время. Однако в современном мире, переживающем глобализацию и технический прогресс, всё большее значение приобретает международное сотрудничество, мощным средством достижения которого является английский язык. Необходимо отметить, что в странах Юго-Восточной Азии он имеет не только общую причину возникновения, но и схожие характеристики. Обобщая вышеизложенное, можно выделить наиболее яркие и значимые фонетические черты, объединяющие изученные диалекты.

Сегментный уровень – гласные

- Большинство гласных звуков являются более закрытыми и продвинутыми вперед по сравнению с британскими эквивалентами.
- Наблюдается слияние гласных /iː/ – /ɪ/, /e/ – /æ/, /ɔː/ – /ɒ/.

- Отсутствие признака долготы.
- Монофтонгизация большинства британских дифтонгов.
- Отсутствие редукции гласных в безударных слогах.

Сегментный уровень – согласные

- Оглушение звонких и озвончение глухих взрывных / фрикативных в начальной, медиальной и финальной позициях.
- Замена (меж)зубных фрикативных /θ/ и /ð/ взрывными /t/ и /d/ или губно-зубными фрикативными /f/ и /v/.
- Отсутствие аспирации у глухих взрывных в начальной позиции.
- Редукция консонантных кластеров.
- Глоттализация финальных взрывных.

Супрасегментный уровень

- Слогосчитающий ритм.
- Смещение лексического ударения на один слог вправо по сравнению с британской нормой.
- Идентичное местоположение лексического ударения в словах, принадлежащих к разным частям речи (*import*, *contact*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Asmah H. O. Malaysia and Brunei / Simpson, A. (ed.) Language and National Identity in Asia. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 337–359.

Azirah H., Tan R. Malaysian English // English in Southeast Asia: Features, Policy and Language in Use / Azirah H., Low E. L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 55–74.

Baskaran L. M. Malaysian English: Phonology // Varieties of English, vol. 4: Africa, South and Southeast Asia / Mesthrie R. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. Pp. 278–291.

David M. K. Language Policy in Malaysia: Empowerment or Disenfranchisement? // Language Policy Planning and Practice: a South Asian Perspective / Mansoor, S.; Meraj Sh., Tahir A. (eds.). Karachi: Aga Khan University / Oxford University Press, 2004. Pp. 79–90.

Dayag D. T. Philippine English // English in Southeast Asia: Features, Policy and Language in Use / Low E. L., Azirah H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 91–99.

Grabe E., Low E. L. Durational Variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis // Laboratory Phonology 7 / Gussenhoven C., Warner N. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. P. 515–546.

Jones G. M. 20 Years of Bilingual Education: Then and Now // English in Southeast Asia: Varieties, Literacies & Literatures / Prescott D. (ed.) . Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 246–258.

Kachru B. B. English is an Asian Language // English is an Asian Language: the Philippine Context: Proceedings of the Conference held in Manila on 2–3 August, 1996 / Bautista M. L. (ed.). North Ryde, NSW: Macquarie Library, 1997. P. 1−23.

Kirkpatrick A. English as a Lingua Franca in ASEAN: a Multilingual Model. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010.

Lee E. M., Lim, L. Diphthongs in Singaporean English: their Realizations across Different Formality Levels and Attitudes of some Learners towards them // The English Language in Singapore: Research on Pronunciation / Brown A., Deterding D., Low E. L. (eds.). Singapore: Singapore Association for Applied Linguistics, 2000. P. 100–111.

Llamzon T. A. The Phonology of Philippine English // English is an Asian Language: the Philippine Context: Proceedings of the Conference held in Manila on 2-3 August, 1996 / Bautista M. L. (ed.). North Ryde, NSW: Macquarie Library, 1997. P. 41–48.

Low E. L. English in Southeast Asia // The Handbook of World Englishes / Nelson C. L., Proshina Z. G., Davis D. R. (eds.). 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020. P. 135–153.

McLellan J., Haji-Othman N. A. Brunei English // English in Southeast Asia: Features, Policy and Language in Use / Low E. L., Azirah H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 75–90.

Pakir A. Glocal English in Singapore? A Re-exploration of the Localization of English // Dynamic Ecologies: a Relational Perspective on Languages Education in the Asia-Pacific Region / Murray N., Scarino A. (eds.). Dordrecht, Holland: Springer, 2014. P. 49–57.

Salbrina H. Sh., Deterding D. Rhoticity in Brunei English // English World-Wide. 2010. № 31 (2). P. 121–137.

Tan R. S. K., Low E. L. Rhythmic Patterning in Malaysian and Singapore English // Language and Speech. 2014. № 57 (2). P. 196–214.

УДК 81.34 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_151

Т. В. Сокорева, Т. И. Шевченко

Сокорева Т. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
t.sokoreva@linguanet.ru

Шевченко Т. И., доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
tatashevchenko@mail.ru

СКОРОСТЬ АРТИКУЛЯЦИИ В ЧТЕНИИ НА КИТАЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В АКАДЕМИЧЕСКОМ БИЛИНГВИЗМЕ

В работе анализируется скорость артикуляции и ее роль в создании эффекта замедленного темпа речи в изучаемом иностранном языке. Участники эксперимента: студенты старших курсов, изучающие китайский и английский языки. Полученные данные указывают на то, что переключение кодов на английский язык в чтении вызывает замедление темпа у китайских студентов; скорость артикуляции на родном языке соответствует норме. Русские студенты читают китайские фразы очень медленно, но свободно читают по-английски.

Ключевые слова: академический билингвизм; английский язык; китайский язык; русский язык; скорость артикуляции; чтение; переключение кодов.

T. V. Sokoreva, T. I. Shevchenko

Sokoreva T. V., PhD (Philology), Assistant Professor at the Department
of English Phonetics, Faculty of the English Language,
Moscow State Linguistic University
t.sokoreva@linguanet.ru

Shevchenko T. I., Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,
Professor at the Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
tatashevchenko@mail.ru

ARTICULATION RATE OF READING IN CHINESE AND ENGLISH: CODE-SWITCHING IN ACADEMIC BILINGUALISM

The current study is focused on the role played by articulation rate in the slow tempo effect. The subjects are advanced students of English and Chinese. The

data suggests that code-switching to English in reading the standard text or wisdom phrases causes the slow-down in Chinese performances, while their mother tongue articulation rate may be assessed as normal tempo. By contrast, the Russian students are exceptionally slow in reading Chinese phrases and more fluent in English.

Key words: academic bilingualism; English; Russian; Chinese; articulation rate; reading; code-switching.

Введение

Оценивая речь на иностранном языке в процессе межкультурной коммуникации, собеседники обращают внимание на темп речи, обеспечивающий разборчивость и понятность высказывания, с одной стороны, и раскрывающий социокультурный имидж говорящего, включая его интеллектуальные данные – с другой. Все значительные отклонения в сторону ускорения либо замедления могут негативно сказываться на успешности коммуникации и оценке личности собеседника. В отношении речи китайцев на английском языке существует устойчивое мнение о замедленности речи, природу которой раскрыли Чен и Ванг, сочетая опыты по восприятию речи с акустическим анализом речи китайских студентов на английском языке. Совокупный эффект замедленной речи, как показало исследование, зависит от длительности межпаузальных отрезков и невокализованных пауз, в то время как вокализованные паузы не нарушали плавности речи [Chen, Wang 2018]. Нарушения в просодической структуре речи на английском языке отражают синтаксические и прагматические различия построения речи в китайском и английском языках, что проявилось не только в сопоставлении с речью британцев, но и американцев того же возраста [Сокорева, Шевченко 2020].

Не только синтаксис и прагматика, влияющие на синтагматическое членение речи, но и чисто фонетические характеристики типологически различных языков могут способствовать созданию эффекта замедленной речи. В речи китайцев на английском языке выявлены такие существенные отличия, как эпентеза гласной после взрывного согласного, разрушающая английские кластеры согласных и создающая дополнительный слог, а также отсутствие редукции гласных в безударных слогах, что особенно заметно в служебных словах [Deterding 2006]. Именно эти сегментные характеристики создают слоговой

ритм в речи китайцев на английском языке, столь существенно контрастирующий с акцентным ритмом англичан и американцев.

Картина фонетических особенностей ритма и темпа речи с китайским акцентом была бы неполной, если бы мы не упомянули характер произнесения слогов и, соответственно, скорости артикуляции, выраженной посредством средней длительности слогов (СДС). В китайском тональном языке, где слог составляет основную ритмическую единицу, как было установлено М. К. Румянцевым, лексические тоны определяют иерархию слогов по длительности: самым длительным оказался нисходяще-восходящий третий тон. Таким образом, четыре «этимологических тона» располагаются по длительности следующим образом: 3>1>2>4 [Румянцев 1972]. В китайском языке установлены определенные ассоциации между слогами, несущими различные лексические тоны, и выражением различных эмоциональных состояний, что также связано с длительностью произнесения [Вихрова 2011; Li, Fang, Dang 2011]. Кроме того, в двусложных словах китайского языка отмечено определенное соотношение длительности первого и второго слогов [Румянцев 2007], что дало основание китайским и американским исследователям писать о метрической структуре, сходной с английским языком [Peng et al. 2005]. Как видно из приведенных данных, центральное положение слога в китайской просодической структуре требует особого внимания, что не может не сказаться при трансференции навыков родного языка китайцев в иностранном английском языке, в котором слог должен подчиняться структуре акцентной группы, основанной на контрасте ударного и безударного слогов.

Сравнение китайского и английского языков психологами и фонетистами разных стран с применением современных средств магниторезонансной томографии показало, что сложность одновременной обработки просодии в китайском языке для выявления лексического значения слога-слова и для определения прагматики высказывания (утверждение vs. вопрос) на материале одного слога требует активации центров сразу в двух полушариях мозга, а также центров внимания и памяти, что в целом приводит к замедлению выполнения задачи по сравнению с английским языком [Gandour 2007]. Эти данные наводят на мысль о сложности обработки лингвистической информации в китайском языке, что может сказаться на обучении

чтению и говорению китайскому языку русскоязычных студентов. Задача многократно усложняется при продуцировании связной речи в чтении и говорении.

Обращаясь к практике обучения русских студентов одновременно китайскому и английскому языкам, мы должны оценить взаимодействие следующих факторов, влияющих на скорость артикуляции слогов, которая не изучалась ранее в сопоставительном плане:

– структурные особенности языка,
– уровень владения языком,
– физиолого-психологическая сложность переключения кодов (русский – английский – китайский).

С целью максимального упрощения поставленной задачи изучения скорости артикуляции мы избираем чтение как языковой материал, в котором прагматико-синтаксическое построение фразы отражено в авторском тексте и отмечено средствами пунктуации; контекст английской басни помогает уточнить синтагматическое членение речи. Более сложную задачу представляет чтение фраз из книги китайских афоризмов, в которой отражена национальная специфика ментальности и культурных форм сентенций нравоучительного характера. Сопутствующий перевод на английский язык также нуждается в дополнительном комментарии и разъяснении. Переключение кодов состоит в последовательном прочтении китайских фраз и их перевода на английский язык.

Итак, цель настоящего исследования состоит в сравнительном анализе скорости артикуляции речи в плане СДС при чтении текстов и фраз на китайском и английском языках русскоязычными и китайскими студентами.

Тем самым мы намерены установить, какой из факторов является определяющим для скорости артикуляции: структура конкретного изучаемого языка или степень владения языком.

Методология

Два этапа экспериментальных записей чтения включали:

1) чтение английской басни «The Story of Arthur the Rat», составленной английскими фонетистами прошлого века и широко используемой британскими и американскими диалектологами. Басню

читали: 10 студентов факультета английского языка старших курсов МГЛУ и 10 китайских студентов, обучающихся в Москве. Для сравнения с британским образцом было использовано прочтение этой же басни образованным жителем Лондона [Шевченко 1990];

2) чтение четырех фраз из книги китайских афоризмов, которые даны на китайском языке с последующим переводом на английский язык. Фразы читали: 10 русскоязычных студентов четвертого курса факультета английского языка МГЛУ, которые изучали китайский и английский языки и прошли стажировку в КНР, и 10 китайских студентов, которые прислали свои записи из Китая. К сожалению, три из десяти присланных записей не соответствовали по своим техническим показателям требованиям к качеству звучания, в результате чего для компьютерного анализа были отобраны только записи семи китайских студентов.

Следует отметить, что китайские студенты давали письменное согласие на участие в экспериментальной записи, но пожелали получить басню и фразы заранее, чтобы подготовиться. Таким образом, все участники эксперимента имели неограниченное время на подготовку чтения текстов.

Электронно-акустический анализ записей чтения басни состоял в определении длительности слогов в английской речи китайских и русских студентов. Исследование образцов чтения китайских афоризмов также включало в себя установление границ межпаузальных интервалов с вычислением количества и длительности пауз внутри высказываний. Таким образом, проанализированные показатели включают в себя:

– среднюю длительность слога (сек);
– среднюю длительность невокализованных пауз (сек);
– количество невокализованных пауз.

Статистическая обработка полученных данных состояла в проведении однофакторного дисперсионного анализа для определения степени значимости различий вышеописанных параметров речи в зависимости от национальности говорящих, а также в зависимости от языка прочтения. Статистический анализ проводился в программе PAWS Statistics.

Всего было проанализировано около 60 минут звучания, измерена длительность 10 245 слогов.

Результаты

Первый этап эксперимента состоял в вычислении средней длительности слога при чтении английской басни китайскими и русскими студентами, а также сопоставлении полученных результатов с аналогичными данными по британскому варианту английского языка (см. табл. 1).

По результатам проведенного эксперимента было установлено, что СДС китайских студентов, читающих английский текст, является самой большой, то есть скорость артикуляции в данном случае будет замедлена, что в значительной мере объясняется отсутствием редукции гласных звуков в безударных слогах в английской речи китайцев [Chao 1933; Han 2013].

Таблица 1

Скорость артикуляции чтения на английском языке русских и китайских студентов в сравнении с носителем стандартного британского варианта

	Китайцы	Русские	Англичанин (RP)
СДС (мсек)	279	245	213

Показатели СДС русскоговорящих студентов меньше, чем у китайцев, но больше, чем значения данного параметра у носителя британской нормы. Таким образом, можно утверждать, что русские студенты значительно превосходят китайских студентов по беглости английской речи, но в то же время отстают по данному показателю от носителя английского языка.

Второй этап эксперимента заключался в определении ряда темпоральных параметров речи русских и китайских студентов, читающих китайские мудрости на китайском и английском языках.

Согласно результатам анализа, СДС русскоговорящих информантов в чтении на китайском и английском языках значительно отличается ($p < 0{,}001$) и составляет 0,360 сек и 0,245 сек соответственно (см. рис. 1).

Значения средней длительности невокализованных пауз в речи русских студентов оказались схожими в чтении на обоих иностранных языках. Однако количество невокализованных пауз во фразах,

произнесенных русскими студентами на китайском языке, значительно превысило количество пауз во фразах, произнесенных на английском языке, – 5 и 1,5 пауз соответственно (см. рис. 2).

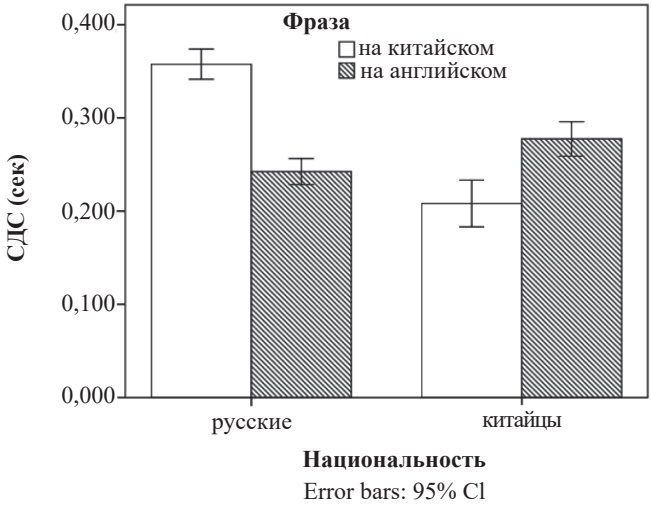


Рис. 1. Значения СДС в китайских и английских фразах, произнесенных русскими (n = 10) и китайскими (n = 7) студентами

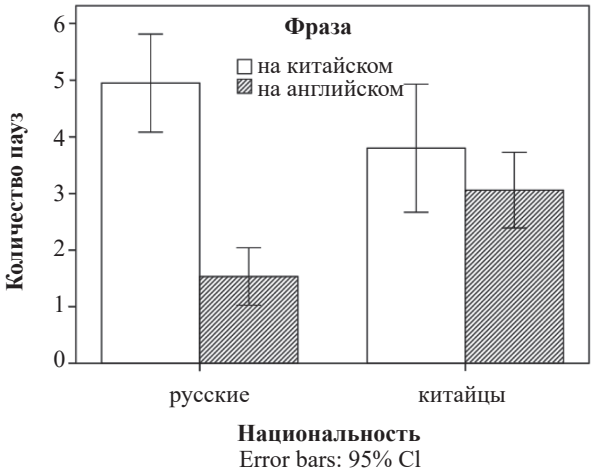


Рис. 2. Количество пауз в китайских и английских фразах, произнесенных русскими (n=10) и китайскими (n=7) студентами

Из трех проанализированных параметров чтения китайских студентов на родном китайском и изучаемом английском языках только значения показателей СДС обладают значимыми различиями (см. рис. 1). Согласно результатам, СДС в чтении на родном языке гораздо меньше (0,217 сек), чем в чтении на иностранном языке (0,278 сек).

При межгрупповом сопоставлении показателей русских и китайских студентов статистический анализ показал, что независимо от языка, на котором были прочитаны фразы, значимые отличия наблюдаются в параметрах СДС ($p < 0,05$) и значениях средней длительности пауз ($p\ 158 < 0,05$) в двух группах информантов.

В результате сравнения показателей по двум языкам, использованным для чтения фраз (без учета национальности информантов), было установлено, что значения СДС ($p < 0,05$) и количество пауз ($p < 0,001$), зарегистрированных при чтении на китайском и английском языках, существенно различаются.

Таким образом, в результате анализа установлено, что речь русских студентов во время чтения на китайском языке обладает более медленным темпом и содержит больше пауз по сравнению с чтением на английском языке, так как усвоение сложной просодической системы китайского языка представляет собой непростую когнитивную задачу.

Вместе с тем на английском языке, который является иностранным для обеих групп информантов, русские студенты читают быстрее и употребляют гораздо меньше пауз по сравнению с китайскими студентами.

В свою очередь, речь китайцев на родном языке оказалась самой быстрой согласно показателям СДС, хотя показатели длительности и количества пауз в чтении китайских студентов как на китайском, так и на английском языке не имеют значимых различий.

Выводы и обсуждение

Предшествующий опыт изучения речи китайцев на английском языке выявил важность синтагматического членения речи, включая выделение синтагм посредством пауз. По этим показателям, значительно превышающим по длительности соответствующие данные в речи британцев и американцев, обнаружилось несоответствие просодии речи

с китайским акцентом синтаксическому и прагматическому строю английского высказывания. Более детальное рассмотрение фонетических признаков замедленной речи с точки зрения ее сегментного состава показало, как английская фраза приобретает несвойственный ей слоговой ритм путем эпентезы гласных, разделяющих согласные в кластерах, удлинения безударных гласных в служебных словах и пауз между словами. В нашу задачу входило рассмотрение скорости артикуляции в целом по всему тексту. Нас интересовала речь (чтение) китайцев на родном языке в сопоставлении с английским языком, представленная акустически на однородном материале.

Параллельное рассмотрение показателей китайских и русскоязычных студентов, прочитавших английскую басню (подготовленное чтение на одном языке) и китайских фраз с переводом на английский язык (переключение кодов), показало, что слоговой строй китайского языка представляет такую же сложность для русскоязычных студентов, как интонационный строй с его акцентным ритмом для китайских обучающихся. Русские студенты значительно превосходят китайских студентов по плавности и беглости английской речи, что вполне объяснимо с лингвистических позиций: русский и английский – языки интонационные с тактосчитающим (акцентным) ритмом, допускающие в сегментном составе кластеры согласных, открытые и закрытые слоги, обязательную редукцию безударных слогов. Китайские студенты в чтении фраз на родном языке (характерно, что китайцы предпочли начать с более сложной задачи – читать английский перевод) сокращают скорость артикуляции, что убеждает нас в том, что длительность китайского слога может соответствовать темпу нормальной, а не замедленной речи.

Социокультурный аспект ритмо-темпоральных различий в речи на иностранных языках состоит в том, чтобы обеспечить понятность и разборчивость речи, с одной стороны, и создать определенный образ – с другой. Часть социокультурного имиджа связана с колебаниями темпа, которые сигнализируют о намерении говорящего, его эмоциональном состоянии, а также об интеллекте и национальной идентичности. В этом отношении очень медленный темп не оказывает позитивного влияния на социальную привлекательность говорящего. Учет этих факторов важен для обучения русскоязычных студентов английскому и китайскому языкам одновременно.

Особую тему социального взаимодействия на английском языке представляет вопрос о переключении кодов. Иностранные исследователи, изучавшие результаты преподавания английского языка в КНР, отмечают такое явление, как code-mixing, когда китайские молодые люди, общаясь на родном языке, часто вставляют в свою речь английские слова. По мнению наблюдателей, это происходит естественно, как проявление новой идентичности современных передовых людей [Zhang, Bolton, Botha 2020]. Очевидно, что назвать по-английски современное электронное устройство или модный тренд в поп-музыке намного проще, чем построить английскую фразу, но на данном этапе этого достаточно. Другие авторы отмечают, что в Китае существует практика заучивания отдельных слов [Deterding 2006], что, на наш взгляд, способствует запоминанию слов, но не обеспечивает усвоение ритмо-синтаксического строя иностранного языка и сказывается на трудностях построения связного высказывания в английском языке.

Таким образом, отвечая на основной вопрос в нашем исследовании относительно степени влияния структуры изучаемого языка или владения этим языком на скорость артикуляции, мы можем констатировать, что при прочих равных условиях переключение на язык с другой структурой слога, слова и фразы вызывает значительное замедление когнитивного процесса обработки текста, о чем свидетельствует замедление скорости чтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вихрова А. Ю. Эмоционально окрашенные интонации радости, страха и сожаления в современном китайском языке (к проблеме универсальных и специфических черт интонации) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2011. Вып. 2. С. 97–107. [Vikhrova, A. Yu. (2011). Emotive intonations of joy, fear and regret in modern Chinese language (the problem of universal and specific features of intonation). *Vestnik of Moscow University. Oriental studies, 2*, 97–107. (In Russ.)].

Румянцев М. К. Тон и интонация в современном китайском языке. М.: МГУ, 1972. [Rumjancev, M. K. (1972). Ton i intonacija v sovremennom kitajskom jazyke. (*Tone and intonation in modern Chinese*). Moscow: MSU. (In Russ.)].

Румянцев М. К. Фонетика и фонология современного китайского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. [Rumjancev, M. K. (2007). Fonetika i fonologija sovremennogo kitajskogo jazyka (Phonetics and phonology of modern Chinese). Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russ.)].

Сокорева Т. В., *Шевченко Т. И.* Английский язык с китайским акцентом: сегментные и сверхсегментные черты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1 (830). С. 178–189. [Sokoreva, T. V., Shevchenko, T. I. (2020). English with Chinese accent: segmental and suprasegmental features. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1*(830), 178–189. (In Russ.)].

Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. М: Высшая школа, 1990. [Shevchenko, T. I. (1990). Social'naja differenciacija anglijskogo proiznoshenija. (*Social differentiation of English pronunciation*). Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)].

Chao Y.-R. Tone and Intonation in Chinese // Bulletin of the Institute of History and Philology. 1933. Vol. 4. P. 121–134.

Chen H. C., Wang Q. The Effects of Chinese Learners' English Acoustic-prosodic Patterns on Listeners' Attitudinal Judgements // The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2018. Vol. 22(2). P. 91–108.

Deterding D. The Pronunciation of English by Speakers from China // English World-Wide. John Benjamins Publishing Company, 2006. Vol. 27:2. P. 175–198.

Gandour J. T. Neural substrates underlying the perception of linguistic prosody // Tones and Tunes. Vol. 2: Experimental Studies in Word and Sentence Prosody. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 3–25.

Han F. Pronunciation Problems of Chinese Learners of English // ORTESOL. 2013. Vol. 1(5). P. 26–30.

Li A., Fang Q., Dang J. Emotional Intonation in a Tone Language: Experimental Evidence from Chinese // ICPhS XVII. Hohg Kong 17–21 August 2011. P. 1198–1201.

Peng S., Chan M. K. M., Tseng C., Huang T., Lee O. J., Beckman M. E. Towards a Pan-Mandarin System for Prosodic Transcription // Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing / ed. by Sun-Ah Jun. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 230–270.

Zhang W., Bolton K., Botha W. English in the People's Republic of China // The Handbook of World Englishes. Second Edition / ed. by Cecil L. Nelson, Zoya G. Proshina, Daniel R. Davis. 2020. P. 206–280.

УДК 81.28 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_162

М. А. Чубарова

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
e-mail: maryglazunova@yandex.ru

СТРУКТУРА И ЧАСТОТНОСТЬ ТОНОВ КАК КЛЮЧИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье исследуется мелодический аспект просодических систем региональных вариантов английского языка в Дублине, Белфасте и Кембридже. Цель работы состоит в сравнительном анализе структуры и частотности употребления ядерных тонов в данных типах произношения. Материал: аудиозаписи звучащей спонтанной речи группы из 24 подростков, сбалансированной по гендеру, взятые из корпуса IViE (Intonational Variation in English).

Ключевые слова: мелодика; ядерный тон; вариант английского языка в Дублине, Белфасте, Кембридже; восходящий тон; восходяще-нисходящий тон.

M. A. Chubarova

Postgraduate Student, Department of English Phonetics,
Faculty of English, Moscow State Linguistic University
maryglazunova@yandex.ru

STRUCTURE AND FREQUENCY OF TONES AS CUES TO NATIONAL IDENTITY

The present article focuses on the melodic aspect of Dublin English, Belfast English, and Cambridge English. The goal of the study is to conduct a comparative analysis of the frequency of nuclear tones in the given types of pronunciation. The material includes speech samples of 24 teenagers balanced for gender taken from the IViE (Intonational Variation in English) corpus.

Key words: melody; nuclear tone; Dublin English; Belfast English; Cambridge English; rising tone; rising-falling tone.

Введение

Сегодня использование «больших данных» дает возможность машине не только распознавать, но и классифицировать интонационные характеристики различных диалектов. Развитие методов акустического анализа и востребованность в современном мире технологий

распознавания речи приводят к отстранению субъекта исследования от первичного анализа данных. Однако существуют особенности интонационного рисунка, на которые на малом объеме реагирует человеческое ухо: к ним, в частности, относятся тонкие структуры тонов и частотность их повторения.

В настоящее время в изучении ирландского английского получил распространение социоисторический подход [Шевченко 1990], который рассматривает распространение влияния ирландского варианта английского языка на другие типы произношения как на территории Британских островов, так и за их пределами. С XVII по XX век данный диалект в связи с миграцией был перенесен на восточное побережье США, в XVII–XVIII веках – на восточную часть Карибского региона и в Ньюфаундленд, а позднее, в XVIII–XIX веках, уже в меньшей степени, повлиял на произношение в Австралии и Новой Зеландии [Kirkpatrick 2010].

Ирландский акцент, как отмечает Р. Хайки, при условии того, что носителей гэльского ирландского языка осталось не так много, является проявлением национальной идентичности [Hickey 2012]. Изучая преимущественно звуковую систему ирландского варианта английского языка, а также особенности его синтаксиса, Р. Хайки подчеркивает, что не существует единого кодифицированного ирландского английского: ирландский вариант английского языка появился в результате усреднения специфически диалектных черт. Об этом явлении «выравнивания» диалектных черт пишут и другие авторы; в частности, Д. Кристал подчеркивает, что диалекты не исчезают и не вытесняют друг друга, а только придают новую окраску акцентам благодаря мобильности населения и другим социальным переменам в жизни речевого сообщества конкретного региона [Crystal 2019].

Говоря о национальной идентичности [Шевченко, Федотова 2014], следует упомянуть исследование интонации диалекта Глазго, проведенное А. Краттенденом на основе анализа двух типов речи человека, живущего в условиях диглоссии. Исследователь показывает, что разные интонационные системы используются в различных речевых стилях: чтение, относящееся к подготовленной речи, характеризовалось меньшим количеством региональных черт и большей приближенностью к стандартному типу произношения по сравнению с разговорной речью [Cruttenden 2007].

Ирландский вариант английского языка лингвистически символизирует национальную идентичность носителей, что находит свое отражение в фильмографии: черты данного типа произношения характерны для речи актеров ирландского кино. В литературе также отмечается восприятие данного диалекта носителями других типов произношения на Британских островах. Д. Кристал, обобщая опыт обзоров мнений для подбора голосов в кол-центрах, отмечает рост позитивного отношения к региональным акцентам, при этом ирландский акцент, по их данным, приблизился к эдинбургскому шотландскому акценту по популярности [Crystal 2019]. Очевидно, однако, что не все жители Британских островов готовы идентифицировать себя как носителей ирландского произношения. Так, например, в исследовании М. О. Кузьминой носителям ливерпульского типа произношения предлагалось прослушать примеры североирландского, валлийского, манчестерского, юго-восточного и ливерпульского акцентов и сказать, с каким из них они ассоциируют свою собственную речь. Результаты опроса показали, что наименее популярным среди респондентов оказался именно североирландский акцент, хотя он, бесспорно, имел немалое влияние на формирование ливерпульского типа произношения [Кузьмина 2015].

Данные о восприятии ирландского акцента дополнила также работа И. И. Явица, который исследовал маркеры и механизмы создания юмористического эффекта, собирая материал на фестивале «Fringe» в Эдинбурге, где участвовали артисты из разных стран и регионов. Некоторые юмористы, даже не будучи носителями ирландского акцента, пытались изобразить его, что показывает, что существуют определенные стереотипы, связанные с данным типом произношения: ирландский акцент считается смешным [Явиц 2016].

Эти наблюдения подтверждают и выводы Р. Хайки о существовании так называемой «сценической фигуры ирландца» («Stage Irishman») [Hickey 2010]. Автор рассказывает о том, что еще с XIX века в английской литературе и на сцене театра создавался образ ирландца как неотесанной деревенщины и простачка; при этом лингвистически, как и исторически, данный портрет был не вполне точен и справедлив.

Интонационная система ирландского варианта английского привлекает внимание также в контексте взаимосвязи данного варианта

с другими кельтскими типами произношения и их спецификой. Так, например, А. Лукина и Г. Кочански математически подсчитали особенности семи диалектов (Лондон, Кембридж, Лидс, Бредфорд, Ньюкасл, Белфаст, Дублин), представленных в корпусе IViE, и пришли к парадоксальному выводу о сходстве в ритме речи жителей Кембриджа и Дублина, что они объяснили консервативностью типов произношения в этих городах. При этом Белфаст, который находится на территории бывшего Ольстера, под влиянием ольстерских шотландцев [Hickey 2007], невозможно было включить в какую-либо группу по ритмическим показателям подростков [Loukina et al. 2011].

Ирландский акцент интересен также и тем, что он перекликается и, как доказал А.Краттенден, отделяется от современного направления «uptalk» [Jarman, Cruttenden 1976; Wells 2006]. Восходящие тоны в утверждениях, а также ровные тоны, воспринимающиеся как подъемы, являются стилистически нейтральными в ирландском типе произношения. В отличие от этого регионального типа произношения применительно к современной тенденции uptalk можно говорить о социальной окрашенности и о тактике коммуникативной кооперации. Недавние исследования uptalk на материале речи молодых образованных жителей Англии показали, что данное явление можно считать маркером молодежной речи; женщины используют данную интонационную модель в два раза чаще мужчин. Более того, мужчины понимают функции восходящего и нисходящего тонов более традиционно, чем женщины [Безбородова, Медведева 2018].

Еще в 1990-е годы Т. С. Скопинцева экспериментально установила специфику ирландского варианта английской речи. Исследователь изучала на материале чтения акустические характеристики в просодии нескольких регионов посредством специальной программы, которая на основании 21 параметра устанавливала особенности распределения энергии интегральных спектров в речи жителей Лондона, Эдинбурга, Глазго, Юга и Севера Англии, Мидленда, Северной Ирландии, Уэльса. Для ирландского варианта были характерны самый узкий диапазон и монотон в мелодике. Данные акустики сопоставлялись с данными по идентификации регионов носителями языка из Великобритании. При этом было отмечено, что диалект Северной Ирландии может идентифицироваться как шотландский, что сближает два

кельтских региона в восприятии англичан [Скопинцева 1995]. Тем не менее речь молодых жителей Северной Ирландии и Шотландии так же четко противопоставлена типам произношения Англии, как и речь носителей диалектов. Произносительные особенности шотландского диалекта наиболее известны по сравнению с другими: они идентифицируются практически безошибочно.

С точки зрения мелодики, как установлено в работе по интонации шотландского варианта, самым характерным является восходящее-нисходящее движение тона, которое было отмечено даже в отдельных безударных слогах, а также наличие ровных тонов [Скуланова 1987]. Частотность использования восходяще-нисходящих и восходящих тонов, создающих специфичную «напевную» интонацию, упоминается в исследовании М. В. Федотовой валлийского варианта английского языка [Федотова 2013]. В ирландской речи восходящие тоны в утвердительных предложениях – самая выразительная черта, описанная А. Краттенденом [Cruttenden 1976].

Таким образом, актуальность данного исследования состоит в изучении структуры и частотности тонов на материале наименее изученной спонтанной речи подростков. Выбор диалектов Дублина, Белфаста и Кембриджа обусловливается целью выявить общекельтские и специфически ирландские черты. Тип произношения столицы Республики Ирландии сравнивается с североирландским произношением, претерпевшим влияние шотландского диалекта. Кельтские варианты приводятся в контрасте с южноанглийским типом произношения в Кембридже. Исследование частотности использования тонов дает богатый материал для выявления национальной идентичности и социальной вариативности.

Методы и материал

Объектом исследования является мелодический аспект просодических систем диалектов Дублина, Белфаста и Кембриджа, а предметом – специфические особенности в частотности употребления ядерных тонов в данных типах произношения. Цель исследования – сравнительный анализ мелодических особенностей звучащей речи трех британских акцентов, а также выявление возможного гендерного варьирования.

В качестве материала исследования были взяты аудиозаписи звучащей речи из корпуса IViE (Intonational Variation in English) – проекта, посвященного исследованию диалектов английского языка на Британских островах. Дикторами в данном исследовании выступили подростки в возрасте 16 лет[1].

Для изучения были отобраны записи свободной речи, в разговорном стиле и в неформальной обстановке четырех девочек и четырех мальчиков из каждого из трех городов: всего 24 респондента. В проанализированных отрывках диалогов, продолжительностью в среднем 45 секунд (общая продолжительность звучащего материала 1090 секунд), подростки обсуждали проблему курения среди своих сверстников и рассказывали истории из личного опыта. Общее количество синтагм в проанализированных отрывках: 697. Выбор респондентов позволяет изучить не только территориальное, но и гендерное варьирование. Тот факт, что респонденты разговаривают со своими же одноклассниками, задает параметры ситуации неформального общения с равным по социальному статусу собеседником.

В ходе исследования были использованы аудиторский, акустический и сравнительный методы и элементы статистического анализа [Шевченко и др. 2017].

Материал исследования был разделен на синтагмы в соответствии с паузацией, однако были учтены и случаи беспаузального деления. Далее, ядерные тоны в финальных и нефинальных синтагмах были описаны в соответствии с их высотными уровнями начала и завершения тона, а также их направлением. Была осуществлена верификация результатов через акустический анализ при помощи программы Praat – для данного исследования была использована версия 6.1.13. На финальном этапе полученные данные были подвергнуты статистическому анализу.

Результаты

Данные, показывающие частоту употребления восходящих, нисходящих, ровных, сложных и составных тонов в речи подростков приведены в таблице. Результаты классифицированы в зависимости от города (Белфаст, Кембридж, Дублин) и гендерной принадлежности («м» – мальчики; «д» – девочки).

[1] URL: http://www.phon.ox.ac.uk/old_IViE.

Таблица

	Белфаст (д)	**Белфаст (м)**	**Кембридж (д)**	**Кембридж (м)**	**Дублин (д)**	**Дублин (м)**
Общее количество терминальных тонов	105	154	109	121	104	104
Восходящие тоны (%)	55,2	37	7,3	0	11,5	6,7
Нисходящие тоны (%)	13,3	17,5	44	45,5	37,5	41,4
Ровные тоны (%)	8,6	20,1	22	20,7	13,5	23,1
Сложные (%)	8,6	1,3	7,3	7,4	13,5	6,7
Составные (%)	14,3	24	19,3	26,5	24	22

Из результатов анализа данных, представленных в таблице, видно, что частотность употребления ядерных тонов в речи мальчиков и девочек из трех представленных городов отличается, сравнительный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- *восходящие тоны* (ВТ) наиболее распространены в речи подростков из Белфаста, где они преобладают над всеми иными группами ядерных тонов: 55,2 % – д, 37 % – м. В Кембридже употребление ВТ составило 7,3 % – д, 0 % – м; в Дублине – 11,5 % – д, 6,7 % – м. В речи *девочек* из всех трех городов было использовано больше восходящих тонов, чем в речи мальчиков.
- *нисходящие тоны* (НТ) в наименьшей степени были представлены в речи респондентов из Белфаста: 13,3 % – д, 17,5 % – м. Наибольшее их количество было обнаружено в Кембридже: 44 % – д, 45,5 % – м; сопоставимое, но всё же несколько меньшее количество НТ наблюдалось в речи дублинцев: 37,5 % – д,

41,4 % – м. В речи кембриджцев и дублинцев НТ преобладают над иными группами тонов. НТ несколько более характерны для речи *мальчиков*, хотя, особенно для Кембриджа, разница употребления не столь велика.

- в случае с *ровными тонами* (РТ) представляется затруднительным четко выделить территориальные и гендерные особенности распространения. Наименьшее количество их появляется в речи девочек из Белфаста – 8,6 %, а наибольшее – в речи мальчиков из Дублина – 23,1 %. Частота использования РТ в речи мальчиков из Белфаста значительно превышает показатель у девочек того же города: 20,1 %, что сопоставимо с частотой РТ в речи кембриджцев – 22 % – д, 20,7 % – м. Меньшее количество РТ появляется в речи девочек из Дублина – 13,5%.
- *сложные тоны* (СТ), к которым мы относим нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий, а также восходящее-нисходящий с начальным подъемом, за исключением Кембриджа – 7,3 % – д, 7,4 % – м, преобладают в речи девушек – Белфаст – 8,6 % – д, 1,3 % – м; Дублин – 13, 5 % – д; 6,7 % – м. СТ являются наименее распространенной группой в речи всех подростков.
- *составные тоны*, ввиду их разнообразия, будут подробнее рассмотрены ниже. Их частота употребления довольно высока: Белфаст – 14,3 % – д, 24 % – м; Кембридж – 19,3 % – д, 26,5 % – м; Дублин – 24 %, 22 %. За исключением речи дублинцев, данная группа тонов более характерна для речи мальчиков.

Дискуссия

Как показали результаты исследования, Белфаст в значительной степени отличается от других городов в первую очередь частотой употребления восходящих тонов. К этому стоит добавить, что большинство составных тонов в речи респондентов из Белфаста также имели восходящий терминальный элемент: нисходящий + восходящий тон составил 77,8 % из общего количества сложных тонов в речи девочек и 67,6 % в речи мальчиков.

В исследованном материале 94 % и 99 % синтагм в речи девочек и мальчиков из Белфаста – это утверждения, а значит, данная статистика по использованию тонов относится именно к утверждениям.

Надо отметить, что восходящие интонации появляются во вполне нейтральных утверждениях, не предполагающих оттенка вежливой неуверенности как стратегии расположения собеседника.

e.g., «∨no, I ˈhaven't ˈbeen ˈinfluenced by ↗**advertising**,‡ ˈadver↖tising |wouldn't have |any **ef↗fect** on ˈme.» (Белфаст, ж);
«(- ˈDo you ˊsmoke?) – ↗**No**.» (Белфаст, ж);
«I ↖don't ˌsee the ˌpoint in ↗**smoking**.‡ →It ‡ˌdamages your ↗**health**.» (Белфаст, м).

Исследование частотности использования ядерных тонов в речи подростков из Кембриджа и Дублина показало более схожие результаты.

Однако необходимо упомянуть разницу в употреблении сложных тонов. В речи подростков из Дублина 50 % (девочки) и 85 % (мальчики) от всех сложных тонов составляют восходяще-нисходящие, тогда как в речи девочек из Кембриджа данный тон не встречается, а в речи мальчиков попадается лишь один раз, все прочие же сложные тоны нисходяще-восходящие. В речи подростков из Белфаста данный тон встречается в 56 % сложных тонов у девочек, а в речи мальчиков восходяще-нисходящий тон единственный представляет группу сложных тонов. Важно заметить также то, что восходяще-нисходящий тон в речи подростков из Дублина и Белфаста появляется в эмоционально нейтральных высказываниях.

e.g., «ˈsame with ˈall the ∧**advertise**, it's ˌlike ↑ ˈsmoking ˈcauses ↖cancer, you |see it ∧**everywhere**» (Дублин, ж);
«→That's‡… ˌMy **de∧cision** →and» (Белфаст, м);
«ˈWhen you're ˊbored and ˌyou've .nothing to ∧**do** it's» (Белфаст, ж).

Таким образом, можно заключить, что восходяще-нисходящий тон сближает варианты английского языка в Дублине и Белфасте. Возможно предположить, что данный тон является общей характеристикой для вариантов английского языка с кельтскими корнями.

Говоря о гендерном варьировании, стоит отметить, что восходящие тоны более характерны для речи девочек, нежели чем для речи мальчиков. Однако в большей степени закономерности в частотности употребления ядерных тонов заметны в плане территориального, а не гендерного, варьирования.

Выводы

Итак, сравнивая варианты английского языка в Дублине, Белфасте и Кембридже на материале речи подростков, мы заметили общие и различные черты в структуре и частотности употребления определенных ядерных тонов. Речь подростков из Белфаста отличается наибольшим количеством восходящих тонов. С дублинцами же их объединяет эмоционально-нейтральное использование восходяще-нисходящих тонов. Таким образом, изучение структуры и частотности тонов позволяет сделать вывод о существовании лингвистического континуума на территории Британских островов, а также лучше изучить региональную специфику, составляющую основу национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Безбородова М. В., Медведева Т. В. Явление «uptalk» в речи молодых носителей британского варианта английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 1 (803). С. 21–35 [Bezborodova M. V., Medvedeva, T. V. (2018). Uptalk in the speech of young Britons. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1*(803), 21–35. (In Russ.)].

Кузьмина М. О. Наследники Битлз: что думают жители Ливерпуля о своем произношении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 1 (712). С. 103–122. [*Kuz'mina, M. O.* (2015). The Beatles' successors: what liverpudlians think of their pronunciation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1*(712), 103–122. (In Russ.)].

Скопинцева Т.С. Территориальная вариативность английской интонации на Британских островах: автореф. дис. … кан. филол. наук. М., 1995. [Skopinceva, T. S. (1995).Territorial'naya variativnost' anglijskoj intonacii na Britanskih ostrovah. (Regional variatiom of the English intonation on the British Isles): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Скуланова Г. М. Региональная вариативность интонации: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1987. [Skulanova, G. M. (1987). Regional'naya variativnost' intonacii. (*Regional variation of intonation*): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Федотова М. В. Социально-личностная вариативность английской интонации в речи жителей Уэльса: дис. … канд. филол. наук. М., 2013. [Fedotova, M. V. (2013). Social'no-lichnostnaya variativnost' anglijskoj intonacii v rechi zhitelej Uel'sa. (*Social and individual variation in the speech of the Welsh*): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)].

Шевченко Т. И. Социальная дифференциация английского произношения. М.: Высшая школа, 1990. [Shevchenko, T. I. (1990) . Social'naya differenciaciya anglijskogo proiznosheniya. (*Social variation in English pronunciation*). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].

Шевченко Т. И., Федотова М. В. Параметры национальный индентичности в интонации: социальный и акустический аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 1 (687). С. 268–286. [Shevchenko, T. I., Fedotova, M. V. (2014). National identity parameters in intonation: social and acoustic aspects. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 1*(687), 268–286. (In Russ.)].

Шевченко Т. И. [и др.]. Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты. Дубна: Феникс+, 2017. [Shevchenko,T. I. et al. (2017). Metody analiza zvuchashchej rechi: novye izmereniya I rezul'taty. (*Methods of spoken speech analysis: new data and results*). Dubna: Feniks+. (In Russ.)].

Явиц И. И. Над чем смеются британцы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 1 (740). С. 204–217. [*Yavits, I. I.* (2016). What do the British people laugh at. *Vestnik of Moscow State Linguistic University, 1*(740), 204–217. (In Russ.)].

Coleman, J., Kochanski, G., 2002, IViE corpus: URL: http://www.phon.ox.ac.uk/old_IViE (дата обращения: 25.12.2020).

Cruttenden. A. Intonational diglossia: A case study of Glasgow // Journal of the International Phonetic Association. 2007. Vol. 37(03). P. 257–274.

Kirkpatrick A. The Routledge Handbook of World Englishes. Abingdon: Routledge, 2010. P. 76–95.

Hickey R. Standards of English. Codified Varieties around the World. Cambridge: University Press, 2010.

Hickey R. Irish English. History and Present Day Forms. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Hickey R. The Handbook of Language Contact. Chichester: John Wiley & Sons, 2012.

Jarman E., Cruttenden A. Belfast intonation and the myth of the fall // Journal of the International Phonetic Association. 1976. Vol. 6(1). P. 4–12.

Loukina A., Kochanski G., Rosner B., Keane E., Shih C. Rhythm measures and dimensions of durational variation in speech // The Journal of the Acoustical Society of America. 2011. Vol. 129 (5). P. 3258–3270.

Wells J. C. English Intonation: an Introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

УДК 821.531 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_173

Д. В. Мосейчук, М. В. Солдатова

Мосейчук Д. В., преподаватель Военного учебного центра
Московского государственного лингвистического университета
e-mail: mdvru@yahoo.com

Солдатова М. В., кандидат филологических наук; доцент кафедры
дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ;
доцент кафедры восточных языков Российского государственного гуманитарного
университета
e-mail: maria_soldatova@hotmail.com

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ ПРОЗЫ О КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЕ (1950–1953) КАК ОТРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Авторами статьи исследуется содержание коллективной памяти южнокорейского общества о Корейской войне (1950–1953) посредством выявления повторяющихся мотивов в произведениях писателей Южной Кореи на данную тему. Предпринимается попытка с помощью анализа содержания произведений разных лет проследить эволюцию коллективной памяти южных корейцев о войне. В процессе последовательного рассмотрения произведений, героями которых являются селяне, горожане и военнослужащие, изучаются взаимосвязи между повторяющимися мотивами.

Ключевые слова: Корейская война; корейская литература; литература о войне; коллективная память.

D. V. Moseichuk, M. V. Soldatova

Moseichuk D. V., Lecturer, Military Training Center,
Moscow State Linguistic University
e-mail: mdvru@yahoo.com

Soldatova M. V., PhD (Philology), Associate Professor,
Far Eastern Languages Department, Military University of the Ministry of Defense
of the RF; Oriental Languages Department, Russian State University for the Humanities
maria_soldatova@hotmail.com

SOUTH KOREAN LITERATURE ABOUT THE KOREAN WAR. ASPECTS OF CONTENT AS A REFLECTION OF COLLECTIVE MEMORY

The article analyzes the contents of collective memory about the Korean War (1950–1953) in South Korea by determining the recurrent motives that are found in South Korean fiction writings about the war. We attempt to trace back the evolution of collective memory about the Korean War by analyzing the contents of writings that represent different afterwar time periods. With recurrent motives determined for stories about the peasantry, the citizens and the military respectively, we attempt to find out whether there is any correspondence between them.

Key words: Korean War; Korean literature; war literature; collective memory.

Введение

С момента окончания Корейской войны прошло почти 70 лет, однако это трагическое событие продолжает занимать важнейшее место в структуре коллективной памяти как южных, так и северных корейцев.

Историк Р. Козеллек подчеркивает, что со временем «насыщенное личным опытом настоящее прошлое очевидцев, переживших его, становится чистым прошлым», «исследовательские критерии становятся более трезвыми, но… и более бесцветными, менее насыщенными эмпирикой» (цит. по: [Ассман 2018, с. 207]. В то же время историк и культуролог А. Ассман говорит о потере монополии историков на реконструкцию, толкование и репрезентацию прошлого: «Рядом с историком появилось множество медийных конкурентов и форматов, участвующих в разрешении той же задачи. Взамен примата научного исследования и постепенной историзации появляется множество форм и жанров воспоминаний, которые отчасти сотрудничают, а отчасти конкурируют с исторической наукой» [Ассман 2019, с. 223]. Индивидуальная память оказывается включена в более крупные структуры, частью которых она является и с которыми она взаимодействует.

При этом возникает вопрос: «Может ли история быть объективной?» На одноименной конференции в МГУ В. А. Тишков говорил: «История перестала быть просто академической дисциплиной, это часть общей культуры гораздо в большей степени, чем это было во все прошлые эпохи. Сегодня историки не могут считать себя исключительными владельцами даже профессионального исторического знания. Они вынуждены делиться с целым рядом новых авторов

правом на интерпретацию, на объяснения и просто разговоры на тему истории. Это прежде всего то, что называется просвещенная публицистика или историческая беллетристика» [Может ли история быть объективной 2012, с. 7–8]. Л. С. Белоусов отмечал: «В переломные эпохи, как правило, возрастает интерес к историческому прошлому, общество вовлекается в активные дискуссии о нем, а сами дискуссии зачастую утрачивают научный характер, становясь инструментом политической и идейной борьбы. В результате в обществе утрачивается представление об истории как науке» [там же, с. 19].

Основоположник исследований коллективной памяти М. Хальбвакс писал: «История – это не все прошлое, но она и не все то, что остается от прошлого. Или, если угодно, наряду с письменно зафиксированной историей существует живая история, которая продолжается или возобновляется через годы и в которой можно обнаружить большое количество прежних течений, казавшихся иссякшими… мы вполне свободны восстановить эту среду и воссоздать вокруг нас эту атмосферу, в частности при помощи книг, гравюр, картин…» [Хальбвакс URL].

На самом деле, большинство неспециалистов черпает информацию об исторических событиях не в архивных документах и научных статьях, а в школьных учебниках, развлекательно-познавательных телепередачах, музеях, кино и художественной литературе. Конечно же, литературное произведение, как и фильм, не обязательно является достоверным источником фактологической информации. Как подчеркивает российский историк, специалист по военной истории России XX века. Е. С. Сенявская, оно ценно в другом отношении: как источник, отражающий ментальность, настроения, общественное сознание своего времени, то есть некую социальную реальность [Сенявская 2001]. Не случайно довольно трудно провести четкую границу между художественной литературой и мемуарами.

Художественная литература выполняет важные социальные функции: например, сохраняет, а также передает из поколения в поколение мировоззренческие и другие ценности, позволяет эмоционально пережить события, произошедшие с другими людьми. С одной стороны, в той или иной степени отражает коллективное сознание общества, с другой – участвует в его формировании.

Важно отметить, что коллективная память, столь необходимая для решения определенных социальных задач, – это память исключительно

вербализованная. Кроме того, эта память не предполагает случайных образов и обязана являть собой некую систему, логичную хотя бы на неаналитический взгляд. События становятся объектом коллективной памяти, будучи трактованы тем или иным образом, и именно в этой трактовке приобретают своего рода вечное значение [Солдатова 2017].

Мы ставим своей задачей изучение содержания коллективной памяти южнокорейского общества о Корейской войне посредством выявления повторяющихся мотивов в произведениях писателей Южной Кореи на данную тему. Анализируя содержание произведений разных лет (с середины XX в. до начала XXI в.), мы стремимся проследить эволюцию коллективной памяти южных корейцев о войне. Для удобства изучения взаимосвязей между мотивами мы последовательно рассматриваем произведения, в которых главными героями являются селяне, горожане и военнослужащие. Считаем нужным заметить, что в ряде произведений действуют представители разных групп, но это не искажает общую картину, а делает ее более полной.

Литературе Республики Корея и КНДР о Корейской войне посвящены работы таких исследователей, как Ким Мунсу, Пак Синхон, Син Хёнги, Син Ёндок, Ю Хагён (Республика Корея), Дж. де Вит (Германия), Д. Зур (Израиль), К. Станциу (Румыния), М. В. Солдатова (Россия).

Выбор послевоенной литературы в качестве отдельного объекта исследования обусловлен тем, что литературное творчество времен войны по большей части служило единственной цели: четко и эмоционально указать читателю на противника, поддержать боевой дух соотечественников [Солдатова 2018]. Дж. де Вит замечает: «Только после окончания войны писатель может рассмотреть ее как законченное событие, а также составить мнение относительно такового»[1] [Jerome 2015, с. 17].

Корейская война в художественной литературе

Война глазами сельского жителя

Республика Корея к началу Корейской войны была небогатой сельскохозяйственной страной. Большую часть населения, как и в колониальный период, составляли крестьяне, жизнь которых напрямую зависела от урожая. В рассказе Хван Сунвона «Белые журавли»

[1] Перевод наш. – *Авт.*

действие разворачивается в деревне. Главные герои рассказа – два близких друга, которых жизнь развела по разные стороны межкорейской границы.

> Во дворе стоял какой-то парень со связанными руками. Вроде бы не местный. Да это же Токчэ – закадычный друг детства! (*Хван Сунвон, 1953, пер. Г. Рачкова*).

Сонсам – член южнокорейского Комитета охраны порядка, Токчэ – заместитель председателя Крестьянского союза деревни. Сонсам конвоирует Токчэ, схваченного в отбитой у северян родной деревне. По мере развития событий Сонсам осознает, что жизнь и самочувствие друга детства Токчэ значат для него больше, чем идеологические убеждения.

> Внезапно подумал: а, может, Токчэ тоже хочет курить? Он вспомнил, как еще подростками они тайком от всех курили у забора сухие тыквенные листья (*там же*).

> Сонсам с трудом сохранил серьезный вид. Он спросил о детях просто так, для приличия, и, услышав ответ, едва не расхохотался, представив себе кургузую Каракатицу с огромным брюхом (*там же*).

Возвращение на родную землю и встреча с другом детства воскрешают в памяти главного героя довоенную жизнь. Автор сообщает, что, бежав на Юг, Сонсам оставил на произвол судьбы семью, а себя обрек на муки совести.

> Осеннее солнце припекало лоб. Погожий день для молотьбы, подумал Сонсам.
>
> Сонсам бежал один. Скитался по Югу, по чужим городам и селам, но незнакомым улицам и дорогам, и все время думал об одном и том же: как там старики-родители, жена, дети, брошенное хозяйство? (*там же*).

Война разрушает уклад, который живущему на земле крестьянину представляется единственно возможным, подрывает важнейшие ценности.

> Нам говорили: «Придут южане – всех перестреляют». Поэтому всех мужчин от семнадцати до сорока эвакуировали на Север. Вот и я решил: уеду. И отца увезу. Надо будет, на руках унесу. Да отец наотрез отказался. Я, говорит, крестьянин, и от своей земли убегать не стану. И ты

не можешь уехать – ты у меня единственный сын, ты должен закрыть мне глаза, когда помру. Негоже нам, крестьянам, оставлять свою землю. (*Хван Сунвон, 1953, пер. Г. Н. Рачкова*).

В одной из сцен главный герой принимает журавлей, вышагивающих в поле, за людей в белых одеждах. Понять метафору «журавли – корейский народ» помогает обращение к самоназванию древних корейцев – «люди в белых одеждах». К тому же журавль является одним из традиционных восточных символов долголетия. Парящие в небе журавли в финале повествования дарят надежду на будущее примирение и торжество жизни.

Слушай, давай поймаем журавля! – внезапно предложил Сонсам. <...> Он развязал Токчэ руки, лег и прополз несколько метров в густой траве <...> Токчэ бросился в траву и пополз в обход. А в это время два белых журавля, широко распластав крылья, парили высоко в голубом осеннем небе (*там же*).

В рассказе Ли Мунёля «Вспышки воспоминаний» главный герой – преступник, дающий показания. Рассказывая об обстоятельствах произошедшего, он углубляется в события своего детства, выпавшего на годы Корейской войны. Война разрушила семью главного героя, когда тому едва исполнился год. Его отец, подавшись в красные партизаны, погиб, а они с матерью стали приживалами в семье старшего брата отца. Мальчик, не зная, что случилось с отцом, выдумывает о нем красивые истории. Но однажды одноклассник с презрением сообщает ему правду.

– Ты отродье коммуняки! Да не просто коммуняки, а свирепого красного партизана! (*Ли Мунёль, 1988, пер. М. Солдатовой, Ро Чжи Юн*).

Двоюродному брату приходится признаться:

Не только противники пострадали от него. Твой отец увел за собой в леса шестерых односельчан, из которых никто не выжил – считай, он и их убил, да и мой отец умер, не дожив до пятидесяти, не иначе как из-за страданий, причиненных младшим братом (*там же*).

Все, кроме матери, испытывают к мальчику неприязнь.

Десятилетний сирота, ненавидимый даже родными, мог ли я рассчитывать на симпатию односельчан? (*там же*).

Из воспоминаний героя мы узнаем, что и сельчане обращались с партизанами крайне жестоко, только вот впоследствии предпочли об этом забыть.

> Чаще всего вступали в конфликт с реальностью, эффективнейшим образом характеризуя меня как лжеца, мои воспоминания, связанные с Корейской войной. Например, о красных партизанах, которыми в то время леса за селом кишели, как швы нашего зимнего белья гнидами. Сельчане отлавливали партизан и либо отрубали им головы, которые потом выставляли на камни вдоль берега ручья, либо подвешивали их на дерево жожоба перед полицейским участком и забивали палками до смерти. <…> Но потом, когда ко мне чудесным образом стали возвращаться воспоминания, выяснилось, что такого не случалось (*Ли Мунёль, 1988, пер. М. Солдатовой, Ро Чжи Юн*).

Герой уходит из дома, взрослеет, наконец находит работу по душе и женится. Кажется, жизнь налаживается. И вдруг ему как сыну красного отказывают в выгодной командировке.

> Я и подумать не мог, что во взрослом мире столкнусь с усвоенным мною в детстве представлением о приверженности коммунизму как о преступлении более страшном, чем любое другое – убийство, грабеж, воровство, поджог, мошенничество... Даже для убийства установлен срок давности в пятнадцать лет, а я по прошествии тридцати лет пострадал только за то, что родился сыном красного (*там же*).

Герою приходится расплачиваться за отца. Жена, объясняя свой уход, попрекает его плохим происхождением. Давно закончившаяся Корейская война продолжает калечить судьбы людей.

Невозможность избавиться от прошлого является важнейшим мотивом рассказа Ли Донха «Осколок». Главный герой, получив известие о смерти дяди, вспоминает историю своей семьи, расколотой войной. Его отец, присоединившись к красным партизанам, навлек на семью гнев односельчан.

> А за год до начала Корейской войны он и вовсе исчез. Однако это навлекло больше бед не на его голову, а на брошенную им семью (*Ли Донха 1983, пер. Е. Дроновой*).
>
> Этих ужасных дней я не смогу забыть до конца жизни. На моих глазах ее [мать] с позором протащили по всей деревне и бросили умирать в навозную кучу (*там же*).

Тут снова звучит мотив жестокости, невообразимой в обычных обстоятельствах. Клеветы и предрассудков оказывается достаточно, чтобы побудить охваченных страхом людей к расправе с невиновными. Дядя, служивший в южнокорейской армии, спасает мать героя от смерти. Заподозрив впоследствии, что дядя имел отношение к гибели его отца, герой разрывает отношения с семьей.

> Дверь в мир моего прошлого была прочно заперта (*Ли Донха 1983, пер. Е. Дроновой*).

Известие о смерти дяди он воспринимает отчасти с облегчением, надеясь окончательно распроститься со страшными воспоминаниями.

> Если бы можно было удалить их, пусть с частью мозга, я бы не раздумывая согласился (*там же*).
>
> Я похороню мрачное и бесславное прошлое. Я не могу в последний момент раскрыть жене тот темный мир, который столько лет прятал ото всех любой ценой (*там же*).

Но, как дяде не удалось избавиться от застрявшего в груди осколка, так и герою, скорее всего, не удастся избавиться от воспоминаний.

В рассказе Ку Хёсо «Мешки с солью», как и во многих других произведениях южнокорейских писателей о Корейской войне, место действия сначала переходит под контроль северян, а затем снова отвоевывается южанами.

Главная героиня рассказа – мать семейства. Неся ответственность за жизнь своих детей, она вынуждена была готовить для северян соевый творог, и односельчане после возвращения южан тут же припомнили ей это.

> Мать была вынуждена кормить солдат вражеской армии, так что, когда северяне отступили, она сразу же была причислена к предателям. Предателем считался и ее брат (*Ку Хёсо 2005, пер. Т. Акимовой*).

Страх перед обвинениями в пособничестве врагу заставляет людей бежать, бросив семью и хозяйство.

> Когда пришли наши, дядя скрылся, бросив старуху-мать, жену и двухлетнего сына (*там же*).

Отвечать за всё приходится тем, кто остался.

> Члены правого молодежного отряда старым серпом отрезали голову его жене в персиковом саду. <...> Мать тоже привязали к персиковому дереву (*Ку Хёсо 2005, пер. Т. Акимовой*).

Отец рассказчика, даже не попытавшийся защитить жену, не имеет никаких политических убеждений.

> Его взяли в правый молодежный отряд только за то, что он скрылся, когда пришли вражеские войска (*там же*).

Другой герой рассказа, образованный и верующий Пак Сонхён, вступает в правый отряд вполне осознанно.

> Помня, каким преследованиям подвергались при власти Севера христиане, он не мог бездействовать (*там же*).

Именно Пак Сонхён спасает мать рассказчика от смерти.

> Активисты правого движения тоже голодают, как когда-то солдаты Народной армии, и он велел матери готовить соевый творог (*там же*).

Женщина стала готовить соевый творог для южан. Она должна была выжить, чтобы выжили ее дети.

> Зато... вы... живы… (*там же*).

Селянам, в отличие от горожан, продающих свой труд, некуда бежать со своей земли. С другой стороны, продукты, которые они производят, нужны и южанам и северянам. На селе очень крепкие связи между родственниками. Тем большей трагедией становится раскол семьи, когда кто-то из нее встает на сторону правых, а кто-то – левых. Так происходит и в рассказе «Сезон дождей» Юн Хынгиля.

> Наш дядя по отцу, до этого момента разгуливавший с красной повязкой на рукаве, ушел вслед за Народной Армией, а наш дядя по матери, которому приходилось в собственноручно вырытой среди бамбуковой рощи пещере скрываться от китайских «народных добровольцев», вступил в ряды правительственных войск (*Юн Хынгиль 1973, пер. В. Тихонова*).

К сквозным мотивам можно отнести переход южанина на сторону Севера (или, реже, северянина на сторону Юга) и последствия этого поступка для родственников. Решение перейти на сторону противника, обрекая на несчастье свою семью, как правило, не является прихотью или случайностью и редко прямо осуждается автором. Перебежчик

покидает родину либо по идеологическим соображениям, либо спасаясь от преследования властей. А оставшаяся без кормильца семья впадает в нужду и вдобавок подвергается социальной изоляции и клевете. Этот мотив встречается в рассмотренных рассказах «Белые журавли» Хван Сунвона, «Осколок» Ли Донха или «Вспышки воспоминаний» Ли Мунёля, а также «Сезон дождей» Юн Хынгиля, «Земля отца» Лим Чхору и ряде других.

С этим мотивом часто связан другой – звериная жестокость самых обычных людей, напуганных непредсказуемым происходящим. Во времена, когда человеческая жизнь стремительно теряет в цене, любой, даже надуманный повод годится, чтобы нажиться на чьей-то беде, свести личные счеты или ощутить власть над обстоятельствами через насилие. В таких произведениях, как «Осколок» Ли Донха, «Вспышки воспоминаний» Ли Мунёля, «Мешки с солью» Ку Хёсо, мы видим сцены изощренных расправ как с партизанами, так и с родственниками перебежчиков.

Ни те, кто проявлял жестокость, ни их жертвы, ни свидетели страшных сцен не могут впоследствии найти объяснения и оправдания произошедшему, поэтому стремятся изгнать невыносимые воспоминания, но это не всегда получается. В рассказах, написанных через два-три десятка лет после войны, выделяется мотив невозможности избавления от трагического исторического наследия.

Война глазами горожан

События романа «Действительно ли была та гора?» Пак Вансо происходят в Сеуле во время его повторного захвата войсками КНДР. Из-за раненного брата рассказчицы ее семья не уехала в эвакуацию. Декорации первых глав романа – опустевший Сеул, оставленный южанами и пока еще не захваченный северянами. Брат рассказчицы, ушедший к северянам во время первой оккупации, а потом вернувшийся домой, боится сурового наказания.

> Ужас ему внушал не идеологический вакуум, а ожидание того, что потом ему придется ответить за сотрудничество с северянами (*Пак Вансо 2005, пер. Г. Ли*).

Главная героиня переживает, что впоследствии ее родным придется лгать, будто они были в эвакуации.

> Нам ни в коем случае нельзя будет говорить, что семья оставалась в Сеуле (*Пак Вансо 2005, пер. Г. Ли*).

Она понимает причины, по которым семья не смогла уехать, но не может сдержать обиды на мать и брата.

> Не в силах смириться с этим, я была зла и обижена на мать (*там же*).

Между членами семьи возникает разобщенность. В суровых, угрожающих жизни обстоятельствах убеждения теряют свою значимость. Брат героини начинает мечтать о спокойной мирной жизни.

> Он говорил, что хочет, работая днем и ночью, заработав кучу денег, жить как премьер-министр. Но я не понимала, как об этом может говорить мой брат, всегда бывший противником такой жизни. Мне хотелось заткнуть уши. Для меня его слова были предательством (*там же*).
>
> Он всегда начинал с одного и того же: «Когда жизнь станет лучше...» (*там же*).
>
> Он говорил: «Неважно, что было раньше, как жили другие, это меня не касается, я буду жить, думая лишь о своей семье» (*там же*).

Через все произведение проходит мотив голода и борьбы за выживание. Припасы заканчиваются, а купить новые негде и не на что.

> «Мы выходим на борьбу за выживание» – эти слова она сказала вечером того дня, когда на завтрак, обед и ужин мы ели только суп из кимчхи (*там же*).

Сюжет романа Чхве Инхуна «Площадь» начинает разворачиваться накануне Корейской войны. Отец главного героя Ли Менджуна после освобождения Кореи от власти Японской империи перебирается на Север. Некоторое время спустя умирает его мать, и мальчик оказывается на попечении старого друга отца – господина Пёна. Изучая философию в университете, главный герой ищет ответ на вопрос о смысле жизни, критически относится к южнокорейской действительности с ее всемогуществом денег и безнравственностью чиновников, перекочевавших в высокие кабинеты из японской колониальной администрации. Однажды Ли Мёнджуна как сына активного члена коммунистического движения вызывают в полицию на допрос, где, избивая, пытаются заставить признаться в не имевшем места пособничестве красным.

Ты сын оголтелого «красного» и с детства воспитывался в коммунистическом духе. Так ведь? (*Чхе (Цой) Инхун 1960, пер. Тё Ен Гира*)

Такую красную сволочь, как ты, мы запросто можем прикончить прямо здесь (*там же*).

Главный герой поражен жестокостью и несправедливостью государственной системы.

Разве можно тайно, без суда, убить человека и не бояться возмездия? (*там же*).

Все отворачиваются от него, даже опекун.

– Господин Пён? Он не дает за тебя поручительства. Дело уж больно серьезное... (*там же*).

Герой, оказавшись в КНДР, рассчитывает увидеть там новое, справедливое общество, однако сталкивается с разочарованием.

В его груди что-то рухнуло и разбилось вдребезги. Такое уже случалось с ним: в тот злополучный день, когда он, зверски избитый, с окровавленным лицом выбирался из полицейского участка (*там же*).

Как на Севере, так и на Юге многими руководят самые низкие мотивы: жажда наживы, жажда власти. Надежда героя найти смысл жизни в любви также терпит крах. После войны военнопленным, среди которых оказывается и Мёнджун, предоставляется возможность выбрать в качестве места жительства Юг, Север или одну из нейтральных третьих стран. Удрученный тем, что видел на Юге, и тем, что видел на Севере, Мёнджун отправляется в нейтральную страну.

В нейтральной стране у него масса возможностей. Вот почему он едет туда (*там же*).

Однако душевная пустота, одиночество и отсутствие перспектив заставляют его покончить с собой.

В рассказе Ким Донни «Эвакуация из Хыннама» главный герой – член агитбригады. Пак Чхоль и его товарищи с энтузиазмом занимаются культурно-агитационной работой на северокорейских территориях, занятых силами южнокорейской армии и ООН. Действие рассказа разворачивается на фоне отступления и эвакуации союзников из города Хыннам под натиском северокорейской армии

и китайских добровольцев. Но люди не могут всё время думать только о войне. Пак Чхоль и его товарищи шутят, едят и выпивают, обращают внимание на женщин.

> Чонсик был сильно пьян и шумел. Чхоль тоже уже изрядно захмелел, но всё равно хотел, чтобы Сиджон сидела рядом, пела и общалась с ним. (*Ким Донни 1955, пер. А. Сафроновой*).

Местные жители, общаясь с ними, строят планы на будущее.

> Сиджон, как будто ей не было никакого дела ни до китайской армии, ни до отступления, просто радовалась их возвращению (*там же*).
>
> Я собираюсь вслед за вами поехать в Сеул – она смущенно улыбнулась, и на ее левой щеке появилась ямочка (*там же*).

Несмотря на то, что главный герой верит в правоту своего дела, он, видя призрак жены, испытывает чувство вины перед оставленной семьей.

> А когда его жена всё-таки подняла голову, Чхоль понял: молитва или проклятие, что она бубнила себе под нос, – о нем. Как бы то ни было, она упрекала Пак Чхоля, который не мог одеть детей в теплую одежду, обуть их, накормить, купить лекарства, угостить тубучиге с анчоусами, сводить в парикмахерскую или хотя бы в парк (*там же*).
>
> Возможно, его жена уже давно была мертва, и он видел всего лишь ее призрак. Где же тогда их дети? Где дети, которые должны быть вместе с матерью? (*там же*).

Автор рассказа показывает, насколько по-разному могут вести себя люди в опасной ситуации. Когда наступает пора эвакуироваться, главный герой уступает свое место местному жителю, опасающемуся расплаты за сотрудничество с южанами.

> До сих пор они как деятели искусства взывали <…> к справедливости, к человечности и свободе. И сейчас, когда вопрос касался жизни и смерти, Чхоль не мог сказать «Разбирайся сам, я уеду отсюда первым» (*там же*).

Между тем как сам этот житель бросает на произвол судьбы семью.

> Что же станет с его пожилой матерью, маленькими детьми и больной женой? Они либо умрут с голоду дома, либо замерзнут на улице. Пусть так,

> он все равно не может здесь больше оставаться и ждать, когда коммунисты схватят его и казнят (*Ким Донни 1955, пер. А. Сафроновой*).

В рассказе Пак Вансо «Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях» действие происходит в одной из приграничных деревень, где то и дело меняется власть. Автор подчеркивает, что в условиях хаоса, обещающего безнаказанность, многие люди ведут себя не самым достойным образом.

> В зависимости от того, кто захватывал <…> школу, у жителей деревни появлялось желание обвинить своих нелюбимых соседей то в связи с «красными», то уничтожить их, причислив к «реакционным элементам» (*Пак Вансо 1977, пер. Ли Сан Юн, Хам Ён Чжун*).

Однако кто-то сохраняет способность к самопожертвованию. В первой части рассказа, когда деревня переходит под контроль войск ООН, пожилая женщина позволяет американским солдатам забрать себя, надеясь спасти от бесчестия молодых женщин.

> – И всё-таки, видно, мне придется сыграть роль девушки для янки, – медленно проговорила старая женщина сухим голосом (*там же*).
>
> Плача тонким голосом, она думала о том, насколько трудно лишать саму себя жизни. А умереть, откусив свой язык, все равно придется (*там же*).

Для южнокорейских произведений о войне характерен мотив перехода территорий, на которых разворачиваются события, то от южан к северянам, то наоборот. Такой переход неизменно вызывает ужас у тех, кто сотрудничал со стороной, утратившей власть. На самом деле многие люди сотрудничают с той или иной властью не по идеологическим соображениям, а просто из необходимости хоть каким-то образом добывать средства для пропитания. В рассказе «Встреча в аэропорту» Пак Вансо подчеркивается, что корейцев, выносивших продукты с американских складов, нельзя считать ворами. Людям, чтобы выжить, приходится поступаться не только принципами, но и моралью. И всё же, несмотря на доминирование мотива готовности пойти на что угодно ради спасения своей семьи или даже только себя в ущерб семье, в таких рассказах, как «Эвакуация из Хыннама» Ким Донни или «Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях» Пак Вансо, появляются герои, жертвующие собой ради других.

Война глазами военных

Особое внимание следует уделить тому, как в южнокорейской прозе о войне изображаются военные. В рассказе Ли Мунёля «Яблоки и пятеро солдат» выросший в буддистском монастыре главный герой по имени Пэк Мансо приезжает в родную деревню. Частично от матери, частично от одного из старожилов деревни он узнает трагическую историю своей семьи. Однажды, когда линия фронта проходила рядом с деревней, пятеро солдат южнокорейской армии были безжалостно расстреляны южнокорейскими же военными полицейскими рядом с домом семьи Пэк Мансо за то, что оставили боевые позиции и пришли в деревню на поиски пропитания.

> Страшные были времена – надеюсь, они никогда не повторятся! Все пятеро погибли в расцвете лет. Чьи-то любимые сыновья... (*Ли Мунёль 1981, пер. М. Солдатовой, Ро Чжи Юн*)
>
> Познавшие вкус крови люди будто сошли с ума (*там же*).

Солдаты – не герои войны, они такие же ее жертвы, как и мирные жители.

> Это были пятеро солдат, одетых в такие обноски, каких в наши дни на военных, пожалуй, не увидишь (*там же*).
>
> [Лица солдат] блестели от жира, будто их не мыли несколько дней, торчащие скулы и воспаленные глаза говорили о недоедании и крайней изнуренности (*там же*).

Южнокорейские власти впоследствии заявляют, что пятерых солдат убили переодетые северяне.

> Появились политкомиссары и полицейские из южан и вдруг озаботились возданием дани усопшим (*там же*).
>
> Заявили, что пятерых солдат убили переодетые южнокорейскими полицейскими северокорейские разведчики или диверсанты (*там же*).

И люди с готовностью верят в эту ложь, дополняя ее собственными домыслами, будто брат матери героя, уехавший ранее на Север, чуть ли не лично принимал участие в расстреле. Опасаясь осуждения окружающих, другой ее брат вступает в южнокорейскую армию и погибает. Вскоре она лишается и отца.

> Глава семьи, который и так был в плохом состоянии из-за перенесенных мучений и неведения о судьбе старшего сына, узнав о гибели среднего, зачах, как старое дерево (*Ли Мунёль 1981, пер. М. Солдатовой, Ро Чжи Юн*).

Прикованная болезнью к постели мать героя рассказывает ему, что один из пятерых расстрелянных солдат заходил к ней в тот трагический день.

> Будто спеша исполнить давно данное друг другу обещание, мы занимались любовью, отчаянно и торопливо (*там же*).
>
> Я очень обрадовалась, когда впервые почувствовала, как ты зашевелился во мне. Выяснилось, и в моем больном теле могла зародиться новая жизнь (*там же*).

Зарождение жизни в то время, когда вокруг царит смерть, представляется настоящим чудом.

В рассказе Хван Сунвона «Время для тебя и меня» раненого капитана южнокорейской армии Чу по лесам тащат к своим товарищи – лейтенант Хён и рядовой Ким. На протяжении повествования подчеркиваются сложность ситуации, в которой оказались военные.

> На поле боя его серьезно ранили в ногу (*Хван Сунвон 1964, пер. Е. Дроновой*).
>
> Но сегодня с утра рана начала гноиться, нога полностью онемела и перестала слушаться (*там же*).
>
> Уже второй день они питались только корнями и листьями съедобных растений (*там же*).

Лейтенант Хён не готов расстаться с жизнью, исполняя долг.

> Теперь, когда капитан не может передвигаться самостоятельно, он стал всего лишь тяжким бесполезным грузом для своих спутников. Но они не могут бросить старшего по званию в горах. Вот лейтенант и ждет, когда же начальник сам догадается пустить в ход пистолет (*там же*).

Надеясь обрести шанс на спасение и возвращение к любимой, лейтенант сбегает, но всё равно погибает.

Капитан понимает, что рядовой Ким тоже может уйти. А рядовой Ким не уходит, но наконец лишается последних сил. И вот, заслышав

вдалеке лай собаки, капитан, угрожая пистолетом, заставляет рядового тащить его вперед.

> «За той горой будет дом!» <...> Перед домом стоял человек, а рядом – лаяла собака. В тот же миг пистолет перестал давить ему в затылок, а тело капитана тяжело обмякло (*Хван Сунвон 1964, пер. Е. Дроновой*).

Главный герой второй части рассказа Пак Вансо «Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях» – рядовой солдат южнокорейской армии, которому предстоит со дня на день участвовать в своем первом бою. Но думает он не о победе над врагом, а о том, как бы остаться живым, и еще о своей девушке. Его боевой дух безнадежно подорван суеверием.

> Разнесся слух, будто вражеская пуля любит девственников (*Пак Вансо 1977, пер. Ли Сан Юн, Хам Ён Чжун*).

Капитан в рассказе О Санвона «Отсрочка» готов нести ответственность за подчиненных, имеет твердые убеждения. Но он бессилен перед смертью. Позже его самого захватывают в плен и расстреливают северяне.

> Одна смерть – в борьбе. Только так. Ничего другого не признаю.
> Он взял руку умирающего и сжал ее. Что еще ему оставалось делать? (*О Санвон 1955, пер. М. Солдатовой, К. Пак*).

Не с враждебностью, а с сочувствием в рассказе «Словами не передать» представляет Ким Ёнсу своего героя – китайского солдата, воевавшего за Северную Корею.

В произведениях южнокорейских писателей военные, представленные лишь рядовыми и младшими офицерами, проявляют в первую очередь не героизм и тактико-стратегические способности, а жажду жизни, как селяне и горожане.

Заключение

Анализ мотивов, повторяющихся в произведениях южнокорейских писателей, ведет к заключению, что для южных корейцев Корейская война остается трагедией, о которой больно вспоминать. Трагедией, расколовшей не только страну, но каждую семью. Судя

по художественной литературе Южной Кореи, в той войне как будто не было виноватых – лишь жертвы. Эта литература поднимает важнейший вопрос, волновавший и знаменитых русских писателей, прошедших лагеря, А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова: можно ли в нечеловеческих условиях оставаться человеком, или сама жизнь и есть единственная незыблемая ценность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2018. [Assman, A. (2018). Dlinnaya ten' proshlogo. (*Long shadow of the past*). Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. Moscow: NLO. (In Russ.)].

Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: НЛО, 2019. [Assman, A. (2019). Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej. (*History: between indifference and obsession*). Moscow: NLO. (In Russ.)].

Может ли история быть объективной? : материалы Международной научной конференции. Москва, МГУ им. Ломоносова. 2 декабря 2011 года / отв. ред. С. Карпов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. [Karpov, S. (ed.) (2012), Mozhet li istoriya byt' ob»ektivnoj? (*Can history be objective?*). Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moscow, Lomonosov Moscow State University. 2 december 2011. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta. (In Russ.)].

Сенявская Е. С. Художественная литература как исторический источник // История: журнал Издательского дома «Первое сентября». 2001. № 44. С. 6–13. [Senyavskaya, E. S. (2001). Hudozhestvennaya literatura kak istoricheskij istochnik. (Fiction writing as a historical source). *Istoriya*, *44*, 6–13). (In Russ.)].

Солдатова М. В. Между коллективной и индивидуальной памятью: Корейская война (1950–1953) в художественной литературе и мемуарах // Корея перед новыми вызовами. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 358–371. [Soldatova, M. V. (2017). Mezhdu kollektivnoj i individual'noj pamyat'yu: Korejskaya vojna (1950–1953) v hudozhestvennoj literature i memuarah. (Collective and individual memory about the Korean War seen through fiction writings). Koreya pered novymi vyzovami (pp. 358–371). Moscow: IDV RAN. (In Russ.)].

Солдатова М. В. Язык художественной литературы РК и КНДР о Корейской войне (1950–1953 гг.) // КНДР и РК – 70 лет. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 329–338. [Soldatova, M.V. (2018). Yazyk hudozhestvennoj literatury RK i KNDR o Korejskoj vojne (1950–1953 gg.) (The language of fiction writings about the Korean War). *KNDR i RK – 70 let* (pp. 329–338). Moscow: IDV RAN. (In Russ.)].

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (дата обращения: 10.02.2020). [Hal'bvaks, M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' (Collective and historical memory). *Neprikosnovennyj zapas, 2–3*(40–41). URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (data obrashcheniya: 10.02.2020). (In Russ.)].

Jerôme W. A. de Wit. Writing under Wartime Conditions: North and South Korean Writers during the Korean War (1950–1953). Leiden University, 2015.

УДК 82 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_192

Л. Н. Яковлева, М. В. Солдатова

Яковлева Л. Н., преподаватель кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

miyo2008@yandex.ru

Солдатова М. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры дальневосточных языков Военного университета Министерства обороны РФ, доцент кафедры восточных языков Российского государственного гуманитарного университета

e-mail: maria_soldatova@hotmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЧО НАМДЖУ «КИМ ДЖИЁН, РОЖДЕННАЯ В 1982 ГОДУ»

В статье роман современной южнокорейской писательницы Чо Намджу «Ким Джиён, рожденная в 1982 году» рассматривается как социальное высказывание. Содержание романа анализируется на предмет отражения актуальной для Республики Корея гендерной повестки. Исследуется диапазон проблем, поднятых писательницей, рассматривается реакция южнокорейской общественности на книгу. Делается попытка определить степень актуальности проблематики романа для российской социальной реальности.

Ключевые слова: южнокорейская литература; женская проза; феминизм; гендерная дискриминация.

L. N. Yakovleva, M. V. Soldatova

Yakovleva L. N., Lecturer, Oriental Languages Department,
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

e-mail: miyo2008@yandex.ru

Soldatova M. V., PhD (Philology), Associate Professor,
Far Eastern Languages Department,
Military University of the Ministry of Defense of the RF,
Oriental Languages Department, Russian State University for the Humanities

e-mail: maria_soldatova@hotmail.com

GENDER DISCRIMINATION PROBLEM IN THE REPUBLIC OF KOREA IN «KIM JIYOUNG, BORN 1982» BY CHO NAM-JOO

The article considers the novel “Kim Jiyeon, Born 1982” by contemporary South Korean writer Cho Nam-joo as a social statement. It explores the content of the

novel in order to determine how it reflects the current gender agenda. The authors analyze the range of issues raised by the writer and the reaction of the South Korean public to the book. An attempt is made to determine the degree of relevance of the novel's problems for Russian social reality.

Key words: South Korean literature; female prose; feminism; gender discrimination.

Введение

Роман южнокорейской писательницы Чо Намджу (조남주) «Ким Джиён, рожденная в 1982 году» («82년생 김지영») вышел в октябре 2016 года. За два года было продано более миллиона экземпляров книги – раньше в Республике Корея такого успеха не удавалось добиться никому из писательниц, кроме Син Гёнсук (신경숙) с романом 2009 года «Пожалуйста, позаботься о маме» («엄마를 부탁해»)[1]. На то, чтобы написать роман, у Чо Намджу ушло всего два месяца.

«Жизнь Ким Джиён очень похожа на ту, которой жила я»[2], – объясняет писательница невероятную скорость работы. Действительно, в главной героине книги могут узнать себя многие кореянки. На типичность героини намекают ее фамилия и имя: Ким – самая распространенная на Корейском полуострове фамилия, а Джиён – одно из популярнейших в Южной Корее женских имен. По статистике, в 1982 году именно это имя дали наибольшему числу новорожденных девочек[3]. Иными словами, Ким Джиён – это среднестатистическая кореянка возрастом чуть за 30, которая то и дело сталкивается с проявлениями гендерной дискриминации, глубоко укоренившейся в корейском обществе. Закончив факультет гуманитарных наук одного из столичных университетов, она не без труда устраивается на работу в рекламное агентство. Однако, став матерью, увольняется, чтобы самостоятельно ухаживать за ребенком.

Повествование разделено на шесть частей: первые пять из них довольно подробно повествуют об основных этапах жизни героини, начиная с текущего: «Осень 2015», «Детство (1982–1994)», «Юность

[1] URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2018/11/28/2018112800084.html).

[2] URL: https://koreajoongangdaily.joins.com/2017/09/05/features/Bringing-to-light-the-subtle-sexism-in-modern-Korea-Cho-Namjoos-book-reflects-the-discrimination-many-women-face-daily/3038016.html.

[3] URL: https://m.blog.naver.com/PostView.nhn?blogId=ysk0519&logNo=221031243882&proxyReferer=https:%2F%2Fwww.google.ru%2F.

(1995–2000)», «Начало взрослой жизни (2001–2011)» и «Замужество (2012–2015)», а последняя – «2016» – представляет собой рамочную историю, в которой психотерапевт сообщает, что это он рассказал читателям о жизни своей пациентки Ким Джиён, обратившейся к нему из-за депрессии. Поскольку повествование в первых главах ведется от третьего лица, но явно отражает образ мышления, самовосприятие и речевые особенности героини, можно сказать, что Чо Намджу использует такой художественный прием, как несобственно прямая речь, однако в тексте периодически встречается прямая речь различных второстепенных персонажей, отчего создается впечатление, что историю Ким Джиён нам рассказывает традиционный вездесущий автор.

> – Чья это тапочка?
> Ким Джиён молчала. Боялась, и, хотя это была ее тапочка, ждала, что пнувший тапочку сосед признается в содеянном. Но тот, напуганный ничуть не меньше, сидел, опустив голову.
> – Молчите? Будем у всех тапочки проверять?[1]

Кроме того, повествование дополняется различной историко-социологической информацией, ссылками на публикации и нормативные акты:

> В 1999 году, когда Ким Ынён [сестре Джиён – *прим. авторов статьи*] было двадцать лет, был принят законопроект, запрещающий гендерную дискриминацию, в 2001 году, когда двадцать исполнилось Джиён, было создано Министерство по вопросам гендерного равенства.

Ввиду вышесказанного, появление в последней главе психотерапевта в роли рассказчика вызывает некоторое недоумение: в реальной жизни врач, вероятнее всего, снабдил бы пересказ истории пациентки профессиональными комментариями об ее анамнезе или состоянии, а не социологической информацией, и вряд ли стал бы как прямую передавать речь людей, знакомых пациентке, но не ему. Довольно естественно смотрится, например, такой пассаж:

> Самое раннее воспоминание Джиён связано с тем, как она ела молочную смесь младшего брата.

[1] Зд. и далее перевод наш. – *Авт.*

При этом с точки зрения содержания рамочная история представляется весьма интересной, ведь размышления психиатра как мужчины о собственной семье: о том, что его жена, работая, не справлялась с воспитанием сына, а уволившись, потеряла возможность реализовать свой потенциал – позволяют взглянуть с другой стороны на проблему гендерного неравенства в Республике Корея. Психотерапевт приходит к выводу, что

> ...даже не плохие сотрудницы доставляют всяческие проблемы, если у них не решен вопрос с присмотром за ребенком.

Хваля свою коллегу Суён за сообразительность, мужчина отмечает, что та запомнила, какой кофе он любит. Автор как будто подчеркивает: хотя южнокорейские женщины проявляют желание работать наравне с мужчинами, мужчины пока не готовы смотреть на них как на равных, а тем более хотя бы частично брать на себя традиционно женские обязанности, в частности по воспитанию детей. Хотя взгляд на детей как на некую обузу, мешающую самореализации как мужчин, так и женщин, нам, честно говоря, не близок, мы соглашаемся с Чо Намджу, что разрываться между работой и домом действительно непросто. Так или иначе, рассматриваемая книга заставляет задуматься не только о гендерной дискриминации, но и о проблемах семейных отношений, а также о многом другом – и этим она, безусловно, интересна.

Примечательно, что у всех женщин в книге есть имена: бабушку со стороны отца зовут Ко Сунбун, мать Джиён – О Мисук, ее старшую сестру – Ынён. Отец, брат и другие мужчины, за исключением мужа героини Тэхёна, остаются безымянными. Похоже, таким образом Чо Намджу пытается восстановить справедливость, ведь долгие века в Корее женщины фактически оставались безымянными в мире мужчин: их называли чьими-то женами, матерями. Для именования женщины можно было к названию места ее рождения прибавить морфему «댁» (*тэк*).

Книга рассказывает нам о мире женщин: их судьбах, видении жизни, проблемах и мечтах. Но судьбы всех героинь романа непросты, видение пессимистично, а мечты несбыточны. А введенная в повествование социологическая информация как будто подтверждает их единодушную печальную оценку собственной перспективы и положения в обществе.

Следует отметить, что читатели Республики Корея восприняли книгу именно как социальное высказывание, не обратив особого внимания на ее художественные особенности. Об этом свидетельствуют многочисленные передачи и публикации в южнокорейских СМИ, дискуссии на форумах в Интернете.

В своем романе Чо Намджу поднимает актуальнейшие для южнокорейской гендерной повестки проблемы: предпочтение сыновей перед дочерьми, дискриминация женщин в системе образования и на рынке труда, харассмент, отношение женщин к собственному положению в обществе. История этих проблем проиллюстрирована примерами из жизни женщин трех поколений: бабушки Ким Джиён Ко Сунбун, ее матери О Мисук и самой героини, а также ее старшей сестры Ынён.

Предпочтение сыновей перед дочерьми

Предпочтение сыновей перед дочерьми в Республике Корея с появлением в 1980-е годы возможности с помощью УЗИ узнавать пол ребенка до рождения обернулось массовыми абортами женских эмбрионов и сильным гендерным дисбалансом в структуре общества. К 1990 году соотношение новорожденных мальчиков и девочек уже составляло 116,5 к 100[1]. Применительно к Республике Корея данный феномен принято объяснять устойчивостью неоконфуцианских представлений. Однако, например, в резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы № 1829 2011 года говорится: «Предпочтение сыновей перед дочерьми и дискриминация в отношении женщин так широко распространены в мире, что добровольно или вынужденно миллионы женщин принимают решение не рожать дочерей, поскольку считается, что девочки являются обузой для семьи и не служат продолжению рода…»[2]. В качестве примеров стран, где проблема стоит особенно остро, приводятся Армения, Азербайджан, Грузия, вовсе не знакомые ни с конфуцианством, ни с неоконфуцианством.

Можно было бы сравнить экономические показатели упомянутых бывших республик СССР и Республики Корея, однако в рейтинге

[1] URL: http://m.segye.com/view/20180711003618.

[2] URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/[Russian_documents]/%5B2011%5D/%5BOct2011%5D/Res1829_rus.asp.

стран по показателю гендерного разрыва (Gender Gap Index 2020), где Китай занимает 106-е место, Япония – 121-е, а Республика Корея – 108-е, Никарагуа оказалась на 5-м месте, сразу после Швеции, Руанда – на 9-м, перед Германией, а Российская Федерация – на 81-м[1]. Следует отметить, что даже в Исландии, стоящей в рейтинге на 1-м месте, гендерный разрыв, пусть и небольшой, сохраняется.

В книге Чо Намджу типичным носителем дискриминационных по отношению к женщинам установок является бабушка героини Ко Сунбун, которая постоянно твердит своей невестке о необходимости иметь «хотя бы двух сыновей». Очевидно, закреплению таких установок способствовала проводившаяся южнокорейским правительством с 1960-х до начала 1980-х годов политика сокращения рождаемости, которая заставляла родителей относиться к появлению дочери как к утрате возможности родить сына. В 1988 году в Республике Корея запретили врачам заранее сообщать родителям пол ребенка и к 2010 году соотношение новорожденных мальчиков и девочек нормализовалось. Однако для женщин, сделавших аборт под давлением семьи, как мать Джиён, проблема не утратила значимости. Актуальной она остается и для родившихся в 1980–1990-е годы мужчин, многие из которых не могут найти пару на родине и вынуждены через агентства подбирать себе жен в экономически менее развитых странах[2]. Их ровесницы, наоборот, очень придирчиво выбирают себе мужей, выдвигая строгие требования к происхождению, образованию, внешности кандидатов. Примечательно, что этот аспект проблемы, болезненный для мужчин, но отнюдь не для женщин, не нашел отражения в книге.

Дискриминация женщин в системе образования и на рынке труда

В конце 1940-х годов при Американской военной администрации 6-летнее начальное образование было объявлено в Республике Корея обязательным как для мальчиков, так и для девочек. При этом в средней и старшей школе в 1950-е годы, после окончания Корейской войны, девочек обучалось в разы меньше чем мальчиков. То

[1] URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf.
[2] URL: https://www.winknews.com/2020/08/02/south-korean-authorities-encourage-men-to-marry-foreign-women-but-they-often-become-victims-of-abuse/

есть, юность бабушки Джиён Ко Сунбун пришлась на времена, когда давать дочерям образование считалось роскошью. Рассказ о том, как, выйдя замуж, она *работала на чужих полях, убирала чужие дома и торговала, экономно ведя при этом собственное хозяйство и заботясь о четырех сыновьях*, звучит вполне правдоподобно. Однако в 1960-е годы, еще до отмены экзаменов в среднюю школу, количество и девочек, и мальчиков, отдаваемых в среднюю и старшую школу, стало расти и к середине 1970-х годов постепенно выровнялось. В пору юности матери Джиён О Мисук в среднюю и старшую школу уже поступало около 70% мальчиков и столько же девочек. Почти равное количество представителей обоих полов (приблизительно по 20%) поступало в вузы [Jae-Hee Ahn 2011]. Получается, пример О Мисук, окончившей лишь начальную школу и устроившейся на фабрику, чтобы зарабатывать деньги на обучение братьев, едва ли можно считать самым типичным.

К сожалению, повышение общего уровня образованности женщин в Республике Корея не сопровождалось соответствующим расширением их возможностей на рынке труда. Если в сельском, лесном и рыбном хозяйстве в 1960 году женщины составляли почти 70% работников, то к 1980 году их доля сократилась до половины, но при этом заметный рост доли работников-женщин произошел только в промышленности и на транспорте, а также среди офисных служащих. Среди управленцев женщин не было и не появилось. Причем все эти годы женщины после выхода замуж в большинстве своем оставляли работу [Оспанова 2012], что полувеком позже делает и героиня книги Джиён.

В 1987 году был принят Закон о равной занятости, но в реальности он мало что изменил. Азиатский финансовый кризис 1997–1998 годов утвердил модель семьи, в которой работают оба супруга, однако дискриминации женщин сохранилась, приобретя другие формы. Так в кризис женщин стали увольнять в первую очередь для того, чтобы нанять их на менее выгодных условиях, например, в качестве временных работников [Jae-Hee Ahn 2011].

Работодатели продолжали относиться к женщинам как к работникам второго сорта, считали возможным оскорблять их, нарушать их личные границы и удерживать зарплату под различными предлогами, например, как пишет Чо Намджу, за ненадлежащий внешний вид или отношение к работе.

В 1999 году власти ввели штрафы для компаний с дискриминирующими женщин условиями приема на работу и продвижения по службе, а в 2018 году ужесточили наказание вплоть до тюремного заключения[1], но проблема не исчезла. В романе Чо Намджу приводятся данные опроса, проведенного среди сотрудников отделов кадров 50 крупных компаний, согласно которому 44 % респондентов из двух разнополых кандидатов с одинаковыми показателями предпочтут нанять мужчину, и никто не предпочтет нанять женщину. В настоящее время среди стран ОСЭР Республика Корея занимает первое место по разрыву в зарплатах между женщинами и мужчинами, и последнее – по числу женщин среди управленцев[2].

В России в среднем женщины получают почти на 27–28 % меньше мужчин, однако в столице, где у женщин больше возможностей получить хорошее образование, этот разрыв не превышает 10 %. При этом доля женщин в органах государственной власти в Москве составляет лишь 14 % – немногим больше, чем в целом по России[3].

Харассмент

Чо Намджу показывает, что корейские женщины сталкиваются с проблемой домогательств, или, как сейчас всё чаще говорят, харассмента, практически повсеместно – в общественном транспорте, в образовательных учреждениях, на работе. В романе пожилой классный руководитель носит с собой указку в форме руки с вытянутым указательным пальцем и тычет учениц в грудь под предлогом отсутствия у них именного значка или задирает им юбки, проверяя соблюдение формы одежды. Его действия не вызывают никакой реакции со стороны администрации школы.

В Республике Корея проблема усугубляется существованием в обществе жесткой иерархии, в условиях которой младший не может пожаловаться на старшего, нижестоящий на вышестоящего. В силу социокультурных факторов тема харассмента здесь долго оставалась табуированной. Общество внушало женщине, что, если она стала объектом домогательств, – это ее позор и ее вина. Даже защитив себя на законодательном уровне (в Республике Корея есть необходимые для этого

[1] URL: https://www.yna.co.kr/view/MYH20180705018900038.
[2] URL: http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200512000189.
[3] URL: www.rbc.ru/society/29/03/2019/5c9dffeb9a7947ad0de4c64f.

правовые механизмы), она всё равно рисковала подвергнуться общественному осуждению, лишиться карьеры и даже поддержки семьи.

Яркой иллюстрацией тому является эпизод романа, в котором незнакомый парень пристает к едущей вечером домой Джиён, а отец обрушивает на нее поток упреков, как будто девушка виновата в случившемся:

> Почему курсы так далеко? Почему ты разговариваешь с кем попало? Почему у тебя такая короткая юбка?

Джиён выслушивает всё это вместо слов сочувствия. Ей постоянно говорили, что, если она не заметила опасность и не убежала, то сама виновата.

Как пишет Чо Намджу, девочки в Республике Корея с детства накапливали разочарование в мужчинах и страх перед ними. А ведь и без того в современной социально-экономической ситуации всё больше молодых южнокорейцев отказывается от отношений с противоположным полом, создания семьи и рождения детей, или даже вовсе отвергает любовь. В корейском языке даже появились такие неологизмы, как *поколение, отказавшееся от трех вещей* («삼포세대») и *четыре нет* («4B(비)»).

Изменению отношения южнокорейского общества к проблеме харассмента способствовало возникновение в 2017 году глобального движения «MeToo», которое вызвало в стране большой резонанс. В рамках этого движения в Республике Корея были выдвинуты обвинения против выдающегося поэта Ко Ына, видного политика Ан Хиджона и других известных людей[1].

Как справедливо отмечает Эн Ноэль, юрист, посвятившая жизнь борьбе с сексуальными домогательствами и насилием и редактор книги «Глобальное движение “MeToo”», харассмент – это проблема силы и вседозволенности, в данном случае имеющая гендерное выражение:

> Это про то, когда мужчина вам говорит: ты в зависимой от меня позиции, и я отношусь к тебе так, потому что имею на это право. А ты не имеешь права жаловаться[2].

[1] URL: https://qz.com/1222161/metoo-in-south-korea-politician-ahn-hee-jung-resigns-after-rape-accusations-from-secretary/

[2] URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/402949-avtor-globalnogo-issledovaniya-o-metoo-pro-harassment-v-antarktide-feminizm-v.

Такая постановка проблемы вполне соответствует ситуации в Корее, где бесправность женщины и вседозволенность мужчины культивировались веками.

В России, по социальным опросам, большинство граждан склонно возлагать ответственность за харассмент на сексуального агрессора либо на руководство организации, в то время как жертву домогательств готово обвинить всего лишь около 4%. При этом каждый десятый россиянин сталкивался с харассментом на работе, но лишь немногие решились предать дело огласке, ведь действенных механизмов наказания за подобные действия в нашей стране не существует[1]. Нужно учитывать и тот факт, что некоторые женщины, выпадая из статистики, благосклонно принимают ухаживания начальства в расчете на повышение по службе или материальную выгоду. Да и наше общество в целом, похоже, не относит эту проблему к приоритетным. Примечательно, что в России попытки на волне «МеТоо» обвинить в харассменте высокопоставленных лиц не привели ни к каким результатам. Так, комментируя жалобы работающих в Госдуме журналисток на недопустимое поведение депутата Л. Э. Слуцкого, спикер Госдумы В. В. Володин посоветовал девушкам сменить работу[2].

Эволюция отношения женщин к своему положению в обществе

Практически бесправное положение женщины было определено доминировавшим в Корее с конца XIV века неоконфуцианством и обусловлено социально-экономическими реалиями, которые не позволяли женщинам даже задумываться над тем, насколько несправедливо отношение к ним как в семье, так и в обществе. Японский колониализм, разделение страны, гражданская война и авторитарные режимы, при которых имели место массовые нарушения прав человека независимо от пола, также не способствовали выходу гендерной повестки на первый план. Можно сказать, что борьба женщин за равные с мужчинами права была тесно связана с борьбой всего корейского народа за свои права сначала с конфуцианским традиционализмом, потом с японской

[1] URL: https://profile.ru/society/devyatyj-val-po-rossii-prokatilas-volna-seks-skandalov-iz-za-domogatelstv-na-rabote-390834/.
[2] URL: https://www.kommersant.ru/doc/3569184.

оккупацией и, наконец, с диктаторскими режимами [Soldatova 2015]. Практически до конца XX века в Корее не было самостоятельного феминистического движения, которое охватывало бы широкие слои населения, как в западных странах, – идеи женской эмансипации разделяли преимущественно хорошо образованные и прогрессивно мыслящие жительницы городов, тогда как среди большей части жительниц сельских районов эти устремления не получали распространения [Ким, Хохлова URL].

В романе Чо Намджу показано, как менялось отношение корейских женщин к своему положению. Бабушка Джиён Ко Сунбун как представитель старшего поколения демонстрирует патриархальное мышление, носительницы которого воспринимали привилегированное положение мужчин как нечто естественное и сами прилагали усилия для поддержания устоявшегося порядка. Например, Ко Сунбун не позволяла Джиён и ее сестре Ынён пробовать приготовленную для брата молочную смесь, и вовсе не потому, что этой смеси на всех не хватало.

> Брат и всё, что было предназначено для него, было очень важным и ценным, так что к этому не мог прикасаться никто другой.

Так Джиён объясняет поведение бабушки. Муж Ко Сунбун не старался достойно обеспечить семью, тогда как она всю жизнь работала на нескольких работах и тянула на себе домашнее хозяйство. Но женщина не возмущалась и считала, что у нее достойный муж – ведь он не бил ее и не изменял. Только один из четырех выращенных ею сыновей, отец Джиён, заботился о ней, и это делала его жена. Но Ко Сунбун считала, что достойно прожила жизнь, и именно сына, а не невестку благодарила за тепло и еду. Это яркий пример обесценивания женского вклада в жизнь семьи и общества самими женщинами.

Женщины поколения матери Джиён уже по-другому смотрели на мир: они вынужденно подчинялись существовавшим правилам, но не считали их справедливыми и надеялись, что их дочери будут жить по-другому. С 15 лет О Мисук вместе с сестрой работала на фабрике в Сеуле. Она хотела стать учительницей, но должна была зарабатывать деньги, чтобы могли учиться ее братья. «В те времена все женщины жили так», – вспоминает Джиён рассказ матери. Сожаление Мисук

о принесенной жертве оказалось настолько сильным, что в итоге разрушило ее отношения с братьями.

После замужества Мисук пришлось окончательно проститься с мечтой. Она воспитывала детей, заботилась о муже и свекрови, вела хозяйство, и всё время брала подработку. Благодаря небольшому собственному бизнесу она смогла скопить деньги на новую квартиру и образование дочерей. Мисук советует Ынён поступить в педагогический институт, чтобы той впоследствии было легче совмещать работу с воспитанием детей и домашними делами. При этом она признает за дочерью право сделать выбор самостоятельно.

Джиён и ее ровесницы не хотят жить так, как их матери и бабушки. Они готовы бороться за гендерное равенство, хотят строить карьеру, делить с мужьями домашние обязанности, требуют от мужей и государства поддержки во время беременности и родов, а также в период ухода за малолетними детьми. Видение южнокорейскими женщинами своей роли в семье и обществе принципиально изменилось. Бурные дискуссии, развернувшиеся в Республике Корея вокруг романа Чо Намджу и его экранизации, свидетельствуют о том, что поднятые в нем проблемы крайне актуальны.

Незадолго до выхода романа Чо Намджу в сеульском районе Каннам произошло убийство молодой женщины на почве ненависти, которое наряду с обвинения в сексуальном насилии в адрес людей, известных в мире литературы и индустрии развлечений, рассматривается многими как основной триггер массового участия кореянок в движении «MeToo». «После убийства в районе Каннам женское феминистическое движение в Корее возглавили обычные женщины. Не активистки, выступающие за права человека, а простые женщины, которые сочувствовали жертве. Они осознали связь между источником своего страха и дискриминацией, которой они подвергались», – отмечает профессор социологии Университета Чунан Ли Наён[1].

По итогам онлайн-голосования, проведенного крупнейшим книжным интернет-магазином «Yes 24» в 2017 году, Чо Намджу заняла первое место среди молодых писателей, за которыми «будущее корейской литературы»[2]. Показательны слова Джейми Чэн, профессора

[1] URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-50135152.
[2] URL: http://www.monthlypeople.com/news/articleView.html?idxno=11543.

Высшей школы перевода корейского Женского университета Ихва, которая перевела книгу на английский язык:

> До получения заказа на перевод книги от издательства я ее не читала. На самом деле, намеренно не делала этого. Мне казалось, что содержание книги окажется слишком знакомым. Я тоже восемьдесят второго года рождения, поэтому знаю все это[1].

На сайтах корейских СМИ можно найти много похожих комментариев:

> Во время просмотра фильма я беспрерывно плакала. Каждая сцена была как будто взята из моей жизни[2].

> Этот фильм заставляет сопереживать не только женщинам, у которых есть дети, но и всем женщинам этого поколения[3].

> Это история не одной отдельной женщины, она содержит боль всего нашего общества.[4]

Были и те, кто обвинял автора в «паранойе», а 30-летних женщин с детьми называли «паразитами»[5]. Чон Юми, исполнительница роли Джиён в экранизации романа, получила в «Instagram» тысячи сообщений, полных ненависти. Такие же сообщения получали и другие известные в Республике Корея женщины, заявлявшие, что они читали книгу или смотрели фильм. Недовольные, заранее поставив фильму низкие оценки на различных интернет-порталах, направили президенту страны обращение с просьбой запретить его показ[6]. Как оказалось, в Республике Корея многие не желают признавать существование дискриминации женщин и агрессивно относятся к тем, кто пытается привлечь к этой проблеме внимание.

Книга Чо Намджу, уже переведенная на многие иностранные языки, вышла на русском в 2020 году[7] во вторичном переводе

---

[1] URL: https://www.bbc.com/korean/news-50230561.
[2] URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20191023065300005.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-50135152.
[7] Нэм Джу Те «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году» в переводе с английского А. Бялко в издательстве «Эксмо» в 2020 году.

с английского, и читатели, к сожалению, не проявили к ней особого интереса. В отзывах практически все отмечают ошибки, допущенные при передаче корейских имен собственных и реалий[1], высказывают сомнения в уместности включения в художественный текст комментариев социологического характера. Мало кто пишет о своем видении поднятых в книге проблем и находит их актуальными для России[2]. Удивляться этому не приходится, поскольку исследование отношения россиян к феминизму и гендерному неравноправию показало: только 24 % наших соотечественников считают эту проблему важной[3]. Учитывая всё вышесказанное, не приходится ожидать, что книга вызовет большой интерес у российских читателей, даже если будет заново переведена с корейского языка.

Заключение

Подводя итог, мы хотим отметить, что анализ романа Чо Намджу «Ким Джиён, рожденная в 1982 году» показал, что в книге ярко освещены наиболее острые проблемы дискриминации женщин в Республике Корея. Именно актуальность проблематики обусловила невероятную популярность книги у южнокорейских читательниц. Однако на наш взгляд, для художественного произведения тема положения женщины в обществе освещена несколько однобоко – у читателей создается впечатление, что от существующих в корейском обществе проблем страдают исключительно женщины, а мужчин они не касаются. В то же время дискуссии по поводу книги показали, что в южнокорейском обществе существуют разные мнения по поднятым автором проблемам. И, конечно же, в Республике Корея, как и в России, и в других странах есть женщины, которые счастливы в браке, с удовольствием проводят время с детьми и добиваются успеха на работе, хотя среди героинь Чо Намджу таких нет. Может быть, пессимистичное видение автором жизни, а может быть, структурные особенности текста или вторичный перевод помешали российским читателям проникнуться книгой, столь полюбившейся читателям Республики Корея.

---

[1] URL: https://www.labirint.ru/books/740170/.

[2] URL: https://eksmo.ru/book/gospozha-kim-chzhi-en-rozhdennaya-v-1982-godu-ITD1057787/.

[3] URL: https://tass.ru/obschestvo/6460479.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ким Н. Н., Хохлова Е. А. Эволюция социального положения женщин в Корее: от традиционного общества к современному. Корё сарам. URL: https://koryo-saram.ru/evolyutsiya-sotsialnogo-polozheniya-zhenshhin-v-koree-ot-traditsionnogo-obshhestva-k-sovremennomu/ (дата обращения: 10.10.2020). [Kim, N. N., Hokhlova, E. A. Jevoljucija social'nogo polozhenija zhenshhin v Koree: ot tradicionnogo obshhestva k sovremennomu. (*Evolution of Women's Social Status: from Traditional to Modern Society*). Korjo saram. (In Russ.)].

Оспанова С. М. Развитие прав женщин в Республике Корея: тенденции и перспективы // Вестник института законодательства Республики Казахстан. 2012. № 1 (25). С. 140–143. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-prav-zhenschin-v-respublike-koreya-tendentsii-i-perspektivy/viewer (дата обращения: 10.10.2020). [Ospanova, S. M. (2012). Razvitie prav zhenshchin v Respublike Koreya: tendentsii i perspektivy. (Development of Women's Rights in the Republic of Korea: Trends and Prospects). *Vestnik instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan, 1*(25), 140–143. (In Russ.)].

Jae-Hee Ahn. Analysis of Changes in Female Education in Korea from an Education – Labor Market Perspective. URL: http://e-asianwomen.org/xml/00936/00936.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

Soldatova M. Yes or No: Recognizing Women's Prose in the Republic of Korea as a Phenomenon. Historical and Sociocultural Context // CEESOK (Central and East European Society of Koreanology). 2015. The 14th International Conference. Moscow, October, 29-30, 2015: Proceedings M.: MSLU, 2015. P. 286–290.

조남주. 1982 년생 김지영. 서울: 민음사. 2016. 192 쪽. [Cho Nam-joo. (2016). Kim Jiyoung, Born 1982. Seoul: Minumsa. (In Korean)].

УДК 008 + 316.614 DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_207

Ю. С. Барышева, Е. В. Волжанцева

Барышева Ю. С., кандидат культурологии,
доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета
ubarysheva@mail.ru

Волжанцева Е. В., педагог-психолог,
ГБОУ г. Москвы «Школа №1987»
2eryl@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РОССИИ: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В статье приведен перечень культурных мероприятий, имеющих интеграционный потенциал для адаптации детей мигрантов и резидентов к меняющейся ситуации в социокультурной среде. Дети мигрантов являются основной целевой группой для реализации программ по социокультурной адаптации, поскольку их базовая социализация еще не завершена. При условии реализации грамотной миграционной и культурной политики потенциал интеграции в российское общество в данных группах наиболее высокий.

Ключевые слова: социокультурная адаптация мигрантов; социокультурная адаптация детей мигрантов; программы адаптации детей мигрантов; интеграционные культурные мероприятия; социализация; аккультурация; интеграция; трудовые мигранты в Москве; дети мигрантов; идентичность.

Yu. S. Barysheva, E. V. Volzhantseva

Barysheva Yu. S., PhD (Culturology),
Associate Professor at the Department of World Culture,
Moscow State Linguistic University
ubarysheva@mail.ru

Volzhantseva E. V., teacher-psychologist,
School №1987, Moscow
2eryl@mail.ru

CC BY

SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF CHILDREN OF MIGRANTS IN RUSSIA: INTERGRATIVE CULTURAL ACTIVITIES

The article provides a list of cultural activities that have the integration potential to adapt children of migrants and residents to the changing situation in the socio-cultural environment. Children of migrants are considered as the main target groups for the implementation of programs on socio-cultural adaptation, since their basic socialization is not yet complete. The potential for integration into Russian society in these groups is the highest, on the stipulation that the competent migration and cultural policy is implemented.

Key words: socio-cultural adaptation of migrants; socio-cultural adaptation of children of migrants; programs of adaptation of children of migrants; integration cultural activities; socialization; acculturation; integration; labour migrants in Moscow; children of migrants; identity.

Введение

Российская Федерация в XXI веке по-прежнему является государством, принимающим большие потоки различных категорий мигрантов, в том числе трудовых. Социокультурная адаптация и аккультурация мигрантов с перспективой интеграции, например, во втором или третьем поколении остается актуальной как в ближайшем будущем, так и в долгосрочной перспективе. Москва (совместно с Московской областью, где за последнее десятилетие увеличилась концентрация трудовых мигрантов) – крупнейший принимающий регион в России, интенсивный миграционный приток, представленный различными группами и индивидами, в среднесрочной и долгосрочной перспективе по прогнозам не будет значительно сокращаться.

В Москве сосредоточено около 30% иностранных работников, приезжающих в Россию, при этом количество трудовых мигрантов составляет 10–20% от населения Москвы в зависимости от сезона, 2/3 трудового потока – это миграция из стран СНГ, при этом существенная часть мигрантов остается на нелегальном положении [Тюрюканова 2009]. Другие крупные российские города (особенно с высоким экономическим потенциалом) также являются территориями с высоким миграционным притоком (прежде всего из стран СНГ). Начиная с 1990-х годов, после распада СССР и изменения характера миграционных процессов, ученые регулярно обращают внимание на проблемы миграционной политики РФ и говорят, о необходимости научно

обоснованных программ социокультурной адаптации при таком интенсивном притоке мигрантов. Данная проблема остается актуальной и в современных исследования [Малахов 2015; Миграция и безопасность в России 2000; Моисеенко 1999].

Как отмечают исследователи: «в открытом доступе нет статистики, показывающей, какое число детей мигрантов учится в школах России, нет отчетов государственных структур о том, какие образовательные и внеклассные программы направлены на адаптацию детей мигрантов» [Деминцева 2017, с. 80]. Если проанализировать данные различных исследований по адаптации детей мигрантов, обучающихся в российских школах, мы увидим следующие цифры в результате, например, дети с неродным русским языком составляют 16% в школах Московской области, до 8,5% – в школах Пскова и 6,6% – в малых городах и поселках Ленинградской области [Александров 2015, с. 173]. По Москве данные из разных источников сильно отличаются, и мы их не приводим во избежание спекуляций. В основном в российских школах обучаются дети мигрантов из стран СНГ.

Базовые стратегические задачи российской миграционной политики из тех, которые тесно связаны со сферой культуры и образования в рамках системного подхода к интеграции мигрантов (в том числе детей различного возраста), предполагают для достижения долгосрочного эффекта принятие комплекса мер в сфере культуры и образования: доступ к общему образованию детей мигрантов, наличие бесплатных групп изучения русского языка как иностранного, просвещение всех групп населения в социально-гуманитарной сфере, психологическое сопровождение процессов адаптации с учетом специфики межкультурной коммуникации и т. д. [Барышева 2017; Малахов 2015]. При этом очевидно, что основой адаптационных программ прежде всего должен стать доступ к образованию и знание (или улучшение знания) русского языка, без выполнения этих условий предложенные мероприятия не могут представлять собой комплексный подход к проблеме адаптации мигрантов, необходимый в России сегодня. Основными государственными формальными организациями при таком походе являются общеобразовательные школы. При наличии доступа к образованию детей мигрантов (вне зависимости от легальности статуса и гражданства родителей) в рамках института общего среднего образования программы адаптации могут охватить наибольшее число

детей. При этом интегративные культурные мероприятия, рассматриваемые в данной статье, являются дополнительными мероприятиями, в рамках которых можно начинать или продолжать процессы аккультурации или интеграции, в некоторых случаях, возможно, сделать первый или последующий шаг в преодолении процессов сепарации, самосегрегации и сегрегации, налаживании коммуникации и социального взаимодействия между отдельными индивидами для возможного преодоления или размывания оппозиции «свой» – «чужой».

Методология нашего исследования: психологическая антропология. Методы исследования: метод включенного наблюдения, метод невключенного наблюдения, вторичный анализ статистических данных и социологических исследований (по темам миграции в России и адаптации мигрантов, в том числе детей), метод моделирования.

Социокультурная специфика адаптационных программ для детей мигрантов и резидентов

Дети, мигрирующие с родителями в ситуации семейной миграции (в том числе трудовых мигрантов иностранных граждан), являются основными целевыми группами для реализации программ по социокультурной адаптации и интеграции в российское общество, поскольку их базовая (первичная) социализация и инкультурация не завершена, следовательно, потенциал успешной аккультурации и интеграции (особенно при условии реализации грамотной миграционной и культурной политики) в данных группах наиболее высокий.

Для любого социокультурного пространства: мегаполисного, городского (крупных, средних, малых городов), сельского – адаптация и аккультурация в новой среде через повторяющиеся личные контакты (позитивные или хотя бы нейтральные) позволяет в перспективе разомкнуть самосегрегацию или сегрегацию группы, дает возможность сдвинуть ситуацию в направлении интеграционной стратегии аккультурации. Важную роль здесь может сыграть ситуация первого позитивного контакта, организованная в рамках реализации адаптационных программ.

Особую нишу в адаптационных программах для детей должна занимать игровая деятельность, позволяющая вступить в непосредственный контакт в пылу азарта и командной интеграции (т. е.

совместного целедостижения как основы активной человеческой адаптации к среде). Игровая деятельность в культуре носит универсальный характер: 1) самостоятельное удовольствие, получаемое от игры, снимает напряжение (в том числе происходит канализация агрессии в социально приемлемую форму тех или иных игровых достижений) и способствует налаживанию социокультурных контактов в коллективных играх; 2) через игру дети осваивают социокультурный мир, в том числе правила ролевого взаимодействия, социальные и культурные нормы, способы коммуникации; 3) через традиционные игры, транслирующие различные этнические традиции (и этнокультурные паттерны в целом), происходит непосредственное знакомство с культурой других народов (как мигрантов, так и резидентов). В ряде игр вербальная коммуникация успешно замещается невербальной коммуникацией или упрощается, благодаря добавлению паравербальных элементов, что может позволить преодолеть коммуникативный барьер для детей, слабо владеющих русским языком.

Важным элементом адаптационных программ также является знакомство с культурным многообразием и различными этнокультурными традициями, транслируемыми через разные тексты культуры: сказки, песни, танцы, игры, кулинарные традиции и традиции гостеприимства и др., что позволяет познакомиться с различными культурными паттернами в увлекательной форме и вне конфликтных ситуациях.

В целевые группы адаптационных программ могут входить дети мигрантов из стран СНГ и мигрантов из других стран (с учетом социальной и культурной специфики миграционных групп): дети трудовых мигрантов, обучающиеся в российских школах или посещающие дошкольные учреждения, дети мигрантов, недавно получивших гражданство, дети мигрантов, приехавших на длительный срок в РФ, дети беженцев и вынужденных переселенцев, дети мигрантов из других групп. Дети резидентов также являются целевыми группами для адаптационных программ.

Процесс социокультурной адаптации в ситуации миграции – процесс двусторонний, группам резидентов необходимо адаптироваться к изменениям социокультурной среды с увеличением миграционных потоков в зависимости от реально сложившейся ситуации [Барышева 2017; Искусство жить с непохожими людьми 2009; Миграция и безопасность в России 2000].

Важной составляющей социокультурной адаптации и аккультурации является отношение мигрантов и резидентов друг к другу, от этого зависит самоощущение и идентичность в новой среде, а также результат адаптации: «адаптация по типу интеграции» или «адаптация по типу психологической защиты или изоляции» [Миграция и безопасность в России 2000, с. 227]. Взаимное отношение групп резидентов и групп мигрантов друг к другу связано с процессами стереотипизации, на которые влияют три аспекта: 1) информация, циркулирующая в СМИ и СМК (в том числе многочисленные мифы о количестве мигрантов, влиянии их на уровень преступности, прямом влиянии количества детей мигрантов на низкое качество образования в школах и др.); 2) представления, основанные на информации, полученной от других членов группы, к которой принадлежит индивид (распространена некритичная трансляция распространенного мнения); 3) собственное знание фактов и обстоятельств из личного непосредственного опыта взаимодействия с представителями других групп [Миграция и безопасность в России 2000, с. 227]. В рамках школьного пространства дети могу непосредственно общаться между собой, чем младше школьный возраст, тем легче и непосредственней взаимодействие на первоначальном этапе. Незнание или слабое знание русского языка затрудняет процессы коммуникации и взаимодействия, по наблюдению психологов и учителей, дети мигрантов могут образовывать внутри класса отдельные группы, в частности, и по этой причине. Превалирование тенденций изоляции или самоизоляции в каждом конкретном случае требует дополнительных исследований. Различные культурные мероприятия, где происходит «смешивание» детей и взрослых из разных групп, дают точки пересечения и позволяют вступить в личный непосредственный контакт в более дружелюбной среде, если он был затруднен по каким-либо причинам. В перспективе регулярные интегративные культурные мероприятия позволяют преодолеть некритичную трансляцию групповых стереотипов и стереотипов, транслируемых в медиа, что особенно важно для взрослых мигрантов и резидентов, мнения и представления которых на начальном этапе влияют (хотя далеко не всегда являются определяющими) на стратегию аккультурации детей в новом социокультурном пространстве: ассимиляцию, интеграцию или кумулятивную аккультурацию, сепарацию, маргинализацию [Berry 1988; Berry 1990; Gibson 1998].

Культурные мероприятия по социокультурной адаптации и интеграции детей мигрантов в России

Для социокультурной адаптации и интеграции детей мигрантов слабо владеющих русским языком в первую очередь необходимы регулярные индивидуальные и / или групповые занятия с психологами, логопедами, педагогами и другими специалистами для профилактики и коррекции языковых, психологических, социальных, культурных и коммуникативных проблем на базе школ, детских садов, групп «русский как иностранный», культурных центров, библиотек, клубов, некоммерческих организаций, любой другой возможной базе.

Некоторые игровые мероприятия, способствующие социокультурной адаптации и интеграции, могут быть проведены и при плохом знании русского языка, достаточно объяснить жестами при использовании минимального словарного запаса, что нужно делать, а дальше помогут механизмы подражания и идентификации в процессе игры, особенно с появлением азарта и радости от игры, куда дети обычно вовлекаются активно, даже если поначалу могут быть настороженными или скованными.

В условиях дефицита ресурсов рекомендовано привлекать к реализации игровых мероприятий в рамках программ адаптации волонтеров, в их числе студентов и пенсионеров.

1. Локальные и регулярные мероприятия, включающие совместную деятельность детей (иностранных и российских граждан), родителей, педагогов (или других взрослых, в том числе волонтеров) на территории детского сада, школы, школы искусств, культурного центра, дома культуры, во дворе, на городской площади, в городском парке и т. д., проводимые с учетом возрастных особенностей развития детей и социокультурной специфики региона и населенного пункта:
   - мастер классы по изготовлению различных поделок и приобретению различных навыков: изготовление традиционных (этнических) кукол, роспись (например, хохломская и др.), лепка из соленого теста, поделки из бумаги, роспись пасхальных яиц, декупаж различных поверхностей и др.;
   - игры и игровые мероприятия: игры народов России, различные современные, национальные и традиционные игры народов мира; спортивные игры и другие игровые мероприятия (например, активные подвижные игры народов России, лапта,

городки, салки, вышибалы, чиж, верблюжонок, иноходец, хвосты, шапка и др.), для некоторых игр требуется реквизит, но многие игры из списка проводятся без реквизита и не требуют специальных площадок;

– ролевые и оргдеятельностные игры, предполагающие проработанные специалистами (педагогами, психологами, культурологами, социологами и др.) сценарии, способствующие адаптации, аккультурации, инкультурации, интеграции через освоение определенных знаний, навыков и выстраивание межкультурной коммуникации;
– театрализованные представления и праздники (самодеятельные, подготовленные совместно с детьми и родителями под руководством педагога / волонтера) на основе сказок, былин, малых и больших стихотворных форм, других произведений народов мира и народов России;
– досуговые мероприятия, направленные на знакомство с музыкальными и танцевальными традициями народов мира и России (инструментами, формами, мелодиями, песнями, напевами, танцами и др.), предполагающие общение детей перед и после выступлений.

2. Мероприятия, включающие совместную деятельность детей и педагогов (в том числе исследователей, волонтеров, студентов-практикантов, аниматоров и др.)

– краеведческие экскурсионные программы;
– культурно-познавательные и культурно-просветительские экскурсионные программы (посещение музеев, в том числе школьных, библиотек, архитектурных памятников, достопримечательностей и т. д.);
– создание сообществ по интересам (кружки, объединения, секции на добровольной и безвозмездной основе) по изучению истории, культуры, искусства, традиций;
– проведение различных тематических конкурсов и фестивалей для участия детей (от конкурса детского рисунка и сочинения до общегородских массовых мероприятий) на постоянной основе, в частности для выявления талантливых и одаренных детей (примерные темы: «Памятники культурного наследия в моем городе / регионе / республике / стране», «Культура

города N», «Моя “история” – моя культура», «Кто такой “другой”, если он не “свой”»).

3. Мероприятия по формированию микросреды и взаимной социокультурной адаптации мигрантов и резидентов на базе посольства, местной библиотеки, музея, культурного центра, дома культуры, центра социального обслуживания населения и т. д. Данные встречи могут быть организованы как для мигрантов и их детей отдельно, так и включать всех жителей района и желающих, в том числе местных жителей. Целевой аудиторией данных мероприятий являются прежде всего взрослые, поскольку от их типа адаптации и уровня интеграции напрямую зависит социокультурная адаптация и интеграция их детей;

– регулярные мероприятия, предполагающие встречи жителей района в неформальной обстановке (дегустация блюд национальной кухни, чаепитие, тематическая встреча в камерной обстановке (на любую тему: история города, района, этноса, семейная или личная история и др.);
– встречи родителей (возможно и детей) с приглашенными специалистами для консультации: психолог, логопед, педиатр, юрист и т. д.;
– цикл встреч с представителями различных этносов, этнокультурных общностей, национальностей для налаживания межкультурной коммуникации (темы любые: традиции, кухня, сказки, музыка, песни, рассказ о себе и своем индивидуальном пути и т. д.);
– цикл лекций или неформальных встреч с учеными и специалистами для знакомства с базовой информацией о культурах народов мира и России, межкультурной коммуникации, миграционных процессах и их особенностях в мире и в России, проблемах социокультурной адаптации и интеграции и т. д.

Важно отметить, что одной из возможных проблем реализации данных мероприятий, которую обозначают педагоги и психологи в частных разговорах, является сложность в привлечении детей и их родителей к мероприятиям на добровольных началах. В частности, некоторые сотрудники школ фиксируют, что в ряде случаев дети мигрантов и их родители, плохо владеющие русским языком, неохотно идут на контакты с психологом, который работает с адаптацией детей в школе, но при анкетных опросах и собеседованиях дают «социально

приемлемые» (т. е. ожидаемые от них по их предположению) ответы. При этом данные ученики могут держаться обособленной группой в классе, не вступая в контакты с другими учениками (реализовывают ли они стратегию самосегрегации, либо прежде всего подвергаются сегрегации в классе – требует дальнейших исследований в каждом конкретном случае). Для представителей принимающего сообщества препятствием для участия в данных мероприятиях могут являться негативные стереотипы и предубеждения, связанные с мигрантами, которые могут преодолеваться как раз в рамках вышеперечисленных мероприятий. Несмотря на обозначенную проблему, есть опыт успешного проведения различных мероприятий в школах и достижения положительных результатов. Также существуют исследования, подтверждающие положительный опыт проведения и интегративный результат, некоторых из перечисленных интеграционных культурных мероприятий [Деминцева 2017].

Все предложенные мероприятия, способствующие интеграции детей, прямо или косвенно также способствуют социокультурной адаптации и интеграции взрослых, понижению уровня социальной изоляции и самоизоляции мигрантов и их детей, взаимной адаптации мигрантов (взрослых и детей) и принимающего населения (взрослых и детей), налаживанию межкультурной коммуникации и социального взаимодействия.

Заключение

Интегративный потенциал культурных мероприятий заключается не только в расширении познаний в социально-гуманитарной сфере и расширении мировоззренческого «угла зрения» различных индивидов (как мигрантов, так и резидентов), но и в том, что в рамках данных мероприятий появляется возможность «увидеть» другого «лицом-к-лицу» «здесь-и-сейчас», вступая с ним в непосредственный контакт, наладить, хотя бы ситуационно, коммуникацию, решая совместную, пусть и игровую или краткосрочную, задачу, «услышать» его личную историю и «увидеть» его культуру. Еще К. Лоренц, как крупнейший этолог, писал о том, что преодоление агрессии идет через позитивный личный контакт, позволяющий разомкнуть групповое противостояние в индивидуальном взаимодействии [Лоренц 1994, с. 260], что

подтверждается в различных теоретических и практических подходах к социокультурной адаптации и аккультурации. Любое вышеперечисленное культурное мероприятие является комплексным и интегративным, по своей сути, любой текст культуры, который мы воспринимаем, транслирует паттерны носителей этой культуры и знакомит с ними. Опыт позитивного социального взаимодействия (или хотя бы нейтрального взаимодействия в ситуации наличия отрицательного опыта) позволяет преодолеть (попытаться преодолеть) коммуникативный барьер, выстроить коммуникацию (или попытаться выстроить), в том числе межкультурную коммуникацию при серьезных различиях параметров социализации).

Приведенные в статье мероприятия обобщены и типологизированы для упрощения систематизации. Для использования в реальной практике мероприятия необходимо дорабатывать с учетом конкретики социокультурной ситуации и организации процесса в рамках конкретного учреждения, наличия или отсутствия материальных и других ресурсов, социокультурных, этнокультурных, религиозных паттернов участников мероприятий (например, ограничения и запреты для девочек-подростков в некоторых этнокультурных группах, транслируемые в семье), особенно для запланированных адресных мероприятий.

Некоторые из перечисленных мероприятий проводятся в государственных бюджетных организациях (в первую очередь в школах), инициируются на региональном и муниципальном уровне (в основном, это фестивали, связанные с этнокультурным многообразием), реализуются как составные части программ в НКО, занимающихся адаптацией мигрантов, разрабатывались и реализовывались сотрудниками «Центра толерантности» (созданного на кафедре психологии личности МГУ) и научно-практического центра психологической помощи «Гратис» при МГУ (речь прежде всего о психотехниках толерантности, которые мы отнесли к ролевым и оргдеятельностным играм, не выделяя в отдельную группу). Проблема в том, что эта деятельность, реализуемая в рамках государственных организаций, часто носит не системный характер, в школах связана с личной инициативой и личными контактами конкретных представителей администрации или педагогического коллектива, что, с одной стороны, дает положительный эффект включенного неформального подхода (в противовес формализованному проведению «обязательных» мероприятий для «отчета»), с

другой стороны, остается очень локальной деятельностью в конкретных школах. Деятельность НКО, а также исследовательских и научно-практических центров, давшая положительные результаты и накопленный опыт реальной социокультурной адаптации и аккультурации детей мигрантов, редко распространяется за пределы ограниченной сферы деятельности и практически не перенимается государственными организациями, не включается в разрабатываемые программы. При этом сами профильные НКО часто существуют в ситуации очень ограниченных материальных и других ресурсов, но имеют опыт реальной волонтерской деятельности в рамках программ адаптации.

Мы полагаем, что предложенные культурные мероприятия в рамках адаптационных программ для детей мигрантов или как отдельные мероприятия, способствующие интеграции, должны стать широкой практикой социокультурной адаптации, практикой соучастия, налаживания личных контактов и коммуникации, расширения знаний о культурном многообразии в процессе непосредственного общения и взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Казарцева Е. В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 173–195. [Aleksandrov, D. A., Ivanyushina, V. A., Kazarceva, E. V. (2015.) Etnicheskij sostav shkol i migracionnyj status shkol'nikov v Rossii. (Ethnic composition and migration status of primary and secondary school students in Russia). *Voprosy obrazovaniya, 2*, 173–195. URL: https://vo.hse.ru/data/2015/06/30/1082447984/Ivanushina.pdf (дата обращения: 01.10.2020) (In Russ.)].

Барышева Ю. С. Комплексный подход к социокультурной адаптации мигрантов в Москве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. М.: МГИК, 2017. № 2. С. 72–78. [Barysheva, Yu.S. (2017). Kompleksnyj podhod k sociokul'turnoj adaptacii migrantov v Moskve. (An integrated approach to the social and cultural adaptation of migrants in Moscow). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2*, 72–78. Moscow: MGIK. (In Russ.)].

Деминцева Е. Б., Зеленова Д. А., Космидис Е. А., Опарин Д. А. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Том 4, № 4: 80–109. [Demintseva, E. B. Zelenova D. A., Kosmidis E. A., Oparin D. A. (2017).Vozmozhnosti adaptacii detej migrantov v shkolah Moskvy i Podmoskov'ya (Adaptation of migrant

children in schools in Moscow and the Moscow region). *Demograficheskoe obozrenie, 4*(4), 80–109. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-adaptatsii-detey-migrantov-v-shkolah-moskvy-i-podmoskovya/viewer (дата обращения: 01.10.2020) (In Russ.)].

Искусство жить с непохожими людьми: психотехника толерантности / под ред. А. Г. Асмолова, Г. У. Солдатовой, А. В. Макарчук. М.: Издательский дом «Московия», 2009. [Asmolov, A. G., Soldatova, G. U., Makarchuk, A.V. (eds.), (2009), Iskusstvo zhit' s nepohozhimi lyud'mi: psihotekhnika tolerantnosti. (*The Art of Living with Different People: The Psycho-Technique of Tolerance*). Moscow: Izdatel'skij dom «Moskoviya». (In Russ.)].

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М.: Прогресс, 1994. [Lorenc, K. (1994). Agressiya (tak nazyvaemoe «zlo»). (*Aggression (so-called "evil")*). Moscow: Progress. (In Russ.)].

Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2015. [Malahov, V. S. (2015). Integraciya migrantov: koncepcii i praktiki. (*Integration of migrants: concepts and practices*). Moscow: Fond «Liberal'naya missiya». (In Russ.)].

Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской, И. Панарина; Московский центр Карнеги. М.: Интердиалет +, 2000. [Vitkovskaja, G., Panarin, I. (eds.), (2000), Migraciya i bezopasnost' v Rossii (*Migration and Security in Russia*). Moskovskij centr Karnegi. Moscow: Interdialet +. (In Russ.)].

Моисеенко В., Переведенцев В., Воронина Н. Московский регион: миграция и миграционная политика. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. Вып. 3, 1999. [Moiseenko, V., Perevedencev, V., Voronina, N. (1999). Moskovskij region: migraciya i migracionnaya politika. (*The Moscow region: migration and migration policy*). Moskovskij centr Karnegi. Rabochie materialy. Issue 3. (In Russ.)].

Тюрюканова Е. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество // Иммигранты в Москве: под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 2009. [Tyuryukanova, E. (2009). Trudovye migranty v Moskve: "vtoroe" obshchestvo. (Labor migrants in Moscow: the "second" society). Zajonchkovskaja, Zh. A. (ed.), *Immigranty v Moskve*. Moscow. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0389/analit01.php (дата обращения: 01.10.2020) (In Russ.)].

Berry J. W., Kim U. Acculturation and mental health // Health and cross-cultural psychology / P. Dasen, J. W. Berry, N. Sartorius (eds.). London: Sage, 1988. Pp. 207–236.

Berry J. W. Psychology of acculturation: Understanding individuals moving between cultures // Applied cross-cultural psychology. Newbury Park: Sage, 1990. P. 232–253.

Gibson M. Accommodation without assimilation: sikh immigrants in an American high school. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.

УДК 008+930.85+94(47) DOI 10.52070/2542-2197_2021_1_843_220

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии, доцент
доцент кафедры мировой культуры
Московского государственного лингвистического университета
eperova71@list.ru

ПРИНЦИПЫ И ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются некоторые направления и особенности хранения, коллекционирования и описания памятников культуры в России начала XX в. Понимание принципов деятельности в данной сфере помогает составить представление об атмосфере того времени как в научных кругах, так и в обществе в целом. Используются материалы публикаций в периодическом издании «Старые годы», до сих пор не получившие широкого всестороннего освещения в научной литературе. Отмечаются подходы и методы изучения памятников культуры, подчеркивается преемственность принципов работы в данной сфере. Проводятся параллели с использованием соответствующих практик в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова: памятник культуры; русская история и культура; традиция; «живой музей»; XX век; периодическое издание «Старые годы».

E. Yu. Perova

PhD (Culturology), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of World Culture,
Moscow State Linguistic University
eperova71@list.ru

PRINCIPLES AND PRACTICES FOR THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article examines some directions and features of storage, collecting and description of cultural monuments in Russia at the beginning of the XX-th century. Understanding the principles of activity in this sphere helps to get an idea of the atmosphere of those times both in scientific circles and in society on the whole. The publications in the periodical «Starye Gody» are used, which have not received wide comprehensive coverage in the scientific literature yet. The connection in approaches and methods in the study of a cultural monument is pointed, the continuity of the

principles of work in this area is emphasised. The parallels are drawn with the use of relevant practices in the modern sociocultural space.

Key words: cultural monument; Russian culture and history; tradition; museum; XX century; periodical «Starye Gody».

Введение

Основные принципы сохранения культурного наследия связаны с философско-мировоззренческим подходом и отношением к предмету, старине, традиции, шире – памяти предшествующих поколений. С такими идеями связана философия «общего дела» (в частности музейного) «русского Сократа» Н. Ф. Федорова. Идеи этого мыслителя во многом определили направление научной мысли в различных сферах в России в начале XX века. Философские идеи мыслителя реализовались в рамках «русского космизма» и дальнейшего освоения космоса, в литературном процессе того времени и широкой публицистическо-просветительской деятельности на страницах периодических специализированных изданий.

Дореволюционные издания начала XX века в настоящее время сами являются предметом музейных и частных собраний и представляют собой особую ценность по нескольким причинам. Прежде всего отношением к предмету исследования. Эта традиция увлеченности и погружения в сферу научных интересов, бескорыстного служения делу, науке лежит в основании трудов лучших отечественных исследователей советского и постсоветского времени. Во-вторых, на материале этих изданий интересно и важно проследить, как менялись акценты направления исследований (например, если рассматривать искусствоведческую сферу, то можно сопоставить в процентном отношении количество статей, посвященных русскому, западноевропейскому и восточному искусству). Этот дискурс может объясняться и геополитической ситуацией конкретного времени, так называемой «культурной политикой», связанной с выстраиванием государственных отношений с определенными странами, что, в свою очередь, может влиять и на классификацию памятников старины, на коллекционирование и экспозиционную деятельность, комментарии к которой становятся предметом научных исследований и публикаций. Кроме того, большое значение имеет то, как написаны материалы в этих специализированных дореволюционных изданиях; в прекрасном

владении русским языком (без распространенного в настоящее время излишнего наукообразия в стиле) раскрывается мировоззрение и сердечная открытость автора. Эти и другие моменты, с одной стороны, создают особую атмосферу эпохи, у которой можно многому научиться и, с другой стороны, по тем изменениям, которые произошли в той же сфере к настоящему времени, проанализировать социокультурную ситуацию в целом.

Принципы служения искусству в кругу авторов издания «Старые годы» как атмосфера эпохи

В периодическом (выходил ежемесячно) издании «Старые годы» постоянно публиковались известия о событиях (приобретении, реставрации, описании и др.) в государственных музейных и частных (многие из которых были доступны для посещения в определенные дни для всех желающих) собраниях. Также на страницах издания встречаются некрологи, в которых как дань благодарной памяти присутствуют воспоминания, высвечивающие лучшие черты не только почившего, но и того времени в целом. Так, встречаем заметку, посвященную памяти ушедших И. А. Всеволожского (деятель в театральной и музейной сфере, в разные годы директор императорских театров, осуществивший театральную реформу 1882 г., автор эскизов костюмов ко многим спектаклям; его называли «добрым гением русского театра»; директор императорского Эрмитажа) и С. С. Боткина (врач; сын известного клинициста и брат расстрелянного и канонизированного врача царской семьи; собрал одну из лучших в России коллекцию русских рисунков за два века, которая в настоящее время частично хранится в Третьяковской галерее и Русском музее, его дом в Петербурге называли «домом-музеем»). В опубликованной заметке говорится о них как о людях, в равной степени дорогих, но столь разных по мировоззрению, характеру, культуре. Объединяла их любовь к искусству, «оба составляли неделимую частицу того маленького оазиса, где идет совсем особая, милая нам “своя” жизнь, где существует иногда почти смешное, но всё же пленительное и восторженное увлечение всем старинным, умершим и забытым» [Врангель 1910, с. 50]. Как пишет автор заметки о С. С. Боткине, «в этом солидном и умном профессоре, как-то прекрасно и мило, мило как у детей, сочеталась

страстная любовь ко всему современному, новому, живому, с особенной, такой характерной для нашего времени, нежной и почтительной страстью к ушедшим годам» [там же]. Утонченное понимание старины было у С. С. Боткина скорее не следствием его профессиональных знаний, а «исключительно как чуткого и умного человека»; «он вечно чего-то искал, что-то устраивал, всегда восторженно и как-то особенно “вкусно” рассказывал о своих новых покупках… Но вместе с тем это не был узкий эгоист, скопляющий Бог весть для чего, сокровища и хранящий их недоступными» [там же]. В таком отношении к жизни и к искусству «таилась огромная моральная сила…» [там же]. Следует заметить, что «нравственный императив», этическое начало подспудно всегда присутствует в публикациях, больших исследованиях или маленьких заметках, причем распространяется не только на людей, но и на памятники культуры. И в этом присутствует проявление патриотизма, служения Отечеству. С негодованием комментируются акты продажи памятников заграницу, когда после смерти владельцев собрания передавались не в музеи, а были «сбыты на сторону за гроши…» [Старые годы, февраль 1910, с. 45].

Нередко вспоминаются на страницах издания меценаты прошлых десятилетий (например, 30-х гг. XIX в. А. Р. Томилов и др.).

Собранные коллекционерами в течение десятилетий произведения искусства многими из владельцев были подарены еще при их жизни городу, и сегодня это – хрестоматийные памятники в известных государственных коллекциях.

Среди авторов публикаций и коллекционеров встречаются выдающиеся люди, привычно известные в других областях деятельности. Так, например, П. П. Тян-Шанский, известный ученый в области географии, ботаники, экономики, статистики, председатель Императорского Русского географического общества и президент Русского энтомологического и других обществ, член нескольких академий, организатор в 1897 году первой переписи населения в России, не был равнодушен к старине, памятникам культуры, произведениям искусства. Им была собрана коллекция нидерландской живописи, самая большая в России, причем, зная о том, что передаст ее Эрмитажу (в любом случае документально подтверждены просьбы ученого сохранить коллекцию в России, что было нарушено после революции, когда в 20-е гг. единицы хранения, уже находясь в фондах Эрмитажа,

распродавалась на европейских аукционах), приобретал картины тех авторов, которых не было в собрании Эрмитажа. Ученый разбирался в живописи и публиковал статьи в этой области, им был издан труд «Этюды по истории нидерландской живописи».

Упоминаемый в статье И. А. Всеволожский, возглавляя работу Эрмитажа, смог привлечь лучших специалистов, коллекционеров и художников (например, А. Бенуа), силами которых издавались журналы (прежде всего «Художественные сокровища России» и «Старые годы»), отражающие не только музейную деятельность, но затрагивающих в целом отношение к культурному наследию, систематизацию памятников старины и принципы их описания и хранения.

Подходы и методы работы с единицами хранения

В области коллекционирования, систематизации и описания памятников, имеющих культурное значение, П. П. Тян-Шанский предложил новый метод, когда отдельный памятник воспринимался в контексте своей эпохи. Позже продолжением этой научной мысли будет концепция Д. С. Лихачева, названная им «экологией культуры», в том числе согласно которой памятник должен рассматриваться в ландшафтном окружении своего времени, что требовало сохранения архитектурного, природного и территориального контекстов. Такой подход в изучении наследия прошлого требует многосторонности, историзма и узкоспециальных знаний предмета.

Этот важнейший принцип сохранения памятника, включающий детальную атрибуцию, научно-исследовательский подход, проявляется в публикациях на страницах издания «Старые годы»; так, в одной из своих заметок П. П. Тян-Шанский проводит атрибуцию картины голландского художника, уточняя путь ее перемещения в Россию: «По доставлении ее в Петербург, она попала в число тех приобретений Императрицы, которыми она так охотно делилась с тогдашними немногочисленными ценителями искусства, собиравшими себе коллекции картин в России. К таким коллекциям принадлежали и картины, собранные в эту эпоху в Москве культурною и высокопросвещенною фамилией Мосоловых, у которых картина и сохранялась около ста лет…» [Тян-Шанский 1910, с. 35].

Названный выше принцип контекстного комплексного сохранения культурного наследия, систематизации и атрибуции был нов для

европейских исследователей, однако в России того времени применялся широко и благодаря ему именно в начале XX века вносились исправления и уточнения, связанные с авторством памятников, а также в портретном жанре в связи с изображенными на полотнах персонами. Итоги таких «расследований» (как результат внимательного изучения работ одного художника, круга общения того, кто изображен на картине, и, в свою очередь, их портретов) публиковались в статьях барона Н. Врангеля и А. Селиванова, посвященных, например, портретисту Михаилу Шибанову [Старые годы, февраль 1910].

В описанном подходе к изучению памятника сочеталась объективность, опирающаяся на собранный историко-культурный и искусствоведческий материал, с непосредственностью живых личносубъективных оценок и восприятия. Также важной характеристикой дореволюционной музейной деятельности было публичное описание и комментарии по поводу новых поступлений в музейные собрания. Этот процесс пополнения памятниками собраний мог отслеживаться любым заинтересованным человеком.

В начале XX века появляется достаточно большое количество специализированных музеев (Дарвиновский музей, Музей Л. Н. Толстого, «Чеховская комната» при Румянцевском музее, Музей Н. Г. Рубинштейна при Московской консерватории, Музей изящных искусств и др.). В их работе применялся подход комплексного изучения предмета в широком историческом контексте. Сами единицы хранения были не только «мертвыми» витринными экспонатами, но на их основе проводились научные изыскания.

Вскоре после революционных событий как попытка противостояния уничтожению памятников культуры рождается идея «живого музея», которая была теоретически обоснована в работах священника Павла Флоренского. Согласно этой теории единицы хранения могут функционировать и в современной жизни. В названной выше заметке, посвященной С. С. Боткину, находим слова о том, что «он именно любил видеть старое в жизни, выносить из своих папок, показывать и рассматривать эти, дорогие ему, фрагменты былого, как бы приобщая их к действительности» [Врангель 1910, с. 50]. В идее «живого музея» присутствует христианская картина мира: все прошедшее может восприниматься как ныне пребывающее в жизни (это относится к календарным датам, событиям, памяти святых, также и ко всем явлениям окружающего мира).

В более широком смысле идея «живого музея», появившаяся в лоне отечественной науки и мировосприятия, призывает к внимательному человечному, «гуманистическому» отношению к миру. Неслучайно современные исследователи этого направления отмечают, что наиболее подходящей формой воплощения традиции как «способа сохранения человеческого измерения реальности» является музей (в том числе «под открытым небом»; и в более широком смысле – любой объект культурного наследия), который, в таком случае, может рассматриваться как возможность противостояния вытеснению человеческого начала и человечности в современном мире [Столяров 2004]. «Одним из признаков “гуманитарной” реакции на наступление “техноса” является невиданный рост числа музеев в конце XX в. Свыше 90% от их общего числа возникли в таких высокоразвитых в промышленно-техническом отношении странах, как США, Англия и др. Востребованность музея обществом – показатель осознания человечеством места культуры и искусства в своей жизни, а также необходимости ориентироваться на высшие духовные цели в процессе социально-экономической деятельности» [там же, с. 7–8].

Отношение к миру, прошлому, памятнику базируется в отечественной традиции на философии, созданной первым поколением славянофилов. В статье «О старом и новом» А. С. Хомяков писал: «Всякая эпоха, всякий народ содержит в себе возможность своего художества, если только чему-нибудь верит, что-нибудь любит, если имеет какую-нибудь религию, какой-нибудь идеал», только такой человек способен создавать что-либо «цельным синтезом души»; творческая деятельность определяется как «живой плод жизни, стремящейся выражать … идеалы, сокрытые в ее вечных изменениях» [Хомяков 1988, с. 63–65]. В таком гносеологическом подходе было выражено противостояние преимущественно рациональному пути познания. «Мышление без сердца» позже будет рассматриваться в отечественной картине мира как беспочвенное «умственное разложение жизни» (И. А. Ильин). С таким всесторонним и «сердечным» подходом традиционно связаны и принципы сохранения культурного наследия в России.

Заключение

Нравственная и интеллектуальная атмосфера и принципы работы с памятниками старины – главное, на что можно обратить внимание

и применить в настоящее время. Одним из приоритетных направлений внутренней государственной политики всегда оставалось сохранение культурного наследия, в том числе опыт открытого описания новых поступлений в коллекции или реставрационно-восстановительных процессов. Остается востребованной распространенная в начале XX века практика совместной деятельности научно-исследовательских центров-собраний памятников культуры и специализированных периодических изданий, имеющих широкие просветительские цели. Также важен пример подвижников в области охраны памятников старины, музейного дела и просвещения – «людей, искренне любящих искусство и душою ему преданных», которых объединяет бескорыстное служение Отечеству [Старые годы, март 1914, с. 59].

В течение двух десятилетий XXI века можно было наблюдать несколько вспышек научного интереса к области охраны культурного наследия. При этом внимание фокусировалось на отдельных аспектах теоретического изучения вопроса (в том числе было предложено новое научное определение понятия «памятник истории и культуры» [Кулемзин 2001]); рассматривались частные и региональные особенности и проблемы в данной области, и в контексте безопасности государства, в правовом и экономическом контекстах; даже такие аспекты, как сохранение культурного наследия в цифровом формате [Чепелева 2020]. Вместе с тем область внимания остается актуальной и требует дополнительных ракурсов изучения.

При комплексном изучении в широком историософском контексте вопросов, связанных с сохранением культурного наследия, необходимо обращаться к опыту предшествующих поколений. Изменение вектора и процесса развития любой сферы деятельности помогает выявить и проанализировать особенности социокультурной ситуации настоящего исторического момента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Врангель Н., барон. Сергей Сергеевич Боткин // Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Февраль, 1910. С. 50. [Vrangel` N. (1910). Sergej Sergeevich Botkin (*Sergey Sergeevich Botkin*). St. Petersburg: Stary`e gody`. Ezhemesyachnik dlya lyubitelej iskusstva i stariny`. (In Russ.)].

Кулемзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление: дис. ... д-ра культурол. наук. Томск, 2001. [Kulemzin A. M. (2001). Okhrana pamyatnikov v Rossii kak istoriko-kul`turnoe yavlenie (*Protection*

of monuments in Russia as a historical and cultural phenomenon). Tomsk. (In Russ.)].

Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Февраль, 1910. [Stary`e gody`. Ezhemesyachnik dlya lyubitelej iskusstva i stariny` (1910). (*A monthly magazine for art and antiquity lovers.*). St. Petersburg: Stary`e gody`. (In Russ.)].

Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Март, 1914. [Stary`e gody`. Ezhemesyachnik dlya lyubitelej iskusstva i stariny` (1914). (*A monthly magazine for art and antiquity lovers.*). St. Petersburg: Stary`e gody`. (In Russ.)].

Столяров Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004. [Stolyarov, B. A. (2004). Muzejnaya pedagogika. Istoriya, teoriya, praktika (*Museum pedagogy. History, theory, practice*). Moscow : Vy`sshaya shkola. (In Russ.)].

Тян-Шанский П. П. Новая картина в собрании Б. И. Ханенко // Старые годы. Ежемесячник для любителей искусства и старины. Февраль, 1910. С. 34–36. [Tyan-Shansky P. P. (1910). Novaya kartina v sobranii B. I. Khanenko (*New painting in the collection of B. I. Khanenko*) (pp. 34–36). St. Petersburg: Stary`e gody`. (In Russ.)].

Хомяков А. С. О старом и новом: статьи и очерки / Вступ. ст. и коммент. Б. Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. [Khomyakov, A. S. (1988). O starom i novom: stat`i i ocherki. (*About old and new: articles and essays*). Moscow: Sovremennik. (In Russ.)].

Чепелева Н. Н. Сохранение объектов культурного наследия г. Омска в цифровом формате: вопросы социально-экономической эффективности проектов // Образование. Транспорт. Инновации. Строительство: сборник материалов III Национальной научно-практической конференции. 2020. С. 656–659. [Chepeleva, N. N. (2020). Sokhranenie ob`ektov kul`turnogo naslediya g. Omska v czifrovom formate: voprosy` soczial`no-e`konomicheskoj e`ffektivnosti proektov. (*Preservation of cultural heritage objects of Omsk in digital format: issues of socio-economic efficiency of projects*) (pp. 656–659). Omsk. (In Russ.)].

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 1 (843)	Issue 1 (843)

Ответственный редактор выпуска 1 (*843*)

кандидат филологических наук профессор Т. В. Медведева

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 15.04.2021
Усл. печ. л. 14,3. Формат 60x90/16.
Заказ № 20/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.